ISSN 0131-6117

Русская речь

RUSSIAN SPEECH

МОСКВА, 2022

5

СЕНТЯБРЬ–ОКТЯБРЬ

300 лет Российская Академия Наук

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАО, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет

А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН

М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США

В. В. Дементьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского

Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН

А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет

А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания

М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США

Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия

Х. Пфандль Dr. phiL, проф., Грацский университет, Австрия

Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

А. А. Соколянский д. ф. н., проф., Северо-Восточный государственный университет

Зав. редакцией: **О. В. Антонова**

Зав. отделами: **А. В. Занадворова, М. А. Пузина**

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Русская речь»

Телефон: +7 495 637-27-35

E-mail: rus-rech@mail.ru

Сайт: http://russkayarech.ru/

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

© Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

© Российская академия наук

© Составление. Редколлегия журнала «Русская речь», 2022

ISSN 0131-6117

ISSN 0131-6117

Russian Speech

RUSSKAYA RECH'

MOSCOW, 2022

5

SEPTEMBER–OCTOBER

Founded in January 1967

6 issues per year

Russian Speech

No. 05 | 2022

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Alexander A. Sokolyansky North-Eastern State University, Magadan, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: **Olga V. Antonova**
Editorial staff: **Anna V. Zanadvorova, Maria A. Puzina**

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Website: http://russkayarech.ru/

ISSN 0131-6117

Содержание

Проблемы современного русского языка

7..... *М. М. Вознесенская.* *Уши* в русской фразеологии

26..... *А. Б. Летучий, М. Джонова.* Способы оформления одушевленного участника при предикативах в русском и болгарском языках

47..... *Е. А. Никишина.* Дискурсивные маркеры-регуляторы устной речи (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* и особенности их употребления

64..... *В. И. Подлесская, Н. А. Коротаев.* «*Эту… как ее… переписку Энгельса с этим… как его, дьявола… с Каутским*» — об одном маркере речевого затруднения в русском языке

79..... *Д. М. Судник.* Лакуна необходимого регистра буквы-пиктограммы

Из истории русского языка

88..... *Е. Л. Березович, Т. А. Макшакова.* Еще раз об этимологии рус. *малахольный*

Язык художественной литературы

104..... *О. С. Шурупова.* Речевой портрет маленького человека (на материале повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна»)

115..... *М. И. Шутан.* О смысловых связях между элементами конструкций с присоединительными развернутыми сравнениями

Contents

Issues of Modern Russian Language

7..... *Maria M. Voznesenskaya.* *Ushi* ('Ears') in Russian Phraseology

26..... *Alexander B. Letuchiy, Marina Dzhonova.* Ways of the Marking of the Animate Participant with Predicatives in Russian and Bulgarian

47..... *Elena A. Nikishina.* Discursive Markers-Regulators of Communication (*po*)*slušaj*, (*po*)*smotri*, (*po*)*stoj* and Their Usage Characteristics

64..... *Vera I. Podlesskaya, Nikolay A. Korotaev.* "*Étu… kak ejo… perepisku Éngelsa s etim… kak ego, djavola… s Kautskim*" — A Case Study of a Placeholder in Russian

79..... *Dzmitry M. Sudnik.* Lacuna of the Pictogram Letter Register

From the History of the Russian Language

88..... *Elena L. Berezovich, Tat'yana A. Makshakova.* Once Again on the Etymology of Russ. *Malakhol'nyi*

The Language of Fiction

104..... *Olga S. Shurupova.* Speech Portrait of a Small Person (on the Material of the Story "Sofya Petrovna" by L. K. Chukovskaya)

115..... *Mstislav I. Shutan.* On Semantic Relations between Structural Elements with Connecting Detailed Comparisons

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 07–25

Проблемы современного русского языка

Уши в русской фразеологии

Мария Марковна Вознесенская, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), voznes-masha@yandex.com

DOI: 10.31857/S013161170022852-6

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена описанию соматизма *уши* в русской фразеологии. Анализируются более 100 фразеологических единиц с компонентом *ухо/уши*, рассматриваются признаки этого соматического объекта, которые были «отобраны» русской фразеологией, и то, как эти признаки переинтерпретируются в актуальном значении идиом. Выявляются структурные, физические и функциональные признаки соматического объекта уши. Среди структурных признаков наиболее важными являются парность ушей и их местонахождение — голова, что имеет различные следствия. Уши служат ограничителями тела человека по вертикали и частей головы (лица, рта) по горизонтали, маркируют нормальное положение тела человека в пространстве, являются метрологической единицей. Кроме этого, уши как выступающая часть головы становятся объектом различных физических манипуляций — за них тащат, их обрывают, на них вешают различные предметы. Физические признаки достаточно малочисленны и актуализуются в небольшом количестве идиом. Наиболее очевидно представлены температурные характеристики ушей. Основной функциональный признак ушей, отраженный в русской фразеологии, — это способность воспринимать звуки. Также выявляются различные дисфункции ушей — физиологическая (полная или частичная) неспособность слышать, случайное, непроизвольное невосприятие звуков и информации или намеренное нежелание слышать. Показано, что в бóльшей части идиом *уши* обозначают соматический объект человека, но внутренняя форма некоторых фразеологизмов русского языка отсылает к миру животных и тогда *уши* представляют собой зоосоматизм. Отмечается, что *уши* являются полиреферентным именем соматического объекта, объединяющего в себе

признаки разных классов соматических объектов. Уши — это и часть тела, точнее часть части тела (часть головы), и орган (орган слуха), и отверстие. Часть проанализированных признаков реально присущи ушам как биологическому соматическому объекту, некоторые признаки являются воображаемыми или имеют национально-культурную специфику.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская фразеология, идиома, внутренняя форма, актуальное значение, структурные, физические, функциональные признаки соматического объекта, соматизм, зоосоматизм, *уши*

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Вознесенская М. М. *Уши* в русской фразеологии // Русская речь. 2022. № 5. С. 7–25. DOI: 10.31857/S013161170022852-6.

Issues of Modern Russian Language

Ushi (‘Ears’) in Russian Phraseology

Maria M. Voznesenskaya, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), voznes-masha@yandex.com

ABSTRACT: The article provides the description of the somatism *ushi* (‘ears’) in Russian phraseology. The paper analyses more than 100 phraseological units with the component *ukho/ushi* (‘ear/ears’). The article examines the characteristics of this somatic object that were “selected” by Russian phraseology, and how these characteristics are reinterpreted in the actual meaning of idioms. The work reveals structural, physical and functional features of the somatic object ‘ears’. Among the structural characteristics, the most important are binarity of ears and their location — the head, which has various implications. Ears serve as limiters of the human body vertically and parts of the head (face, mouth) horizontally, mark the normal position of the human body in space, are a metrological unit. In addition, the ears as a protruding part of the head become the object of various physical manipulations — they are pulled, they are torn off, various objects can be hung on them. Physical features are quite few and are actualized in a small number

of idioms. The most obvious are the temperature characteristics of the ears. The main functional feature of the ears, reflected in Russian phraseology, is the ability to perceive sounds. Various ear dysfunctions are also revealed — physiological (complete or partial) inability to hear, accidental, involuntary, non-perception of sounds and information, or intentional unwillingness to hear. It is shown that in most idioms *ushi* ('ears') denote a somatic object of a human, but the inner form of some Russian phraseological units refers to the world of animals, and then the word *ushi* ('ears') is zoosomatism. It is noted that the ears are a polyreferent name of a somatic object that combines features of different classes of somatic objects. The ears are both a part of the body, or rather a part of a part of the body (part of the head), an organ (the organ of hearing), and an opening. Some of the analyzed features are actually inherent in the ears as a biological somatic object, some features are imaginary or have national and cultural specifics.

KEYWORDS: Russian phraseology, idiom, inner form, actual meaning, structural, physical, functional features of somatic object, somatism, zoosomatism, *ushi* ('ears')

FOR CITATION: Voznesenskaya M. *Ushi* ('Ears') in Russian Phraseology. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 5. Pp. 7–25. DOI: 10.31857/S013161170022852-6.

— Бабушка, почему у вас такие большие уши?
— Чтобы лучше слышать, дитя мое.

(Шарль Перро «Красная шапочка»)

Предмет рассмотрения в статье — соматизм *ухо/уши*, входящий в состав фразеологических единиц (ФЕ) русского языка. В словарях русского языка [Даль, Михельсон 1997; Молотков (ред.) 2006; Любенская 2004; Баранов, Добровольский (ред.) 2018; Баранов, Добровольский (ред.) 2020] содержится около 100 ФЕ с компонентом *ухо/уши*. Нас будет интересовать, какие признаки этого соматического объекта получили отражение в русской фразеологии и как эти признаки были переосмыслены в актуальном значении фразеологизмов[1]. При анализе используется признаковый подход, разработанный для описания телесности (семиотической концептуализации тела) [Крейдлин 2010; Крейдлин, Переверзева 2010;

[1] Имеются в виду языковые признаки имени соматического объекта *уши* [Крейдлин (ред.) 2020. Т. 1: 99]. О биологических свойствах ушей как биологического соматического объекта см., например, в [Медицинская энциклопедия; Этинген 2006].

Крейдлин (отв. рук.) 2020]. Будут рассмотрены три группы признаков: структурные, физические и функциональные. Один и тот же признак может актуализоваться в нескольких фразеологизмах, а одна ФЕ может содержать указание сразу на несколько признаков.

Структурные признаки

К структурным признакам соматического объекта относятся особенности его строения, в частности указание на связь этого объекта с другими — то, частью какого другого соматического объекта он является, и членимость самого объекта, т. е. какие другие объекты входят в его структуру, а также сочленимость рассматриваемого соматического объекта с другими объектами.

В ряде ФЕ русского языка содержится указание на существенные структурные признаки соматического объекта *уши* — его парность и на его местоположение — голову[2]: *голова [—] два уха*; *в одно ухо влетает*, *в другое вылетает*; *в одно ухо вошло*, *в другое вышло*; *в одно ухо влезет*, *в другое вылезет*; *одним ухом спит*, *другим слышит*; *[улыбаться] от уха до уха*; *давить ухо*; *выше лба уши не растут*; *не видать как своих ушей*; *за ушами трещит*: *О, я сознаю, как виноват я пред молодежью, что не могу по-настоящему учить ее и помогать ей, что не могу поставить на рельсы Г. В. Ф<лоровского>, да и других. Но что же мне делать, —* ***выше лба уши*** *не растут* (С. Н. Булгаков. Дневник); *Я рассмеялась, а Регина заметила, что именно так они и называются, эти самые ребрышки, «поедаки», и поедаются так, что* ***за ушами трещит****…* (Д. Рубина. Медная шкатулка); *Ибо наш Дубовый зал прикрыли на реконструкцию, и в писательской среде ходили слухи, что цедээловское начальство ресторан попросту продало каким-то туркам и мы не увидим больше своего клубного пристанища как* ***своих ушей*** (Н. Климонтович. Последняя газета).

Парность ушей может быть выражена как числительным *два*, так и местоимением *одно* и прилагательным *другое*. Топографический признак ушей — то, что они расположены на голове, т. е. являются частью части тела, присутствует в идиомах как в явном виде (*голова [—] два уха*), так и в «свернутом», требуя привлечения наших знаний о мире. Так, выражение *давить ухо*, имеющее значение ‘спать’, апеллирует к обычной для сна горизонтальной позе на боку, когда голова и, соответственно, ухо прижатым

[2] Удивительно, что эти признаки ушей (парность и нахождение на голове) не содержатся ни в одном словарном определении слова *ухо* [Евгеньева (ред.) 1982; Кузнецов (ред.) 2002]. Ср. определение слова *ear* (‘ухо’) в английском языке ‘either of the organs on the sides of the head that you hear with’ (букв. «любой из двух органов по бокам головы, при помощи которых вы слышите») [Oxford Advanced Learner’s Dictionary 2010].

к тому, на чем спят, например к подушке[3]. Во ФЕ *выше лба уши не растут*; *не видать как своих ушей*; *за ушами трещит* получает выражение (как эксплицитное, так и имплицитное) сочленимость ушей с другими соматическими объектами (частями головы) — лбом, глазами и челюстями.

Расположение ушей на голове, осмысляемой как верхняя часть тела человека, имеет несколько следствий. Во-первых, уши служат своеобразным «ограничителем», указывающим на границу тела сверху, что отражается в идиомах *от пяток до ушей*; *от ушей до пяток*, имеющих значение 'целиком, полностью': *Я почувствовал, что горю от* ***пяток*** *до кончиков* ***ушей*** (М. Петросян. Дом, в котором...); *И они, нарушители, тоже смешные, в гипсе, перевязанные от* ***пяток*** *до* ***ушей*** (С. Л. Рябцева. Дети восьмидесятых).

В русской фразеологии есть другие синонимичные выражения, имеющие то же значение и аналогичную модель внутренней формы, включающую указание на различные части тела и части частей тела человека, осмысляемые как «верх» и «низ»: *с головы до ног*, *с ног до головы*, *с головы до пят*; *от пяток до макушки*. Яркий и понятный образ, лежащий в основе рассматриваемых идиом и приводящий к широкой вариативности компонентного состава, имеет своим следствием большое количество игровых авторских трансформаций: *В тот день всю тебя,* ***от гребенок до ног****, / Как трагик в провинции драму Шекспирову, / Носил я с собою и знал назубок, / Шатался по городу и репетировал* (Б. Пастернак. Марбург); *Пока Медея заполняла карточку, еще до того как очередная пациентка доверчиво раскрывала рот, он успевал острым взглядом произвести доброжелательный и профессионально-мужской осмотр* ***от макушки до лодыжки*** (Л. Улицкая. Медея и ее дети).

Помимо рассмотренного выше ограничения по вертикали *уши* могут служить ограничителями по горизонтали, и в этом случае они указывают на границы не всего тела, а только частей головы — *лица*, *рта*. Этот признак актуализуется во ФЕ *рот до ушей [хоть завязочки пришей]*; *[улыбаться] от уха до уха*; *покраснеть до ушей*. Во всех этих выражениях *до ушей* имеет значение Magn: 'очень большой рот', 'очень широкая улыбка', 'очень сильно покраснеть': *Отец Иаков — сама доброжелательность, улыбается* ***от уха до уха****, но разговор у нас почему-то так и не склеился* (Д. Соколов-Митрич. Идеальные православные // «Русский репортер», 2012); *Гляжу: на блюде лежит человеческая голова — да еще какая!.. Ах ты господи боже мой!.. Раздутые щеки, нос — два мои кулака,* ***рот до ушей****, глаза по ложке... Ну!!! Екнуло во мне сердечко. Эко блюдо изготовили!* (М. Н. Загоскин. Вечер на Хопре); *Варвара* ***покраснела до ушей*** *— хотя уши тоже, наверное, покраснели* (Т. Устинова. Подруга особого назначения).

[3] Это слово имеет прозрачную внутреннюю форму, указывающее на его признак — местонахождение «под ухом».

Вторым следствием, связанным с расположением ушей на голове, является то, что уши маркируют нормальное положение человека в пространстве, когда голова и, соответственно, уши находятся наверху. Изменение местоположения ушей, их нахождение внизу говорит об изменении нормального пространственного положения тела, что фиксируется во внутренней форме следующих идиом: *встать на уши*; *стоять на ушах*; *поставить на уши*; *ставить/перевернуть с ног на уши*. Последняя идиома имеет синонимическое выражение *ставить/перевернуть с ног на голову*. Оба выражения полисемантичны [Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 414–415], во всех значениях присутствует семантический компонент ‘изменения чего-л. общепринятого, известного, существующего’: *Так как нам поступать? Взгляды этого самоуверенного судьи приветствовать, а все, с чем он не согласен, осуждать? Какая чушь. Все* ***перевернуто с ног на уши*** (Форум: Православие и «Русский марш», 11.2012); *Природные возможности Кисина плюс его темперамент и труд* ***перевернули с ног на голову*** *все законы постановки рук, пределов темпов, в которых можно играть* (С. Спивакова. Не всё).

В образной основе идиом *встать на уши*; *стоять на ушах*; *поставить на уши* в фокусе внимания оказывается (помимо нарушения нормального положения тела в пространстве) физическая невозможность стояния на ушах, что переосмысляется как ‘осуществление какой-то трудновыполнимой деятельности, требующей максимальных усилий и напряжения’ (ср. выражение *прыгнуть выше головы* с тем же значением): *Ну да я завтра всех тут* ***на уши поставлю*** (В. Пелевин. Желтая стрела); *В первые сутки все* ***на ушах стоят****, до трех суток — колотятся еще как-то, а через неделю все превращается в рутину* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают).

Уши, находящиеся на голове, т. е. в верхней части человеческого тела, могут выступать в русской фразеологии как своеобразная метрологическая единица. Так, внутренняя форма идиом *по уши*; *по самые уши* указывает на уровень «погружения» во что-либо, что переосмысляется как ‘осуществление чего-либо в максимально возможной степени’. В зависимости от сочетаемости с глаголами разной семантики у рассматриваемых ФЕ выделяется два значения [Молотков (ред.) 2006: 479]: 1) ‘очень сильно влюбиться в кого-л.’: *Мне помогло то, что я была в него* ***по уши влюблена*** *и не могла этого скрыть* (Ю. Лепский. В поисках Бродского // «Дальний Восток», 2019); 2) ‘всецело, полностью, целиком предаваться чему-л.’: *Борис успокоился, Милочка родила ему дочь, и оба* ***погрузились по уши*** *в воспитание ребенка* (И. Грекова. Перелом).

Употребление таких глаголов, как *влипнуть*, *увязнуть*, *погрязнуть*, привносит в значение оценочный компонент, обозначая ‘отрицательно-оцениваемые действия/состояния, в которые вовлечен субъект в максимально возможной степени, и/или их последствия’: *Это не очень хороший*

знак, когда твой адвокат приходит к тебе и говорит: «Блин, чувак, вытащи меня из этой передряги, я ***по уши*** *влип*» (Дональда Трампа подводят под расследования // Коммерсант, 2020.12)

Выше уже упоминалось про сопряженность *ушей* с другими частями *головы* (*глазами*, *ртом*; *лбом*, *челюстями*), что соответствует реальным биологическим характеристикам этого соматического объекта. Но в русской фразеологии так бывает не всегда. Так, в идиоме *ноги от ушей* представлена вымышленная, воображаемая («имажинальная» по терминологии Г. Е. Крейдлина) сочлененность *ушей* и *ног* (ср. синонимическое выражение *ноги от зубов*). Подобная «фразеологическая анатомия» в гиперболической форме указывает на 'исключительную длину ног': *Высокий худощавый мужчина в очках и безукоризненно сшитом костюме в сопровождении элегантной девицы, столичной штучки —* ***ноги от ушей****, — прошествовал в кабинет Си-Си* (И. Павская. «Джоконда» Мценского уезда); *Естественно, девушки все как на подбор: рост от 177 до 182, возраст от 14 до 20, длиннющие естественные волосы, натуральные носы и губы, и, разумеется,* ***ноги от ушей*** (Ю. Хожателева. Победительниц конкурса «Супермодель» прогнали по «тесту Жирковой» // Комсомольская правда, 2013.04); *— Да куда тебе, — прямо заявил один из менеджеров, — пустое — с 16-летними тягаться. Они моложе, и* ***ноги от зубов****…* («Эскадрон смерти» с королевских подиумов // АиФ[4], 2001.05).

Структурный признак ушей — их местонахождение на голове — находит отражение в таких ФЕ, как *дать… по ушам*; *в ухо / по уху дать*, *заехать*, *съездить* (*кому-л.*); *в ухо* (*по уху*) *получить*, обозначающих 'физическое воздействие': *На этот случай у меня был заготовлен простой выход — без лишних слов* ***дать*** *ему* ***по уху*** (В. Белоусова. Второй выстрел); *То есть внутри уголовной среды наверняка пройдут какие-то разборки, кого-то стрельнут, кто-то «пику» в печень получит, а кому, может, еще и «****по ушам дадут»****, а то и иным способом опустят* (А. Гришин. Мир воров и оперов — это еще не весь мир // Комсомольская правда, 2013.01). В русской фразеологии присутствует множество выражений с аналогичной семантикой, в состав которых входят наименования разных соматических объектов — *шея*, *голова* и ее части (*нос*, *глаз*, *лоб*), находящиеся в гиперо-гипонимических отношениях со словом *уши*: *дать по шее/шеям*; *дать по башке*; *дать в морду*; *дать в лоб*; *дать в глаз*; *дать по носу* и др.

Идиомы *[все] уши оборву*; *надрать уши* также обозначают тип физического воздействия — физическое наказание[5]. В этих выражениях уши

---

[4] АиФ — сокращение от названия издания «Аргументы и факты».

[5] Отметим, что эти выражения преимущественно обозначают наказания детей (ср. *поставить в угол*, *поставить на горох*, *дать ремня*), что является одним из способов реализации метафоры детства в русской фразеологии [Вознесенская 2016б].

представлены как «выдающаяся» часть, за которую можно ухватиться, а также как отделяемый объект[6]: — *Я ему сначала позвонила, засранцу, а у него «абонент временно недоступен», скажи ему, чтобы он больше так не делал, а то я ему* ***уши оборву*** (А. Сальников. Петровы в гриппе и вокруг него); — *Были бы руки свободны, — мечтательно сказала эта молодая мамаша. — Ух, я бы* ***уши*** *им* ***надрала****... Устроили тут!* (Б. Минаев. Детство Левы).

То, что уши мыслятся как некая часть, за которую удобно ухватиться при совершении неких манипуляций с человеком, отражается во внутренней форме ФЕ *за уши не оттащишь / не оттянешь*; *притянуть за уши*; *тащить / тянуть... за уши*; *[вытянуть] за ушко да/и на солнышко*. Физическое действие с ушами по-разному переосмысляется в актуальном значении выражений. Так, мы употребляем идиому *за уши не оттащишь / не оттянешь* (*кого-л. от чего-л.*), когда что-либо чрезвычайно нравится кому-либо, она часто используется, когда говорится о вкусной еде: *Поразило нежнейшее несовпадение с обычным вкусом картошки и то, что это было потрясающе вкусно,* ***за уши не оттащишь*** (Н. С. Работнов. Дневник); *А вообще, она так любит самолеты, что ее* ***за уши не оттащишь*** *от аэропорта, и свою форму стюардессы она, по-моему, гладит старательнее, чем мои рубашки* (Р. С. Вереск. Хальмер-Ю, 2014). Выражение *притянуть за уши* обозначает такую ситуацию, когда ‘различные аргументы и/или факты используются для объяснения чего-либо без достаточных оснований’: *Документы интересные и серьезные, но выводы, которые он делает на их основании, нелепые и тенденциозные,* ***притянутые за уши*** (В. Катанян. Лоскутное одеяло); *Крячко по-прежнему казалось, что его начальник пытается* ***притянуть за уши*** *надуманную версию* (Н. Леонов. Лекарство от жизни). Идиома *тащить/тянуть... за уши* (*кого-л.*) имеет два значения: 1) ‘предпринимать значительные усилия, чтобы помочь кому-либо в каком-либо деле, несмотря на отсутствие у этого человека необходимых для этого качеств’: *Парадокс: школы вынуждены* ***за уши тащить*** *к аттестату зрелости тех, кому по большому счету не очень-то он и нужен* (А. Милкус. Неожиданные итоги Единого госэкзамена-2011: Списывали меньше, чем в 2009-м! // Комсомольская правда, 2012.01); 2) ‘заставлять кого-либо делать что-либо, несмотря на его нежелание и сопротивление’:

[6] «Отделяемость» ушей, не приводящая к потере жизнедеятельности, используется при совсем не «детских» наказаниях и типах физического воздействия. Так, в России долгое время применялось такое телесное наказание, как «отрезание ушей». У многих народов отрезанные уши служили своеобразным трофеем: *Кровная месть ныне, вместо того, чтобы непременно убить врага, теперь мститель, подкараулив и задержав убийцу или его родственника, ограничивается часть тем, что наливает ему (в знак посвящения убитому) на голову араки и отрезает ухо или волосы. Их кладут в гроб или зарывают в могилу убитого со словами: «Мы отомстили за тебя, на том свете играй ими»* (Г. Ф. Чурсин. Осетины (этнографический очерк). Тифлис, 1925 г.) Ср. *Прогресс, друзья, это когда еще убивают, но уже не* ***отрезают ушей*** (Ф. Искандер. Сандро из Чегема).

Но при этом Маршак привлекает всех, кого только можно, к детской литературе — Толстого, Заболоцкого, даже заумного Хармса чуть ли не ***за уши тащил*** (Где найти нового Маршака? // АиФ, 2006.01).

Особенности строения ушей — то, что они представляют собой выступающую часть тела, позволяет использовать их не только как средство физического воздействия, но и размещать на них различные предметы: *висеть на ухе/ушке* (*у кого-л.*); *пургу на уши вешать*; *вешать лапшу на уши*.

Последний структурный признак ушей, который мы отметим, — это осмысление этого соматического объекта как отверстия, что получает выражение в таких идиомах, как *дуть/надувать/надуть в уши кому-л.*; *лить в уши* (*что-л. кому-л.*). Уши воспринимаются как отверстия, через которые что-то может как попадать внутрь, так и выходить наружу: *в одно ухо влетает*, *в другое вылетает*; *в одно ухо вошло*, *в другое вышло*; *в одно ухо влезет*, *в другое вылезет*; *из ушей лезет*. Остановимся более подробно на выражении *из ушей лезет*, во внутренней форме которого отражается представление о переизбытке какого-либо вещества в теле человека. Это представление может быть переинтерпретировано или как какая-либо пища, которая из-за обилия и частого употребления надоела человеку: *Она не раз говорила, что у ребенка пироги уже пошли в ноги, а каша* ***лезет из ушей****, на что мама отвечала: «Полные дети спокойнее худых — им трудно ходить на голове, поэтому в доме всегда бывает больше порядка»* (Е. Чеповецкий. Непоседа, Мякиш и Нетак), или как переизбыток чего-либо: *В дневные часы в нем, как и в Линкольн-центре, толпы экскурсантов — школьники, взрослые, туристы. Достопримечательность! Пожалуй, единственный недостаток — чересчур богато.* ***Из ушей лезет****, из глаз, из ноздрей. Такая роскошь театру не обязательна, может быть, даже вредна* (В. Розов. Удивление перед жизнью); *Я не говорю про девушек, у которых ПОНТЫ* ***из ушей лезут****, и у которых на лбу написано, что мол у мя папа мега богач, вы все в подметки не годитесь, а я супер, не то что вы….* (О любви (форум). 2005).

Физические признаки

Среди многочисленных физических признаков соматических объектов — размер, форма, твердость/мягкость, температура, цвет и др. — в русской фразеологии наиболее очевидно представлены только температурные характеристики ушей: *дурак [дураком] и уши холодные*; *назло маме отморожу уши*; *уши горят*; *греть уши*. Выражение *уши горят* (*у кого-л.*) обозначает, что 'кто-либо испытывает чувство стыда и/или смущения'[7]:

[7] Заметим, что вместе с температурными характеристиками в этой идиоме актуализируется и такой физический признак ушей, как их цвет: когда говорят, что у кого-то *горят уши*, имеется в виду, что это видно и со стороны, т. к. уши становятся красными.

Я был уверен, что меня взяли люди из Интерпола. ***Уши горели*** *от стыда. Мне казалось, что сидящие вокруг в курсе дела и разглядывают меня с каким-то нездоровым интересом* (А. Тарасов. Миллионер). Внутренняя форма идиомы содержит указание на физическое проявление эмоционального состояния человека[8]. ФЕ *греть уши* имеет значение ‘подслушивать’. По всей видимости, «нагревание» ушей связано с приближением к источнику информации: *Говорят, Дик был недоволен, узнав, что на открытых тренировках сборной России принято устанавливать телекамеры в пяти-десяти метрах от поля. Тут и пишущие репортеры* ***уши греют*** *— мало ли чего услышат-увидят? Поэтому вчера всех пришедших на день «открытых дверей» сопроводили подальше на трибуну* (А. Бодров. Новые порядки Дика // Советский спорт, 2010.09); *Сидим всей компанией на кухне, чай пьем, взрослые разговаривают, а мы с сестрой* ***уши греем*** (Учились в одной группе, а встретились в суде // Комсомольская правда, 2006.08).

Можно предположить, что в идиомах *резать ухо* и [*у меня*] *уши вянут*[9] реакция на нечто неприятное (как акустически, так и содержательно) выражается через изменения физических характеристик ушей: *Голос его срывался, ломался на кусочки,* ***резал ухо*** *почти мальчишеским фальцетом…* (А. Сокуров. Александра); *Он вообще любитель гипотез, в особенности — фантастических, от которых у собеседника иной раз* ***уши вянут****, — а ведь, казалось бы, человек точного знания, инженер, не я — с моим индуизмом и теорией «других рождений»* (Г. Владимов. Не обращайте вниманья, маэстро).

Подвижность соматического объекта также относится к его физическим признакам. Известно, что уши человека утратили подвижность и не могут совершать движения. Если же это происходит, то рассматривается как некое отклонение от нормы (уникальная способность или патология): *Он вспомнил вдруг, что в гимназии ученик Пыхтеев-Какуев умел* ***шевелить ушами*** (И. Ильф, Е. Петров. Двенадцать стульев). Возможно, что этот физический признак подвижности ушей лежит в образной основе идиомы *финт ушами*, обозначающей ‘неожиданное осуществление чего-л. практически невозможного’: *Если родители сделают такой подарок университету, тогда последний может сделать* ***финт ушами*** *и действительно одно место для чада таких родителей найти* (Оксфорд и Кембридж доберут небогатых студентов // Коммерсант, 2020.02).

---

[8] Интересно, что в английской идиоме *someone's ears are burning*, имеющей идентичную с русской ФЕ внутреннюю форму, содержится другое переосмысление — в английском языке уши горят у кого-либо, о ком говорят в его отсутствие [Oxford Dictionary of English Idioms 2010].

[9] В этой идиоме реализована растительная метафора, когда уши уподобляются растению. Ср. слово *лопоухий* (‘с оттопыренными ушами’ или ‘глупый, нескладный, нерасторопный’), образованное из сложения двух корней *-лоп-* (‘лист’) и *-ух-*.

Функциональные признаки

Анализ функций соматических объектов предполагает описание «их назначения, обеспечивающего жизнедеятельность человека и определяющего его поведение в разных жизненных ситуациях, а также изучение типовых нарушений нормального функционирования соматических объектов» [Крейдлин, Переверзева 2010: 238]. В самом общем виде основная функция ушей, зафиксированная в русской фразеологии, заключается в способности воспринимать звуки[10], которая включает в себя как чисто акустическую составляющую (физиологическая способность слышать), так и содержательную (способность воспринимать информацию). Эта функция ушей отражается в целом ряде фразеологизмов: *слушать во все уши*; *слушай ухом, а не брюхом*; *не верить [своим] [собственным] ушам*; *слышать своими собственными ушами*, *слышать своими/собственными ушами*; *дойти до* (*чьих-л.*) *ушей*; *ваши/твои слова да богу в уши*; (*чьи-л.*) *слова да в уши* (*кому-л.*); *имеющий уши да услышит* [*имеющий глаза да увидит*]; *приклонять/преклонить ухо/слух*; *и у стен есть/бывают уши*; [*и*] *стены имеют уши*.

Во многих русских ФЕ актуализуются различные нарушения основной функции ушей — способности воспринимать звуки (информацию). Эти дисфункции могут быть двух типов. Во-первых, это физиологическая (частичная или полная) неспособность слышать (*туг/тугой/туговат на ухо*; *крепкий/крепок на ухо*; *отсидеть уши*; *одно ухо, и то глухо*)[11]: *Она была* ***туга на ухо****, потому упорно молчалива, но это не мешало Пал Палычу поминутно обращаться к ней за подтверждением: «А так ли я сказал?..»* (В. Тендряков. Находка); *Может быть, все они* ***туги на ухо****, что и неудивительно в таком возрасте* (А. Волос. Из жизни одноглавого // «Октябрь», 2013); *Это доказывает всем известная, укорительная поговорка, которою подчуют того, кто, будучи* ***крепок на ухо*** *или по рассеянности чего-нибудь не дослышал: «Эх ты, глухая тетеря»* (С. В. Рязанцев. В мире запахов и звуков). В идиоме *медведь/слон на ухо наступил* происходит спецификация — речь идет не вообще об отсутствии способности воспринимать звуки, а об отсутствии музыкального слуха: *Я все молчал, но у Генриха голос был козлетон, а слух —* ***медведь на ухо*** *наступил* (А. Найман. Любовный интерес); *Когда отца не было, я жульничала: ставила на пюпитр, поверх нот, книгу и читала ее, играя бесконечные упражнения вслепую. Однажды он застал меня за*

---

[10] Заметим, что биологический соматический объект *уши* имеет и вторую основную функцию «быть органом равновесия» [Медицинская энциклопедия; Евгеньева (ред.) 1984], но эта функция не получила выражения в русской фразеологии.

[11] От выражения *туг/тугой/туговат на ухо* происходит название болезни *тугоухость*. Разговорное название врача, который занимается диагностикой и лечением различных заболеваний уха, горла и носа, состоит из наименований этих соматических объектов *ухо-горло-нос*.

этим занятием и ужасно ругался. Стал бегать по квартире и кричать, что мне ***слон на ухо*** *наступил, и за что ему такое наказание. Сказал, что природа отдыхает на детях гениев.* (М. Шишкин. Письмовник)

Ко второй группе относятся фразеологизмы, в которых отражается либо непроизвольное, ненамеренное невосприятие звуков и/или информации, либо намеренное нежелание слышать: *в одно ухо влетает*, *в другое вылетает*, *в одно ухо вошло*, *в другое вышло*, *уши золотом завешены* (*у кого-л.*); *пройти мимо ушей*; *ухо заложило*; *услышать… краем уха / одним ухом*; *уши затыкать*; *пропустить мимо ушей*: *Дядя Миша вообще говорит, что наши головы работают навылет, потому что в одно* ***ухо влетает****, а в другое беспрепятственно вылетает* (Н. Абгарян. Всё о Манюне); *Обе гувернантки делали вид, что у них* ***уши золотом*** *завешаны* (В. П. Желиховская. Над пучиной); *А теперь она с душевной тошнотой и брезгливостью пропускала* ***мимо ушей*** *хвастливые монологи и с грустью думала о том, что утро, столь много обещавшее, у нее пропало* (Л. Улицкая. Пиковая дама); *Неужели все эти события* ***прошли мимо*** *глаз и* ***ушей*** *КГБ?* (В. Войнович. Дело № 34840); *Другой сотрудник Зубра, Гребенщиков, морщась, рассказывал мне, как залихватски судил шеф о французской опере, хоть* ***уши затыкай*** (Д. Гранин. Зубр); *В самом деле, что знают московские девушки о крупных сибирских стройках? В лучшем случае, слышали* ***краем уха*** (В. Аксенов. Пора, мой друг, пора); *Ну я слушаю его* ***одним ухом****, а сам лошадь развьючиваю* (Ф. Искандер. Бедный демагог).

Идиома *на ухо/ушко сказать…* имеет значение ‘сообщать что-либо собеседнику так, чтобы этого не слышали другие’[12]. Для такого типа информации, предназначенной «не для всех», в русской фразеологии есть специальное выражение *не для* (*чьих-л.*) *ушей*: *Сообщили сегодня «****на ушко****», что «ревизионистскую» статью Амбарцумова перепечатали в Болгарии и ГДР* (А. Черняев. Дневник); *Похоже, начинается разговор* ***не для*** *наших* ***ушей****, так что не станем вслушиваться…* (А. Эппель. Дробленый сатана).

Во многих ФЕ русского языка уши выступают как пассивный орган. Особенно отчетливо это представлено в следующих фразеологизмах: *все уши прожужжать*; *набарабанить уши*; *барабанить в уши*; *по ушам ездить*; *вешать лапшу на уши*; *пургу на уши вешать*; *дуть/надувать/надуть в уши* (*кому-л. что-л.*); *петь/напеть в уши* (*кому-л. что-л.*); *натрубить в уши* (*кому-л. что-л.*); *лить в уши* (*кому-л. что-л.*). Во всех этих выражениях во внутренней форме содержится указание на физическое воздействие

[12] В [Молотков (ред.) 2006] зафиксировано выражение *висеть на ухе/ушке у кого-л.*, обозначающее ‘доносить, нашептывать, ябедничать’. В современном русском языке идиома практически не употребляется, но ее значение сохранилось в глаголе *наушничать*, образованном от этого фразеологизма [Алексеева, Белоусова, Литвинникова 2003].

на органы слуха, которое переосмысляется как насильственная передача информации, что оценивается отрицательно. И если в идиомах *все уши прожужжать*; *набарабанить уши*; *барабанить в уши* речь идет о слишком настойчивом, назойливом способе сообщить что-либо, то остальные фразеологизмы обозначают передачу дезинформации, т. е. каких-либо заведомо ложных сведений с целью каким-либо образом повлиять на адресата: *Отелло, как он сам говорит, «не легко ревнив». Но Яго, капля за каплей,* ***льет*** *ему в* ***уши*** *яд подозрения* (М. Морозов. Вильям Шекспир); *Это чертов Агафон ему что-нибудь в* ***уши надул*** *про меня, какую-нибудь хреновину выдумал, вот дед и бесится, а я и сном-духом не знаю, чем ему не угодил* (М. Шолохов. Поднятая целина); *Вам еще* ***напоют*** *в* ***уши*** *о том, что Кулов куплен Штатами, а Бакиев — наш, российский, и только с ним, с Бакиевым, счастье придет в каждую киргизскую юрту* (Ю. Юзик. Революция цвета мака // Комсомольская правда, 2005.04); *Когда доведется бывать в новом городе, смотреть знаменитые произведения искусства или знаменитые пейзажи, не поддавайтесь тому, что о них слышали, читали, о чем вам «****прожужжали уши****»* (Д. Лихачев. Письма о добром и прекрасном); — *Пришел в школу и стал одноклассникам* ***лапшу*** *на* ***уши*** *вешать, будто у него дома крокодил живет* (М. Аромштам. Мохнатый ребенок); — *Ты ведь торопишься? Вот и торопись себе на здоровье. И нечего мне всякую* ***пургу на уши вешать*** (Л. Туманова, В. Ростокина. Счастье в кредит).

Все рассмотренные выше признаки (структурные, физические и функциональные) характеризовали уши как соматический объект человека. Вместе с тем в русской фразеологии присутствует ряд ФЕ, внутренняя форма которых отсылает к миру животных, и, соответственно, наименование *ухо/уши* в их составе является зоосоматизмом[13]. Представляется целесообразным описать признаки этого зоосоматизма отдельно.

Зоосоматизм *уши* в русской фразеологии

В выражениях *держать ушки на макушке*; *ушки на макушке*; *ни уха ни рыла*; *ни ухом, ни рылом*; *развесить уши*; *держать ухо востро*; *навострить уши*; *[и] ухом не вести / не шевелить*; *ушами хлопать*; *от мертвого / дохлого осла уши*; (*чьи-л.*) *[ослиные] уши торчат*; (*чьи-л.*) *уши вылезают*; *приделать/заделать… заячьи уши*; *заячьи уши*; *медвежье ухо/ушко*; *мышьи уши* отражаются различные признаки, характеризующие уши животных. Часть этих признаков совпадает с биологическими особенностями, присущими ушам животных, другие же являются культурно-обусловленными, обозначая характеристики, приписываемые тем или иным животным

[13] О зоосоматизмах в русской фразеологии см. в [Вознесенская 2016а].

в русском языковом сознании и распространяющиеся, соответственно, на их части тела[14].

Отличительная особенность ушей животных по сравнению с ушами человека заключается в их подвижности. Движения ушей животных сопровождает восприятие ими звуков и сигнализирует о реакции животных на полученную информацию. Эта функция ушей животных отражена в следующих ФЕ русского языка: *держать ушки на макушке*; *развесить уши*; *держать ухо востро*; *навострить уши*; *[и] ухом не вести / не шевелить*: *Даже автор, как видели многоуважаемые читатели, делает вид, что не знает эту тройку, хоть и сидит рядом,* ***ушки на макушке*** (В. Аксенов. Новый сладостный стиль); *Вошел в избу — а там оба командира слушали,* ***развесив уши****, вранье Алексея Бобрикова* (А. Азольский. Диверсант).

Во всех этих выражениях представлена реализация зооморфной метафоры, когда человек уподобляется животному. В области источника этой метафоры содержится ряд метонимических преобразований, при которых указание на движение соматического объекта *уши*, изменение его формы используется вместо обозначения слухового восприятия животного и его реакции на услышанные звуковые сигналы. Так, в образной основе идиомы *навострить уши* определенное движение ушей животного (скорее всего, волка или собаки) и изменение их формы метонимически указывает на восприятие звуков животным и его настороженность. И уже потом происходит метафорический перенос, при котором человек уподобляется прислушивающемуся и настороженному животному, что отражается в значении фразеологизма ‘внимательно прислушаться, заинтересовавшись чем-либо’ [Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 725]. Ср. следующие контексты употребления идиомы по отношению к животному и человеку: *И сейчас же вскочила молодая лайка, повернулась мордой к чаще, забеленной туманцем, и вытянулась вся,* ***навострила уши*** (Ю. Бондарев. Берег); *До этого места Петька слушал баб невнимательно, но как только услыхал про свою родню,* ***навострил уши*** (А. Геласимов. Степные боги).

Отсутствие подвижности ушей актуализуется в идиоме *[и] ухом не ведет / не повел / не шевельнул*, имеющей значение ‘отсутствие видимой реакции на услышанное’: *Телефон звонил, я и* ***ухом не вела****, и Борису пришлось снять трубку и принести мне ее на балкон* (Д. Рубина. Медная шкатулка). В русской фразеологии присутствует ряд синонимических фразеологизмов, имеющих то же значение, в которых представлены наименования различных соматических объектов: *[и] бровью/глазом/носом/усом не ведет / не повел* [Лубенская 2004]: *Уважаемый Владимир Владимирович, я не*

[14] Подробнее об ушах животных см., например, в [Молюков 1998].

Коган, я Айхенвальд. Но Маяковский, как говорится, и ***носом не повел****. Мало того, примерно через минуту он в четвертый раз ткнул пальцем в несчастного эстета, который бледнел и худел на наших глазах: — Этот Коган...* (А. Мариенгоф. Мой век, мои друзья и подруги).

Помимо двигательной функции, сопровождающей функцию слухового восприятия, в идиомах русского языка с зоосоматизмом *уши* фиксируются и другие — структурные и физические — признаки этого соматического объекта: его местонахождение (*держать ушки на макушке*; *ушки на макушке*), соположенность с другими соматическими объектами (*ни уха ни рыла*; *ни ухом, ни рылом*), форма (*заячьи уши*; *медвежье ухо/ушко*; *мышьи уши*[15]), отделяемость (*от мертвого/дохлого осла уши*), большой размер ((*чьи-л.*) *уши вылезают*; (*чьи-л.*) *[ослиные] уши торчат*).

Выражения (*чьи-л.*) *уши вылезают*; (*чьи-л.*) *[ослиные] уши торчат* восходят к легенде о фригийском царе Мидасе, который получил в наказание от бога Аполлона ослиные уши. (Подробнее о происхождении выражения см. в [Бирих, Мокиенко, Степанова 2007: 716].) В современном русском языке эти фразеологизмы используются для обозначения такой ситуации, когда ‘несмотря на попытки тщательно скрыть что-либо (обычно оцениваемое отрицательно), оно, часто неожиданно, обнаруживается, становится явным, известным’: *Но никто не хочет возвращения порядков, при которых* ***уши*** *«органов»* ***торчали*** *отовсюду* (В. Костиков. Головокружение от успехов // «АиФ», 2003).

Идиома *ушами хлопать* также имеет «культурное» происхождение, представляя собой цитату из стихотворения Гавриила Державина «Вельможа» (1794): *Осел останется ослом, / Хотя осыпь его звездами; / Где должно действовать умом, / Он только* ***хлопает ушами****.* В современном русском языке выражение имеет два значения ‘не понимать то, о чем говорится’: *А Твардовский тот симпозиум использовал к делу: их повезли потом на Пицунду, на хрущевскую дачу, и сослужил Лебедев еще одну службу: подстроил чтение вслух «Тёркина на том свете». Иностранцы* ***ушами хлопали****, Хрущёв смеялся, — ну, значит, и разрешено, протащили* (А. Солженицын. Бодался теленок с дубом) — и ‘ротозейничать, ничего не предпринимать в ситуациях, требующих быстрого реагирования и принятия решений’[16]: *Девушка, которую он полюбил в кои-то веки (он опять был уверен в своей*

[15] Приведенные выражения являются названиями растений, в которых метафорический перенос основан на уподоблении по форме растений ушам различных животных.

[16] Интересно, что английская идиома с идентичным компонентным составом *someone's ears are flapping* имеет совсем другое значение — ‘кто-л. внимательно слушает с целью подслушать что-либо, не предназначенное для него’ [Oxford Dictionary of English Idioms 2010]. По всей видимости, в этом случае интенсивные движения ушами, зафиксированные во внутренней форме выражения, переосмыслились как напряженное и внимательное «слушание».

любви), находится в серьезных отношениях с другим человеком, пока он, Сторожев, ***хлопает ушами*** *и бесплодно грезит* (А. Слаповский. Большая Книга Перемен).

Национально-культурное представление о зайце как о трусливом животном, присутствующее в русском языковом сознании, получило выражение во фразеологизме *приделать/заделать… заячьи уши* (*кому-л.*)[17]. Ср. формулировку значения идиомы с экспликацией внутренней формы, данной курсивом в [Баранов, Добровольский (ред.) 2020: 726–727]: ‘показывать свое превосходство над кем-либо, осуществляя целенаправленное физическое воздействие на это лицо, причиняющее ему ущерб, как бы наделяя этого человека характерным внешним признаком трусливого животного — отличительным знаком трусости и беспомощности, делающим превосходство абсолютно очевидным’: *Мой генерал <…> примчался в отделение на трех «воронках» и с дюжиной оперов-головорезов. Подошел к начальнику ментов. Тыкнул ему в лицо дулом «вальтера» <…> и понес его по кочкам: — Ты кому, шаромыжник, вознамерился* ***приделать заячьи уши****? Ты кого арестовал при исполнении служебных обязанностей?* (Ю. Алешковский. Призрак в белом халате).

Проведенный признаковый анализ соматизма *уши* показывает, какими видит уши русская фразеология, т. е. то, как концептуализируется этот соматический объект во фразеологической системе русского языка, что позволяет реконструировать фрагмент фразеологической картины мира. Согласно полученным данным *уши* представляют собой полиреферентное (термин Г. Е. Крейдлина) имя соматического объекта, относящегося к разным типам (классам) соматических объектов — частям тела (точнее, частям части тела), органам и отверстиям [Крейдлин (ред.) 2020. Т. 1: 64–65]. Слова *ухо/ушко/уши* в русской фразеологии обозначают как соматический объект человека (собственно соматизмы), так и отсылают к миру животных, являясь зоосоматизмами.

Дальнейшее изучение языкового представления соматического объекта *уши* может вестись в различных направлениях. Так, возможно провести описание соматизма *уши* на более широком языковом материале и сравнить фразеологическую и языковую концептуализации рассматриваемого соматического объекта. Также полученные результаты могут быть использованы при сравнительно-сопоставительном описании номинаций соматического объекта *уши* в разных языках, что позволит показать сходство и/или различие языковой (у́же — фразеологической) концептуализации этого соматического объекта в различных языковых картинах мира.

[17] Эта жаргонная идиома встречается в основном в произведениях Юза Алешковского.

Источники

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://www.ruscorpora.ru/

Литература

Алексеенко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М.: «Азбуковник», 2003. 400 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Тезаурус русских идиом: семантические группы и контексты. 2-е изд., испр. и доп., М.: «ЛЕКСРУС», 2018. 888 с.

Баранов А. Н., Добровольский Д. О. (ред.). Академический словарь русской фразеологии. Под ред. А. Н. Баранова и Д. О. Добровольского. 3-е изд., перераб. и доп., М.: ЛЕКСРУС, 2020. 896 с.

Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь. 3-е изд., испр. и доп., М.: Астрель: АСТ, 2007. 926 с.

Вознесенская М. М. Зоосоматизм *хвост* в русской фразеологии (часть 1) // Русская речь. 2016. № 5. С. 109–116.

Вознесенская М. М. Метафора детства в русской фразеологии // Prostor in čas v frazeologiji, — 1. izd. — Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016. С. 87–101.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1–4. М.: Русский язык, 1978.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: В 4 т. 2-е изд., испр. и доп., М.: Русский язык, 1981–1984. Т. 1: А–Й. 1981. 696 с.; Т. 2: К–О. 1982. 736 с.; Т. 3: П–Р. 1983. 750 с.; Т. 4: С–Я. 1984. 782 с.

Крейдлин Г. Е. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 1: тело и другие соматические объекты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 226–234.

Крейдлин Г. Е. (отв. рук.). Язык и семиотика тела. Коллективная монография в 2 т. Москва: Новое литературное обозрение. 2020. Т. 1: Тело и телесность в естественном языке и языке жестов. 2020. 672 с. Т. 2: Естественный язык и язык жестов в коммуникативной деятельности человека. 2020. 488 с.

Крейдлин Г. Е., Переверзева С. И. Тело в диалоге: семиотическая концептуализация тела (итоги проекта). Часть 2: признаки соматических объектов и их значения // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 26–30 мая 2010 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 235–240.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 2002. 1536 с.

Лубенская С. И. Большой русско-английский фразеологический словарь. 2-е рус. изд. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2004. 1056 с.

Медицинская энциклопедия. Статья «Ухо». [Электронный ресурс]. URL: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/Ухо.

Михельсон М. И. Русская мысль и речь: Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. В 2 т. М.: Терра, 1997. Т. 1, 800 с.; Т. 2, 832 с.

Молотков А. И. (ред.). Фразеологический словарь русского языка.. М.: АСТ: Астрель, 2006. 524 с.

Молюков М. Кто самый ушастый? // Наука и жизнь. 1998. № 6. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/10827/.

Этинген Л. Чудо-ухо // Наука и жизнь. 2006. № 4. [Электронный ресурс]. URL: https://www.nkj.ru/archive/articles/5207/.

Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th edition. Oxford University Press, 2010, 1796 p.

Oxford Dictionary of English Idioms. 3rd Edition. Edited by John Ayto. Oxford University Press 2010, 408 p.

References

Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. *Slovar' otfrazeologicheskoi leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of Phraseological Vocabulary of the Modern Russian Language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2003. 400 p.

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (ed.). *Akademicheskii slovar' russkoi frazeologii* [Academic Dictionary of Russian Phraseology]. 3rd ed., rev. and add. Moscow, LEKSRUS Publ., 2020. 896 p.

Baranov A. N., Dobrovol'skii D. O. (ed.). *Tezaurus russkikh idiom: semanticheskie gruppy i konteksty* [Thesaurus of Russian Idioms: Semantic Groups and Contexts]. 2nd ed., rev. and add. Moscow, LEKSRUS Publ., 2018. 888 p.

Birikh A. K., Mokienko V. M., Stepanova L. I. *Russkaya frazeologiya* [Russian Phraseology]. Historical and etymological dictionary, 3d ed., rev. and add. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ. 2007. 926 p.

Dal' V. I. *Tolkovyi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language], In 4 vol., Moscow, Russkii yazyk Publ. 1978.

Etingen L. [Miracle Ear], *Nauka I zhizn',* 2006, no. 4. Available at: https://www.nkj.ru/archive/articles/5207/. (In Russ.)

Evgen'eva A. P. (Ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language], in 4 vol., Moscow, Russkii yazyk Publ., Vol. 1. 1981. 696 p.; Vol. 2. 1982. 736 p.; Vol. 3. 1983. 750 p.; Vol. 4. 1984. 782 p.

Kreidlin G. E. [Human Body in a Dialog: Semiotic Conceptualization of Body (Results of the Project). Part 1: Human Body and Other Somatic Objects]. *Komp'yuternaya lingvistika*

i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog» [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"] (Bekasovo, 26–30 May 2010). Vol. 9 (16), Moscow, RSUH Publ., 2010, pp. 226–234. (In Russ.)

Kreidlin G. E. (ed.). *Yazyk i semiotika tela* [Language and Semiotics of Body] Collective monograph in 2 vols. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ. Vol. 1: *Telo i telesnost' v estestvennom yazyke i yazyke zhestov* [Body and Corporeality in Natural Language and Sign Language] 2020. 672 p. Vol. 1: *Estestvennyi yazyk i yazyk zhestov v kommunikativnoi deyatel'nosti cheloveka* [Natural Language and Sign Language in Human Communicative Activity] 2020. 488 p.

Kreidlin G. E., Pereverzeva S.I. [Human Body in a Dialog: Semiotic Conceptualization of Body (Results of the Project). Part 2: Features of Semiotic Objects and Their Values] *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog»* [Computational Linguistics and Intelligent Technologies: Papers from the Annual International Conference "Dialogue"] (Bekasovo, 26–30 May 2010). Vol. 9 (16), Moscow, RSUH Publ., 2010, pp. 235–240. (In Russ.)

Kuznetsov S A. (ed.). *Bol'shoy tolkovyi slovar' russkogo yazyka* [Large Explanatory Dictionary of the Russian Language] St. Petersburg, Norint Publ., 2002. 1536 p.

Lubenskaya S.I. *Bol'shoy russko-angliyskii frazeologicheskii slovar'* [Large Russian-English Phraseological Dictionary]. 2nd ed. in Rus. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2004. 1056 p.

Meditsinskaya ehntsiklopediya [Medical Encyclopedia] Aricle "Ukho" (Ear). Available at: https://gufo.me/dict/medical_encyclopedia/Ухо.

Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech': Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii* [Russian Thought and Speech. Experience of Russian Phraseology], In 2 vol. Moscow, Terra Publ., 1997. Vol. 1, 800 p; Vol. 2, 832 p.

Molotkov A. I. (Ed.). *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2006. 524 p.

Molyukov M. [Who has the biggest ears?]. *Nauka I zhizn',* 1998, no. 6. Available at: https://www.nkj.ru/archive/articles/10827/. (In Russ.)

Oxford Advanced Learner's Dictionary. 8th edition. Oxford University Press, 2010, 1796 p.

Oxford Dictionary of English Idioms. 3rd Edition. Edited by John Ayto. Oxford University Press 2010, 408 p.

Voznesenskaya M. M. [The Childhood Metaphor in Russian Phraseology]. *Prostor in čas v frazeologiji* [Time and Space in Phraseology]. 1. izd. Ljubljana: Znanstvena založba Filozofske fakultete, 2016, pp. 87–101. (In Russ.)

Voznesenskaya M. M. [Zoosomatizm Khvost (Tail) in Russian Phraseology. Part 1.]. *Russkaya Rech'*, 2016, no. 5, pp. 109–116. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 26–46

Проблемы современного русского языка

Способы оформления одушевленного участника при предикативах в русском и болгарском языках

Александр Борисович Летучий[1], Марина Джонова[2],
[1]Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики, (Россия, Москва),
[2]Софийский университет (Болгария, София), [1]alexander.letuchiy@gmail.com; [2]djonova@slav.uni-sofia.bg

DOI: 10.31857/S013161170022853-7

АННОТАЦИЯ: В статье обсуждаются возможные способы оформления одушевленного участника при предикативах в русском и болгарском языках. В обоих языках есть более синтаксически привилегированный способ (дательный падеж) и более периферийный (предлоги *для* в русском и *за* в болгарском). Мы обсуждаем семантику, синтаксис и распределение данных способов. В разных случаях распределение может быть разным: два типа групп могут иметь разные семантические роли (это различие ярко выражено при предикативах физических свойств и почти не прослеживается при некоторых других, например при когнитивном классе предикативов). В то же время способ оформления одушевленного участника тесно связан и с синтаксическими факторами: с частью речи вершины и с тем, какой тип зависимого предложения (с инфинитивом или с глаголом в личной форме) выбран. В частности, мы рассматриваем отмеченную в предшествующих работах связь между маркированием зависимого и частью речи вершины (предикатив vs краткое/полное прилагательное). На наш взгляд, частеречные различия напрямую связаны с семантическими, обсуждаемыми в начале статьи. Особо мы рассматриваем конструкции, где актант в дативе или с *для* не имеет семантической роли.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: предикатив, дательный падеж, предложная группа, экспериенцер (воспринимающий участник), субъект оценки, подъем актанта из придаточного

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Летучий А. Б., Джонова М. Способы оформления одушевленного участника при предикативах в русском и болгарском языках // Русская речь. 2022. № 5. С. 26–46. DOI: 10.31857/S013161170022853-7.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-512-18005) и Национального научного фонда Болгарии (Фонд „Научни изследвания“, Програма за двустранно сътрудничество — България — Русия 2019–2020).

Issues of Modern Russian Language

Ways of the Marking of the Animate Participant with Predicatives in Russian and Bulgarian

Alexander B. Letuchiy[1], Marina Dzhonova[2], [1]HSE University (Russia, Moscow), [2]Sofia University (Bulgaria Sofia), [1]alexander.letuchiy@gmail.com; [2]djonova@slav.uni-sofia.bg

ABSTRACT: The article discusses alternative ways of marking the animate participant of predicatives in Russian and Bulgarian. Both languages have a coding option where the argument is more syntactically privileged (dative case in Russian, dative/the preposition *na* in Bulgarian) or less privileged (prepositional phrase with *dlja* ‘for’ in Russian and *za* ‘for’ in Bulgarian). We discuss semantic, syntactic and distributional properties of each pattern. The precise distribution is different for different semantic types of predicatives (for example, the difference of semantic role is very obvious for the class of physical senses and almost invisible for the cognitive and psychological class). At the same time, the distribution is closely related to syntactic

factors, such as a part of speech of the head and the opposition of finite vs. nonfinite (infinitive) clauses in Russian. For instance, we discuss in detail the link between the argument marking and the part of speech of the head (predicative vs. short form of adjective vs. full form of adjective) — we claim that the part of speech distinctions are directly connected with semantic differences that are discussed in the beginning of the article. Constructions, where the argument in dative or with the preposition *dlja / za* does not have a semantic role, are considered separately.

KEYWORDS: predicative, dative case, prepositional phrase, experiencer, evaluation subject, argument raising

FOR CITATION: Letuchiy A. B., Dzhonova M. Ways of the Marking of the Animate Participant with Predicatives in Russian and Bulgarian. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 5. Pp. 26–46. DOI: 10.31857/S013161170022853-7.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by RFBR (project number 20-512-18005) and BNSF (under the Programme for Bilateral Cooperation Bulgaria — Russia 2019–2020).

1. Введение

Вариативность модели управления часто обсуждается в лингвистике. Ее место однозначно не определено. Иногда считается, что способы управления складываются просто в силу исторических причин и не соответствуют никаким различиям в семантике конструкции, вершины или актантов[1]. Однако часто делаются попытки найти между моделями смысловые различия.

В настоящей статье мы обсуждаем модели управления русских и болгарских предикативов. Предикативы — это единицы, как правило по форме совпадающие с наречием и/или кратким прилагательным среднего рода, но синтаксически занимающие позицию предиката (*мне уютно*). Среди работ, где обсуждается данный класс единиц и его место в системе частей речи русского языка, например, [Галкина-Федорук 1958], [Виноградов 1972], [Циммерлинг 2017; 2018аб], [Летучий 2014; 2021] и др. Болгарские предикативы и их модели управления рассматривались, в частности, в работах [Рожновска 1959], [Чешко 1959], [Маслов 1982],

[1] Под актантами подразумеваются подлежащее и различные типы дополнений.

[Градинарова 2010; 2017], [Джонова 2003], [Иванова 2016], [Атанасов 2008], [Петрова 2020], [Стаменов 2021] и т. д. Однако в упомянутых исследованиях акцент не ставился на сопоставлении систем и на сравнении альтернативных способов выражения.

Самыми распространенными участниками, получающими выражение при предикативах, являются одушевленный участник, находящийся в некотором состоянии или оценивающий ситуацию, и сама ситуация. Главными способами управления являются следующие:

1) **в русском**:

— дательный падеж (датив[2]) одушевленного участника (***Мне*** *интересно, как ему это удалось*);
— инфинитивный оборот (*нужно* ***надеяться на свои силы***) или придаточное с глаголом в личной форме (финитное придаточное) (*хорошо,* ***что ты пришел***);

2) **в болгарском**:

— дательный падеж (датив) одушевленного участника или группа с *на*[3] (*Ясно* ***ми*** *е, че си дошъл случайно* ‘Мне ясно, что ты пришел случайно’);
— придаточное с глаголом в личной форме (финитное придаточное) (*Приятно е* ***да се работи с него*** ‘С ним приятно работать’).

Тем не менее оба языка имеют альтернативные способы управления одушевленным участником. Для русского это группы с предлогом *для*, а для болгарского — с *за* ‘для’ (рус. *Для меня / мне странно осознавать, что это случилось*; болг. *За мен е важно да имаме добри отношения* ‘Для меня важно, чтобы у нас были хорошие отношения’).

Данные в основном взяты из Национального корпуса русского языка (www.ruscorpora.ru) и Болгарского национального корпуса (search.dcl.bas.bg), см. [Koeva et al. 2012]. Искусственно построены только немногочисленные базовые предложения, для которых смысл и синтаксическое устройство не требует подробного комментария.

---

[2] В статье, наряду с русским, используется латинское название дательного падежа — датив.

[3] Распределение дательного падежа и групп с *на* обусловлено общим правилом: существительные в болгарском языке не имеют падежного склонения, кроме форм артикля имен м.р. (именительный *котаракът* ‘кот’, косвенная форма *котарака* ‘кота’). Специализированная форма датива есть только у личных местоимений (именительный *аз* ‘я’ — дательный *ми* ‘мне’, именительный *ти(е)* ‘ты’ — дательный *ти* ‘тебе’, именительный *той, тя, те* ‘он, она, оно’ — дательный *му, ѝ, им* ‘ему, ей, им’). При большинстве предикатов, в том числе при предикативах, управляющих именными группами с помощью *на*, актанты-местоимения маркируются беспредложным дативом, хотя в ряде случаев возможны и комбинации *на* с полной формой местоимения.

2. Способы маркирования и класс предикатива

2.1. Соотношение датива и для при разных классах предикативов

Соотношение дативных и предложных групп различается в зависимости от класса предикатива. Для примера мы рассмотрим четыре группы предикативов:

1) предикативы физических ощущений,
2) предикативы когнитивных состояний,
3) модальные предикативы,
4) предикативы восприятия.

При предикативах физических ощущений основная модель — обозначение актуального ощущения участника, который имеет семантическую роль экспериенцера (воспринимающего субъекта), — задействует датив, а группа с для скорее предполагает оценку со стороны участника «извне», не обязательно задействованного в актуальной ситуации (субъекта оценки):

(1) *Мне холодно.*
(2) *Для меня тут / там слишком холодно.*
(3) *Мне тесно.*
(4) *Для меня здесь слишком тесно.*

Напротив, в случае, когда предикатив выражает **когнитивные акты** и психологическое восприятие, различие между дативом и группами с *для* выражено не так ярко, и часто эти способы выражения взаимозаменимы.

(5) ***Мне** непонятно, откуда столько шума по поводу штрафов, поскольку проверяется лишь десять процентов историй болезни …* (А. Лабыкин. Без риска не вылечат // «Эксперт», 2016) (возможно также *для меня*)
(6) *Но **для меня** странно, что торжественное изгнание гомеопатии из храма науки случилось на фоне общего торжества иррационализма* (Интервью с историком культуры Ильей Кукулиным, 2017) (возможно, хотя и несколько хуже, *мне*).

Это связано с тем, что физическое состояние тесно связано с конкретным моментом, в который экспериенцер воспринимает окружающий мир. Например, в определенный момент ему может быть холодно, а затем стать жарко (ср. *Мне уже не холодно*). Поэтому при предикативах физического состояния актуальное восприятие и обобщенная оценка сильно противопоставлены друг другу. Напротив, когнитивное и психологическое восприятие ситуаций меняется не так быстро и в меньшей мере зависит от внешних условий. Именно поэтому разница между актуальным

восприятием и обобщенной оценкой в когнитивно-психологическом классе нивелируется, а значит, дательный падеж и предлог *для* практически синонимичны.

Для **модальных** предикативов общим является то, что дательный падеж при них имеет два понимания.

(7) *Но он понял, что в «Экспортлес» дольше работать* ***ему*** *невозможно* (И. М. Дьяконов. Книга воспоминаний. 1929–1932).

Примеры типа (7) могут означать две вещи: (i) ‘он почувствует что-либо плохое, если будет там работать’ и (ii) ‘нельзя, чтобы он там работал’.

Более строго задана семантическая роль для групп с *для* — они скорее выражают отношение одушевленного участника к ситуации.

(8) *Не взять пешку, которая находится под боем, совершенно* ***для него*** *невозможно* (В. Конецкий. Вчерашние заботы).

Так, пример (8) означает не просто ‘нельзя , чтобы он не взял пешку’, а, скорее, ‘он чувствует, что не может не брать пешку’.

Наконец, предикативы **восприятия** *видно* и *слышно* допускают только датив (*Ему отсюда ничего не видно*). В противоположность предикативам типа *холодно*, лексемы *видно* и *слышно* (ср. (9)) обычно не употребляются в значении обощенной оценки, а допускают следующие контексты:

(i) X-у чего-либо не видно (актуальное понимание, употребляется датив),
(ii) С какого-либо места чего-либо не видно (обобщенное понимание, упоминания одушевленного участника не требуется).

(9) ***Ему*** / *?****Для него*** *отсюда не видно, что происходит.*

В то же время менее частотный и обладающий большей длиной предикатив *заметно* допускает и предложную группу с *для*.

2.2. Многофункциональность форм: разные семантические роли

Как датив, так и группы с *за/для* способны употребляться в разных ролях при одном и том же предикативе. В качестве примера приведем предикатив *лучше*:

(10) ***Мне*** *было бы лучше если бы я Кольку не видела* (Н. Письма из Москвы подруге, 1966–1967);
(11) *Лучше бы было* ***этим словам*** *оставаться несказанными* (В. А. Рождественский. Гумилев и Блок, 1921–1945).

В примере (10) местоимение в дательном падеже *мне* получает от предикатива роль экспериенцера — говорящий чувствовал бы себя лучше,

если бы не видел Кольку. Напротив, в (11) группа *этим словам* вообще не имеет семантической роли при вершинном предикате, поэтому, кстати, снимается ограничение на одушевленность, стандартное для дативных зависимых. Конструкция синонимична другой — *Лучше бы было, если бы эти слова оставались несказанными*, — где группа *эти слова* — это подлежащее зависимого глагола *оставаться*. Такие случаи мы подробнее рассмотрим в пункте 3.2.

Аналогично обстоит дело в болгарском языке, с той только разницей, что датив / группа с *на* в целом сочетается с гораздо меньшим количеством предикативов.

(12) *Аз предлагам това предложение да бъде оттеглено от вносителя и дори* ***за мен*** *е странно, че е подкрепено от комисията.*
‘Предлагаю тому, кто внес это предложение, отозвать его — мне даже странно, что оно было поддержано комиссией’ (‘я оцениваю ситуацию как странную’).

(13) *Никога не сме се карали, което е странно* ***за брат и сестра*** <…>
‘Мы никогда не ругались, что странно для брата и сестры’ (ситуация оценивается постфактум говорящим).

Группы с *за* могут иметь несколько значений: они способны выражать и экспериенцера (12), и обобщенную роль (13), см. далее. В (12) оценивает ситуацию сам участник, выраженный группой с *за* (*мен* ‘мне’), в (13) оценка принадлежит говорящему, а конструкция соответствует по смыслу другой — *Странно, что брат и сестра не ругались / когда брат и сестра не ругаются*.

2.3. Группы с *для* и тенденции к распространенности

У *для*-групп есть одна синтаксическая особенность — как правило, они не встречаются, если предикатив не имеет других зависимых.

(14) *?**Для меня** холодно.*

(15) *а вообще жду хорошей теплой погоды, буду гулять со своей собачкой в парке, а то сейчас слишком холодно* ***для нее****, очень она у меня маленькая и нежная:)* (Беременность: Планирование беременности // форум, 2005).

(16) *— И как сейчас в Новосибирске, холодно или тепло? —* ***Для меня*** *холодно.*

Так, пример (14) без контекста выглядит аномальным. Нормальны только (15) и (16), где место и время нахождения человека выражено — либо прямо в том же предложении, либо в предыдущем контексте.

При актанте в дативе невыраженные элементы — время и место — интерпретируются дейктически, т. е. ситуация имеет место в момент речи и в месте, где находится говорящий. Почему же группы с *для* ведут себя по-другому? Дело в том, что они обозначают участника, не обязательно принимающего участие в актуальной ситуации: ощущения участника не связаны с его состоянием в момент речи — а значит, локативные и временные характеристики должны быть выражены в явном виде. По-видимому, это связано с тем, что *для*, в отличие от датива, склонно выражать свойства обобщенной ситуации. Поэтому дейктическая интерпретация типа ‘здесь и в то время, где я нахожусь’ для них нехарактерна, а для другой интерпретации нужно указание на время и место ситуации.

3. Одушевленные участники и сентенциальные актанты[4] предикативов

Способы выражения одушевленного участника и ситуации коррелируют между собой: выбор инфинитива или финитного придаточного статистически влияет на выбор датива / предложной группы, и наоборот.

3.1. Связь между маркированием одушевленного участника и зависимой ситуации

Одной из особенностей предикативов является их широкая сочетаемость с инфинитивом. Это свойство особенно заметно, если сравнить предикативы с глаголами с тем же или похожим значением. Предикативам *скучно*, *грустно*, *радостно*, способным управлять инфинитивами (*Мне скучно тут сидеть*; *Грустно осознавать, что ничего не получается*; *Радостно видеть изменения*), соответствуют глаголы, не способные сочетаться с инфинитивами (**Он скучает тут сидеть/работать*; **Мы грустим это осознавать*; **Все радуются видеть изменения*).

По-видимому, дело в том, что инфинитив при предикативах может обозначать обобщенное событие: ситуацию ‘осознавать, что ничего не получается’ в целом можно описать как грустную, а для глаголов это не свойственно.

В болгарском языке в силу отсутствия инфинитива сходная тенденция не обнаруживается: например, глагол *радвам се* ‘радоваться’ способен сочетаться и с союзом *че* ‘что’, и с ирреальным показателем *да*:

(17) *Радвах се, че все още е пролет.*
‘Я радовался, что все еще была весна’.

[4] Сентенциальные актанты — это придаточные предложения и инфинитивные обороты в позиции подлежащего или дополнения.

(18) *Радвах се да поговоря с него, все пак не го бях виждал половин година.*
'Я был рад с ним поговорить, я все-таки его полгода не видел'.

При этом встречаемость русских моделей управления в корпусе показывает разницу в поведении зависимых с *для* и с дательным падежом. Датив в процентном отношении значительно чаще встречается с инфинитивами, а *для меня* — с личными формами глаголов.

Табл. 1. Распределение инфинитивов и придаточных со *что* при форме дательного падежа *мне* + предикатив + придаточное и при группе *для меня* + предикатив + придаточное

Table 1. Distribution of infinitives and clauses with *what* in the dative form *me* + predicative + subordinate clause and with a group *for me* + predicative + subordinate clause

	INF	*что*
мне	9376	1236 (в 7,59 раз меньше, чем с инфинитивом)
для меня	53	161 (в 3,04 раза больше, чем с инфинитивом)

Конечно, объяснение этой тенденции ясно не до конца. Тем не менее важно, что есть группы предикативов и контекстов с ними, где возможен только один способ оформления ситуации. Например, частотные модальные предикативы *надо*, *невозможно*, *можно*, *нужно* сочетаются с инфинитивом гораздо чаще, чем со *что* или *чтобы*, поскольку передают ирреальную семантику. Они же склонны сочетаться с дативными зависимыми. Видимо, именно они имеют решающее значение для статистики сочетаемости одушевленных актантов и придаточных.

Еще одной причиной того, что распространена модель «датив + инфинитив», являются структуры подъема, которые мы опишем ниже. В некоторых случаях при структурах с инфинитивом типа *Странно тебе сейчас было бы уехать* датив не имеет семантической роли, а является исходно актантом зависимого предложения. Для групп с *для* этот случай менее распространен. В следующей части мы рассмотрим этот тип случаев подробнее.

3.2. Маркирование одушевленного участника и возможность подъема

Как показано в работе [Виклова, Летучий 2020], некоторые дативные группы при предикативах не имеют семантической роли (см. также анализ ролей зависимых при предикативах в [Толдова, Сердобольский 2014]). Скорее они напоминают английские зависимые типа *John* в *I believe John to have written this article* 'Я думаю, что Джон написал эту статью'. Такие конструкции обычно анализируют как случаи подъема подлежащего придаточного предложения в главное (argument raising) (см., например,

[Culicover, Jackendoff 2001, 2005] и [Polinsky 2013]). Их особенность заключается в том, что существительное *John* не может получить семантическую роль от главного глагола: у глагола *believe* есть только роли субъекта сознания и содержания. При этом содержание является ситуацией, а значит, эту роль не может нести вещественный объект — Джон.

Стандартно считается, что в примерах выше существительное *John* изначально относится к придаточному в конструкции вида *I believe that John has written this article*. При подчиненном глаголе оно получает семантическую роль агенса (деятеля) при глаголе *write*. Затем, в силу различных причин, существительное поднимается в главное предложение, где *John* становится прямым дополнением. Однако семантическую роль это слово в главном предложении не получает.

Среди конструкций с предикативами тоже существуют случаи, напоминающие подъем. В них одно из зависимых предикатива, как кажется, не получает от него семантической роли. Тем не менее мы покажем, что устройство конструкции различно для конструкций с дативом и для конструкций с *для*. Приведем вначале примеры, где семантической роли от предикатива не получает дативное зависимое — так обстоит дело с предикативами *странно* и *смешно* в примерах (19) или (20):

(19) *Странно было бы* ***профессору*** *выслушивать такое от студентов.*
(20) *После школы нам все-таки пришлось пойти в разные институты: ну смешно было бы* ***мне*** *соваться на Наташкин филфак с моим-то английским!* (https://proza.ru/2008/12/11/77).

Зависимые *профессору* (19) и *мне* (20) не подразумевают, что дативная группа выражает субъекта оценки или экспериенцера. Конструкции в (19)–(20) синонимичны *Было бы странно, если бы профессор выслушивал такое от студентов* или *Было бы смешно, если бы я совалась на филфак*. Так же нужно анализировать пример (21):

(21) *Я бы сказал,* ***человеку, хорошо изучившему высшую математику,*** *странно в Него не верить* (glebarhangelsky.livejournal.com/649364.html).

Исходя из этого, можно было бы считать, что изначально предложения выше выглядят как предложения с финитным придаточным (*Было бы странно*, *если бы профессор выслушивал такое от студентов*), а значит, тоже, как в английском, имеет место подъем. Однако можно показать, что этот подход верен для конструкций с дативом и неудовлетворителен для конструкций с *для*.

Сразу скажем, что русские структуры не по всем свойствам тождественны подъему. В отличие от английских конструкций с подъемом, русские

конструкции с дативом обычно требуют одушевленности участника. Впрочем, имеются и исключения типа (22):

(22) *Было бы странно* ***этому городу*** *не иметь таких улиц, ведь Зеленоград — это деревня Крюково, про которую в песне о панфиловцах поется, этот подвиг был совершен именно там* (Форум 4erdak.su).

В целом конструкции с дативом имеют свойства, свидетельствующие о подъеме. Они блокируют замену инфинитивного оборота на местоимение *это*: варианты с *это* в (23)–(24) имеют другое значение — ‘ученый ощущает это как странное’:

(23) ***Спортсмену*** *не надо обращать внимания на то, насколько эти соревнования важны. —* ?***Спортсмену*** *это не надо.*
(24) *Так что говорить о несомненности их увеличения* ***ученому*** *странно. —* ?***Ученому*** *это странно.*

Этот запрет связан с тем, что при замене на местоимения в конструкции не остается зависимого предложения — а значит, и места, откуда в главное предложение может быть поднята дативная группа (*спортсмену*, *ученому*). При отсутствии исходного места недопустимой становится и конечная структура.

Кроме того, как и английские конструкции подъема, конструкции с дативом без семантической роли встречаются только с инфинитивами (пример (20) невозможен в версии *Странно было бы мне*, *если бы я совалась на Наташкин филфак*).

Среди употреблений *для* тоже существуют случаи, где актант с *для* не получает явной семантической роли при предикативе.

(25) *В принципе, неплох вариант Клары, но природа ее чудес неясна, и* ***для ученого*** *странно в это верить* (https://m.vk.com/topic-147796_1469382?offset=20).

Так, в (25) имеется в виду не то, что ученый ощущает веру в вариант Клары как странную, а то, что странно, если в него верит ученый. Можно было бы считать, что *для ученого* — группа, поднятая из зависимой клаузы (исходный вариант выглядел бы как *Странно было бы*, *если бы ученый в это верил*).

Однако далее оказывается, что свойства групп с *для* не совпадают со свойствами датива. Например, при конструкциях этого типа с *для* замена сентенциального актанта на *это*, как в (26) (или похожее по свойствам *что*, как в (27)), возможна:

(26) *То вот недавно сказали, что России не нужны иностранные инвестиции, — как раз тогда, когда президент активно приглашает к нам инвесторов. Это странно* ***для экономического советника*** *— ведь*

вы работаете в команде (А. Илларионов. Деньги — это отчеканенная свобода // «Аргументы и факты», 2003).

(27) *Технических характеристик мыши производитель не сообщает, что* ***для него*** *странно* (https://www.ixbt.com/peripheral/razer-pro-click.shtml).

В противоположность конструкциям с дативом, *для* в употреблениях типа (28) не зависит от типа зависимого предложения, они допускают и придаточное с личной формой глагола:

(28) ***Для менеджера по продажам*** *нормально, если две трети его дохода — это процент от продаж, а* ***для ученого*** *странно, если четыре пятых его дохода — это премия за выигранный грант или полученный договор на экспертизу.*

Вероятно, нужно считать, что только дативные аргументы подняты в главное предложение из зависимого. Для конструкций с *для* в рассмотренных здесь примерах мы принимаем другой анализ. Мы считаем, что эти предложные группы в случаях типа *для ученого странно этого не знать* с самого начала являются зависимыми главного предиката, однако имеют при нем обобщенную семантическую роль (‘ограничитель оценки или свойства’): ситуация P является странной применительно к участнику X и странной применительно к Y (‘применительно к ученому такая ситуация выглядит странно’).

В болгарском подъем, как правило, не выделяется. Параллели русских предложений по-болгарски звучат сомнительно, а нормально выглядит альтернатива (29’):

(29) *?Странно е* ***на професора*** *да разговаря така със студентите.*
‘Профессору странно так разговаривать со студентами’.

(29’) *Странно е* ***професорът*** *да разговаря така със студентите*
‘Профессору странно так разговаривать со студентами / Странно, если профессор будет так разговаривать со студентами’.

Благодаря способности союза *да* выступать после актанта придаточного, актант, который в русском может подниматься в главное предложение (*человеку*, *хорошо изучившему математику* в (21)), в болгарском может занять линейную позицию в главном предложении без синтаксических изменений — достаточно поставить его перед союзом *да*[5].

[5] Б. Вимер и В. Кампф (2011) демонстрируют, что маркер *да* на самом деле занимает промежуточное положение между союзами и аналитическими глагольными показателями. Хотя он является частотным средством подчинения (причем структура без *да* — **Странно е професорът разговаря със студентите* — как правило, неграмматична), он также может выступать в ирреальных формах не в зависимом предложении (*Да направим това утре* ‘Давай это сделаем завтра’). В этом смысле *да* отчасти похоже на русский показатель *чтобы*, однако гораздо сильнее встроено в систему форм глагола.

Редкие примеры, напоминающие подъем, в болгарском все-таки встречаются.

(30) *Може би* ***на генерала*** *би му било по-добре да си гледа неговата работа, като лекар, а не да отговаря на глупави въпроси от прохождащи репортери.*
‘Может быть, генералу было бы лучше заниматься своей работой врача, а не отвечать на глупые вопросы проходящих мимо репортеров’.

Так, в (30) допустима трактовка, при которой ‘заниматься своей работой’ хорошо не для генерала, а оценивается говорящим как хорошее (‘было бы хорошо, если бы генерал занимался своей работой’). В этом случае можно было бы считать, что *генерал* — это участник, изначально принадлежавший к придаточному.

Тем не менее С. Коева [Коева 2019; 2021] показывает, что подъема в таких конструкциях не наблюдается. Основным доказательством является тот факт, что зависимое предложение здесь может заменяться на местоимение или синтаксический нуль, что нехарактерно для подъема:

(31) ***На генерала*** *ще му е добре.*
‘Генералу это было бы лучше’.

Ср. сомнительные предложения с русскими предикативами:

(32) ***Генералу*** *было бы лучше молчать —* ? ***Генералу*** *бы (это) было лучше.*

Группы с *за* в болгарском языке, как и *для* в русском, демонстрируют промежуточное поведение. При предикативах типа *странно* они возможны и, судя по всему, в главном предложении им не присваивается семантическая роль:

(33) *Прекалено странно е* ***за един наистина влюбен човек*** *да отправя призиви за “предпазливост, сдържаност и благоразумие” при сключването на брак.*
‘Очень уж странно для по-настоящему влюбленного человека призывать к осторожности, сдержанности и благоразумию при вступлении в брак’.

(34) *Бил е заострен. Странно е* ***за оръжие****, което се квалифицира като антично…*
‘Это странно для оружия, которое описывается как античное’.

Однако для подъема нетипично, что участник, маркированный *за*, может не совпадать с подлежащим придаточного предложения:

(35) *Странно е* ***за един остров*** *на него да се съхраняват само два маркирани гроба и още по-странно е, че те се намират един до друг в затъмнения от длани, …*
'Для острова странно, если на нем сохраняются всего две могилы с маркировкой, и еще более странно, что они находятся рядом в тени пальм'.

Вероятно, и предложная группа с *за* не поднимается из зависимого предложения, а ограничивает описание ситуации, как русские группы с *для*. Тогда следует считать, что болгарские предлоги *на* и *за* вводят участника с обобщенной ролью, относительно которого делается оценка.

Подытожим наш анализ: свойства подъема среди русских и болгарских конструкций с предикативами демонстрируют только некоторые конструкции с дативом. Болгарские и русские предложные группы могут иметь обобщенную, выхолощенную семантическую роль, но с самого начала принадлежат к главному предложению.

4. Прилагательные и предикативы — объяснение тенденции

Итак, выше мы описали некоторые семантические и синтаксические различия между *для* и дативом при предикативах. Они же позволяют нам объяснить синтаксические различия между прилагательными и предикативами.

С. С. Сай [Сай 2013] показывает, что при предикативах и при прилагательных по-разному устроено распределение групп в дативе и с предлогом *для*: датив больше распространен с предикативами, чем с краткими прилагательными, и больше с краткими прилагательными, чем с полными. Например, возможно предложение *Мне здесь неуютно*, но с прилагательным вариант *Для меня эта комната неуютна/неуютная* выглядит лучше, чем *?Мне эта комната неуютна/неуютная*. При этом даже для некоторых полных прилагательных датив все-таки возможен (ср. *интересные мне люди*).

Как мы показали выше, датив и предлог *для* употребляются не совсем одинаково: датив выражает непосредственное воздействие ситуации или объекта на одушевленного участника (экспериенцера, субъекта оценки), на его чувства или разум, а группа с *для* — обобщенную оценку или сопоставление характеристик объекта с одушевленным участником.

Это различие хорошо соответствует различию между семантикой предикативов и прилагательных. Предикативы чаще всего выражают именно влияние ситуации на чувства или разум того, кто ее воспринимает. Например, *уютно* — это некоторое свойство мира, которое становится

сколько-нибудь ясным и определенным, только если его воспринимает определенный участник. При этом данное свойство легко меняется от одной ситуации к другой. Неудивительно, что этот участник, в конкретное время воспринимающий ситуацию, кодируется дативом. Напротив, конструкция с прилагательным типа *уютная комната* или *комната уютна* не требует такого доопределения. Комнату можно охарактеризовать как уютную даже без выражения участника, который воспринимает или оценивает ее свойства, в применении к конкретному объекту свойство *уютный* ясно и без этого. При этом свойства объектов более стабильны, чем свойства ситуаций: комната обычно не становится более или менее уютной. Одушевленный участник лишь ограничивает то, относительно кого оцениваются свойства комнаты, но не обязательно воспринимает ситуацию — и вследствие этого выражается группой с *для*.

(36) ***Мне*** *тесно (в этой комнате).*
(37) ***Для меня*** *эта комната слишком тесная.*

Заключение

Как мы выяснили, альтернативные модели управления предикативов в русском и болгарском языках распределены сразу по нескольким признакам: как семантическим, так и синтаксическим. Однако распределение не жесткое. Между вариантами управления существует семантическое различие, однако в некоторых случаях оно нейтрализуется. Наиболее заметно различие в классе физического состояния: в нем датив склонен выражать актуальное восприятие экспериенцером конкретной ситуации, а *для* — оценку обобщенной ситуации. При когнитивных предикативах данное различие нейтрализуется, *для* и датив становятся синонимичными.

В русском языке различен и синтаксический статус двух типов зависимых. Для дативных групп есть случаи, когда они не имеют семантической роли при главном предикате и, вероятно, поднимаются из позиции подлежащего подчиненного предложения в главное предложение. Ситуация с *для*-группами сложнее: хотя обнаруживаются примеры, где группам с *для* главный предикат не приписывает очевидной семантической роли, ряд синтаксических критериев отличает такие конструкции от подъема. Вероятно, для них следует усматривать не подъем, а обобщенную семантическую роль типа ‘ограничитель оценки или свойства’ — сочетания типа *для математика странно, если он этого не знает* обозначают ‘данная ситуация странна, если она применена к математику’. Это явно связано с обобщенной семантикой, которую задает предлог *для*.

В русском языке выбор модели выражения одушевленного участника коррелирует с выбором выражения для сентенциального актанта (придаточного в позиции подлежащего или дополнения): дативы преимущественно встречаются с инфинитивными зависимыми, а *для*-группы — с финитными.

Если считать, что у распределения *для* и датива есть единая мотивация, то она состоит в различии компонентов ‘актуальная оценка / восприятие одушевленного участника’ (дательный падеж) и ‘обобщенная связь между свойством и участником, к которому оно применяется’ (группы с *для*). Из данного различия вытекает несколько других: связь *для* с оценкой, хорошая сочетаемость *для* с прилагательными. В конструкциях с прилагательными часто выражается постоянное свойство объекта — обобщенная семантика, характерная для *для*, а не семантика конкретной ситуации.

В таблице ниже сопоставляются свойства групп с *для* и дативных групп.

Табл. 2. Свойства дативных групп и групп с предлогом *для* при русских предикативах

Table 2. Properties of dative groups and groups with the preposition *for* in Russian predicatives

	Датив	*Для*
Семантические классы		
Физические ощущения	Актуальное восприятие	Оценка
Когнитивные и психологические состояния	Синонимичны	
Модальные предикативы	Распределены по-разному, например *можно* — только датив, *возможно* — *для* и (реже) датив	
Критерии подъема		
Нефинитность	Обязательна	Необязательна
Замена клаузы на местоимение	Невозможна	Возможна
Синтаксические контексты		
Прилагательные	Реже	Чаще
Сентенциальный актант	Чаще инфинитив	Чаще финитный предикат

Между двумя языками обнаруживаются различия, хотя и не очень существенные:

1) в болгарском не обнаруживается заметной разницы в сочетаемости прилагательных и предикативов;
2) объем употреблений конструкций с предлогом *на* при болгарских предикативах явно меньше, чем конструкций с дативным аргументом при русских;
3) болгарский практически не имеет конструкций, которые явно предполагали бы подъем подлежащего из придаточного предложения.

Литература

Атанасов А. Аргументна структура на безличните предикати в съвременния български език // Bulgarica — studia et argumenta. Юбилеен сборник в чест на 65-ата годишнина на проф. дфн Руселина Ницолова (Bulgarische bibliotek № 13). München: «Otto Sagner», 2008. С. 241–250.

Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: «Высшая школа», 1972, 616 с. С. 319–320.

Галкина-Федорук Е. М. Безличные предложения в современном русском языке. М.: «Издательство МГУ», 1958, 332 с.

Градинарова А. Очерки по сопоставительному синтаксису болгарского и русского языков. София: «Изток-Запад», 2017, 500 с.

Джонова М. Семантичната роля експериенцер в изреченията с предикативно наречие // Славистиката в началото на XXI век: традиции и очаквания. София: «Сема РШ», 2003. С. 199–205.

Иванова Е. Ю. Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериенцера в болгарском языке // Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: «Языки славянской культуры», 2016. С. 332–368.

Коева С. Комплементите в български // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин» (София, 14–15 май 2019 година). София: «Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“», 2019. С. 57–68.

Коева С. Към типологичен анализ на комплементността в български // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин», том 2. София: «Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“», 2021. С. 13–27.

Летучий А. Б., Виклова А. В. Подъем и смежные явления в русском языке (преимущественно на материале поведения местоимений) // Вопросы языкознания, 2020. Вып. 2. С. 31–60.

Летучий А. Б. Синтаксические свойства сентенциальных актантов при предикативах // Вестник МГГУ им. М. А. Шолохова. Филологические науки, 2014. Вып. 1. С. 62–84.

Летучий А. Б. Русский язык о ситуациях: конструкции с сентенциальными актантами. Санкт-Петербург: Алетейя, 2021. 679 с.

Маслов Ю. С. Граматика на българския език. София: «Наука и изкуство», 1982. 401 с.

Петрова Г. Безлични предикативно-дативни конструкции в българския език // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Любомир Андрейчин». София: «Издателство на БАН „Проф. Марин Дринов“», 2020. С. 100–106.

Рожновская М. Безличные предложения в современном болгарском литературном языке // Вопросы грамматики болгарского литературного языка. М.: «Издательство Академии наук СССР», 1959. С. 379–432.

Сердобольская Н. В., Толдова С. Ю. Конструкции с оценочными предикативами в русском языке: участники ситуации оценки и семантика оценочного предиката // Русский язык: грамматика конструкций и лексико-семантические подходы. Acta Linguistica Petropolitana. Том X, ч. 2. СПб: «Наука», 2014. С. 442–478.

Стаменов М. Конструкциите с предикативи за психически състояния в българския език — номенклатура и диференциални характеристики // Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie, 2021. Том 10. С. 76–113.

Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*, 15 (123). М., 2017. Т. 2. С. 466–482.

Циммерлинг А. В. (2018а). Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке. Вопросы языкознания, 2018. Вып. 5. С. 7–33.

Циммерлинг А. В. (2018б). Предикативы и предикаты состояния в русском языке // Slavistična revija, 2018. 1. С. 45–64.

Циммерлинг А. В. Обязательный местоименный экспериенцер и смена семантического типа // Доклади от Международната годишна конференция на Института за български език «Проф. Л. Аднрейчин», т. 2. София: «Издателство на БАН „Проф. М. Дринов“», 2021. С. 18–25.

Чешко Е. В. Падежи и предлоги в современном болгарском литературном языке. // *Вопросы граматики болгарского литературного языка.* М.: «Издательство Академии наук СССР», 1959. С. 5–99.

References

Atanasov A. [Argument Structure of Impersonal Predicates in Modern Bulgarian] *Bulgarica — studia et argumenta. Yubileen sbornik v chest na 65-ata godishnina na prof. dfn Ruselina Nitsolova (Bulgarische bibliotek № 13)* [Bulgarica — Studia et Argumenta. A Festschrift on the Occasion of 65th Anniversary of Ruselina Nitsolova, Professor, Doctor of Sciences]. München, «Otto Sagner», 2008, pp. 241–250. (In Bulgarian)

Cheshko E. [Cases and Prepositions in Modern Literary Bulgarian]. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Issues in Grammar of Modern Bulgarian]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, pp. 5–99. (In Russ.)

Culicover, P., and R. Jackendoff. *Simpler syntax*. Oxford, Oxford University Press, 2005, 608 p.

Culicover, P., and R. Jackendoff. Control is not movement. *Linguistic Inquiry*, 2001, 32, pp. 32–49.

Dzhonova M. [The Semantic Role of Experiencer in Sentences with a Predicative Adverb] rolya eksperientser v izrecheniyata s predikativno narechie. *Slavistikata v nachaloto na XXI vek: traditsii i ochakvania* [Slavistics in the Beginning of the XXI Century: Traditions and Expectations]. Sofia, Sema RSh, 2003, pp. 199–205. (In Bulgarian)

Galkina-Fedoruk E. M. *Impersonal constructions in modern Russian*. Moscow, MGU Publishers, 1958. 332 p.

Gradinarova A. *Sketches of comparative syntax of Bulgarian and Russian*. Sofiya, Iztok-Zapad, 2017. 500 p.

Ivanova E. [Impersonal Sentences with an Obligatory Pronominal Experiencer Expression in Bulgarian]. *Arkhitektura klauzy v parametricheskix modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, poryadok slov* [The Clause Architecture in Parametric Models: Syntax, Information Structure, Word Order]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2016, pp. 332–368. (In Russ.)

Koeva S. [Complementation in Bulgarian]. *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsia na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin"* [Proceedings of the Annual International Conference at the Institute of the Bulgarian Language in Honor of Professor Lyubomir Andreychin]. Sofia, Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov", 2019, pp. 57–68. (In Bulgarian)

Koeva S. [Towards a Typological Analysis of Complementation in Bulgarian]. *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin"*, t. 2 [Proceedings of the Annual International Conference at the Institute of the Bulgarian Language in Honor of Professor Lyubomir Andreychin, vol. 2]. Sofia, Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov", 2021, pp. 13–27. (In Bulgarian)

Koeva S., I. Stoyanova, S. Leseva, T. Dimitrova, R. Dekova, E. Tarpomanova. The Bulgarian National Corpus: Theory and Practice in Corpus Design. *Journal of Language Modelling*, 2012, Vol. 0, No. 1, pp. 65–110.

Letuchiy A. B. [Syntactic Properties of Complement Clauses of Predicatives]. *Vestnik MGGU im. M. A. Sholoxova. Filologičeskie nauki*, 2014, 1, pp. 62–84. (In Russ.)

Letuchiy A. B. *Russkii yazyk o situatsiyax: konstruktsii s sententsial'nymi aktantami* [The Russian Language about Situations: Constructions with Complement Clauses]. Saint-Petersburg, Aletheia, 2021. 697 p.

Letuchiy A. B., Viklova A. V. [Raising and Similar Phenomena in Russian (Based Mainly on the Behavior of Pronouns)]. *Voprosy yazykoznaniya,* 2020, 5, pp. 31–60. (In Russ.)

Maslov Yu. S. *A grammar of Bulgarian.* Sofia, Nauka i izkustvo Publ. 1982. 401 p.

Petrova G. [Impersonal Predicative-Dative Constructions in Bulgarian]. *Dokladi ot meždunarodna godišna konferencija na Instituta za balgarski ezik "Profesor Ljubomir Andrejčin* [Proceedings of the Annual International Conference at the Institute of the Bulgarian Language in Honor of Professor Lyubomir Andreychin]. Sofia, Izdatelstvo na BAN "Prof. Marin Drinov", 2020. Vol. 1, pp. 100–106. (In Bulgarian)

Polinsky M. Raising and control. *The Cambridge Handbook of Generative Syntax*. Cambridge, Cambridge University Press, 2013, pp. 577–606.

Rozhnovskaya M. [Impersonal Sentences in Modern Literary Bulgarian]. *Voprosy grammatiki bolgarskogo literaturnogo yazyka* [Issues in Grammar of Modern Bulgarian]. Moscow, Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1959, pp. 379–432.

Say S.S. On the Nature of Dative Arguments in Russian Constructions with Predicatives. *Current Studies in Slavic linguistics*. Studies in language companion series 146. Amsterdam, Benjamins, 2013, pp. 225–246.

Serdobol'skaya N. V., Toldova S. Yu. [Constructions with Evaluative Predicates in Russian: Participants of the Situation of Evaluation and the Meaning of Evaluative Predicate]. *Russkii yazyk: grammatika konstruktsii i leksiko-semanticheskie podkhody* [The Russian Language: Construction Grammar and Lexico-Semantic Approaches]. *Acta Linguistica Petropolitana* Vol. 10, part 2. Saint-Petersburg, Nauka, 2014, pp. 442–478.

Stamenov M. [Constructions with Predicatives of Physical States in Bulgarian — Lexemes and Their Differential Features]. *Zeszyty Cyrylo-Metodiańskie*, 2021, Vol. 10, pp. 76–113. (In Bulgarian)

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk: grammaticheskoe uchenie o slove* [The Russian Language. A Grammatical Theory of Word]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972, pp. 319–320. (In Russ.)

Wiemer B., Kampf V. Inventarisierung und Analyse lexikalischer Evidenzialitātsmarker des Bulgarischen: Adverbien, Partikeln und Prādikative (I). *Zeitschrift der Balkanologie*, 2011, 47 (1), pp. 46–76.

Zimmerling A. V. [Predicatives and State Predicates in Russian]. *Slavistična revija*, 2018, 1, pp. 45–64. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Impersonal Constructions and Dative-Predicative Structures in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018, 5, pp. 7–33. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Obligatory Pronominal Experiencer and the Shift of Semantic Type]. *Dokladi ot Mezhdunarodnata godishna konferentsiya na Instituta za balgarski ezik „Prof. Lyubomir Andreychin*“, t. 2. [Proceedings of the Annual International Conference at the Institute of the Bulgarian Language in Honor of Professor Lyubomir Andreychin, vol. 2]. Sofia, Izdatelstvo na BAN „Prof. Marin Drinov“, 2021, pp. 18–25. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Russian Predicatives in the Perspective of Sociolinguistic Experiment and Corpus Grammar] *Komp'yuternaja lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam meždunarodnoi konferencii "Dialog-2018"* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the International Conference "Dialogue-2018"]. Moscow, 2017. Issue 15 (123). In 2 vols. Vol. 2, pp. 466–482. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 47–63

Проблемы современного русского языка

Дискурсивные маркеры-регуляторы устной речи (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* и особенности их употребления

Елена Андреевна Никишина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), helene_nikichina@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170022854-8

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается употребление форм императива второго лица единственного и множественного числа глаголов (*по*)*слушать*, (*по*)*смотреть*, (*по*)*стоять* в качестве дискурсивных маркеров (ДМ). В роли ДМ они могут иметь самые разнообразные функции, регулирующие взаимодействие между участниками коммуникации: привлечение внимания собеседника, переключение темы разговора, захват очередности говорения, предварение вывода и т. п. В литературе инвентарь функций подобного рода единиц описан довольно подробно, но сравнительного описания особенностей употребления указанных императивов до сих пор нет — это и есть основная цель настоящей статьи.

Самой распространенной для всех рассматриваемых ДМ является инициальная позиция в реплике. В этой позиции (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* выполняют прежде всего функцию захвата очередности говорения, которая совмещается с функцией привлечения внимания. При этом ДМ *слушай* и *стой* могут вводить любое высказывание, а *смотри*, как правило, предваряет объяснение или рассуждение. Самым автономным в плане перемещения внутри одного высказывания является

ДМ (*по*)*слушай*, что связано с наиболее высокой степенью его десемантизации. В статье описываются и другие свойства рассматриваемых ДМ: их способность повторяться внутри реплики одного говорящего, корреляция их функций с просодическим оформлением (например, способность к растягиванию гласных), их способность нести эмоциональную нагрузку и т. д. Таким образом, данное исследование позволяет сделать шаг в направлении качественной дифференциации средств регуляции речевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: дискурсивный маркер, устная речь, императив, глагольный вид, реплика, высказывание, иллокутивное намерение, диалог, хезитация, ксенопоказатель

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Никишина Е. А. Дискурсивные маркеры-регуляторы устной речи (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* и особенности их употребления // Русская речь. 2022. № 5. С. 47–63. DOI: 10.31857/S013161170022854-8.

Issues of Modern Russian Language

Discursive Markers-Regulators of Communication (*po*)*slušaj*, (*po*)*smotri*, (*po*)*stoj* and Their Usage Characteristics

Elena A. Nikishina, HSE University, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), helene_nikichina@mail.ru

ABSTRACT: The paper deals with the verbs (*po*)*slušat'*, (*po*)*smotret'*, (*po*)*stoyat'* in the imperative 2Sg and 2Pl, which have lost their lexical meaning in dialog and passed into the category of discourse markers (DM). As DM these words they can have a variety of functions regulating the interaction between the participants of communication: attracting the interlocutor's attention,

switching the topic of conversation, capturing the order of speaking, anticipating a conclusion, etc. In the literature, the inventory of the functions of such units is described in some detail, but there is still no contrastive description of the specific use of the imperatives in question — this is the main purpose of this article.

The characteristic feature for all the DMs under consideration is the initial position in the dialogue turn. In this position (*po*)*slušaj*, (*po*)*smotri*, (*po*)*stoj* primarily have the function of capturing the order of speaking, which is combined with the function of attracting attention. In this case, the DMs *slušaj* and *stoj* can introduce any utterance, while *smotri* usually precedes explanation or reasoning. The most autonomous in terms of movement within a single utterance is the DM (*po*)*slušaj*, which seems to be explained by the fact that, due to its higher frequency, this DM has desemantized more than the others and has acquired more discourse functions. The article also describes other properties of the DMs under consideration: their ability to be repeated within an utterance, the correlation of their functions with prosodic characteristics (e.g., the possibility of pronunciation with streched vowels), their ability to express any emotion, etc. This study thus advances the qualitative differentiation of communication regulators.

KEYWORDS: discursive marker, spoken language, imperative, verb aspect, rejoinder, utterance, illocutionary force, dialogue, hesitation, xenomarker

FOR CITATION: Nikishina E. A. Discursive Markers-Regulators of Communication (*po*)*slušaj*, (*po*)*smotri*, (*po*)*stoj* and Their Usage Characteristics. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 5. Pp. 47–63. DOI: 10.31857/S013161170022854-8.

Существует обширный набор глагольных форм, которые в условиях диалога полностью или частично утратили свое лексическое значение и перешли в разряд средств, так или иначе регулирующих взаимодействие между участниками коммуникации[1]. В настоящей статье мы рассмотрим наиболее частотные из них, а именно глаголы (*по*)*слушать*, (*по*)*смотреть*, (*по*)*стоять* в формах императива второго лица единственного и множественного числа (*по*)*слушай*(*те*), (*по*)*смотри*(*те*), (*по*)*стой*(*те*),

[1] К таким единицам можно отнести как императивы (*гляди*(*те*), *прикинь*(*те*) и др.), так и формы настоящего времени второго лица единственного и множественного числа некоторых глаголов (*видишь* (*видите*), *знаешь* (*знаете*), *слышишь* (*слышите*) и др.).

которые из полнозначных императивов превратились в дискурсивные маркеры (ДМ). Под ДМ понимаются такие единицы, функции которых находятся исключительно в сфере организации и регулирования дискурсивного потока. Переход рассматриваемых императивов в разряд ДМ, сопровождающийся утратой лексического значения, можно считать грамматикализацией, но в силу приобретения ими целого ряда новых дискурсивных функций и сохранения морфологической самостоятельности (в отличие от клитик) этот процесс справедливо называть прагматикализацией [Богданова-Бегларян 2019]. В роли ДМ рассматриваемые императивы могут иметь самые разнообразные функции: привлечение внимания собеседника, переключение темы разговора, захват очередности говорения, предварение вывода и т. п.

Лексикографическое представление императивов в функции ДМ

Интересующие нас императивы не всегда воспринимаются лексикографами как самостоятельные словарные единицы, поэтому в нормативных словарях они не выносятся в отдельные словарные статьи, а описываются как отдельные значения соответствующих глаголов. Например, ДМ (*по*)*слушай* в Малом академическом словаре (МАС) представлен в статье глагола СЛУШАТЬ под 7-м значением: «**7.** *повел*. **слушай(те)**. *разг*. Употребляется при обращении к кому-л. в начале разговора для привлечения внимания» [Евгеньева (ред.) 1999]; сходное описание представлено в «Большом толковом словаре русского языка» (БТС) [Кузнецов (ред.) 2004]; в словаре Н. Ю. Шведовой находим его под 6-м значением: «**6. слушай(те)**, *вводн. сл.* Употр.как побуждающее обращение к кому-н. в начале речи (разг.)». Императив (*по*)*смотри* в роли ДМ в данных словарях не представлен совсем. (*По*)*стой* находим в словаре Н. Ю. Шведовой под 14-м значением в статье глагола СТОЯТЬ: «14. **стой(те)**. Выражение удивления и припоминания, напоминания (разг.) [Шведова (ред.) 2008]; сходное толкование дано в МАСе.

Идея настоящей статьи появилась в ходе обсуждения и написания соответствующих (отдельных!) словарных статей СЛУШАЙ(ТЕ), СМОТРИ(ТЕ) [Какорина 2021] и СТОЙ(ТЕ) [Никишина 2021] для 4-го выпуска «Толкового словаря русской разговорной речи» [Крысин (ред.) 2021]. В результате обсуждения авторским коллективом было решено императив *слушай*(*те*) толковать так же, как *смотри*(*те*), а именно: «…реплика, обращенная к собеседнику с целью привлечь его внимание к содержанию дальнейшего высказывания или предваряющее какие-л. действия участников

ситуации». Императив *стой*(*те*) тоже вынесен в отдельную словарную статью и имеет сходное толкование: «...используется для привлечения внимания собеседника к внезапно возникшей новой мысли или при припоминании чего-л.; может выражать просьбу повременить, несогласие, удивление». *Постой*(*те*) со значением в сходной формулировке см. в [Крысин (ред.) 2019].

Из этих описаний видно, что каждая из представленных единиц полифункциональна (инвентарь функций подобного рода единиц описан довольно подробно в [Богданова-Бегларян и др. 2019]) и что набор функций примерно один и тот же у всех трех императивов. При этом интуитивно понятно, что данные единицы имеют ряд отличительных признаков, которые делают их невзаимозаменяемыми в одних и тех же контекстах, но это невозможно отобразить в рамках словарной статьи. Именно поэтому мы сочли обоснованным рассмотреть ДМ (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* дифференцированно в отдельном очерке. Таким образом, целью настоящего исследования является разграничить употребления перечисленных ДМ и выявить специфику каждого из них.

Исследование проведено на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) (преимущественно устного и мультимедийного подкорпусов), кроме того привлекались материалы форумов и блогов.

Как отличить полнозначный императив от ДМ

Прежде всего следует сказать несколько слов о том, как отличить императив в роли ДМ от полнозначного императива. Итак, для того чтобы мы могли интерпретировать императив как ДМ, необходимо сочетание следующих семантических, прагматических и формальных признаков:

— необходимо, чтобы собственно лексическое значение императива трансформировалось, например, в функцию привлечения внимания, то есть апелляция должна быть направлена не к органам чувств (к слуху, зрению), а к разуму. Тем самым невозможно трактовать такие употребления как прямые, поскольку изначальное значение, связанное с органом чувств, теряется. Этот процесс приобретения нового статуса, как уже говорилось выше, можно называть прагматикализацией;
— другим фактором является отсутствие зависимых слов, т. е. форма теряет способность к управлению и перестает в этом смысле быть полноценной глагольной словоформой;
— наконец, в качестве ДМ все данные единицы не могут употребляться в отрицательной форме.

Рассмотрим примеры:

(1) ***Слушай****/ а ты смотрела «Нотр-Дам де Пари» на французском?*[2] (Беседа двух приятельниц, 2016);
(2) *Значит* ***слушай****/ что я тебе скажу// Давай-ка мы с тобой поменяем концепцию //* (К/ф «Попса», 2005);
(3) *Иди сюда. Садись. Он поцеловал ее. — Подожди.* ***Слушай****: на другой день после окончания войны я еду в Париж. Горины обещают дать мне взаймы* (В. А. Каверин. Перед зеркалом, 1965–1970).

В примере (1) *слушай* является ДМ, поскольку выполняет функцию привлечения внимания, не имеет зависимых слов и не может попасть под отрицание. В примере (2) реализуется прямое значение глагола *слушать*, так как есть зависимое придаточное предложение и теоретически допустимо отрицание (*не слушай, что я тебе скажу*). В примере (3) императив *слушай* имеет спорный (пограничный) статус — его можно рассматривать и как ДМ (в этом случае можно считать, что он акцентирует внимание слушающего на том, что будет сказано дальше), и как императив в прямом значении (тогда апелляция направлена на восприятие, слух) [Воейкова 2015]. Примеров, где рассматриваемые императивы имеют пограничный статус, очень много, что в очередной раз подтверждает тезис о диффузности некоторых элементов разговорной речи, о размытости границ между знаменательными и незнаменательными единицами, см. примеры (4) и (5) с императивами *стой* и *смотри*:

(4) *Пока!.. А/* ***стой****/ слушай/ захвати завтра пожалуйста флешку?! Сможешь/ нет?* (Разговор друзей, 2006);
(5) *Нет/* ***смотри****/ между нами буквально тридцать сантиметров//* (Дискуссия журналистов, 2015).

Тот факт, что апелляция к перцептивной сфере у ДМ (*по*)*смотри* и (*по*)*слушай* ослаблена или полностью отсутствует, особенно ярко проявляется в примерах из письменной речи, имитирующих устное общение (из блогов, форумов и т. п.). В таких примерах по контексту понятно, что собеседнику не на что смотреть и нечего слушать, то есть соответствующие императивы выполняют исключительно дискурсивную функцию:

[2] Здесь и далее фрагменты из записей устной спонтанной речи даются в форме, принятой в работах по разговорной речи: одной косой чертой (/) обозначаются внутрифразовые паузы, двумя косыми чертами (//) — конец высказывания; если фрагмент заканчивается восклицательным или вопросительным знаками, то две косые черты не ставятся (такая система нотации описана, например, в [Русская разговорная речь 1973: 39]).

(6) ***Слушайте**, вам больше заняться нечем. Кто что хочет тут, тот и пишет, высказывает свое мнение. Чего навязываете и уличаете?* (Форум «Флудилка. ЖК Discovery», 2020);

(7) А: *Скажу одно — ты сильно заблуждаешься. А то, что я посоветовала девушке — действительно работает.*
В: ***Смотри**, я не хочу тебя обидеть. Я был когда-то на твоем месте. Тоже, когда однажды похудел, то думал, что знаю все на свете* (Форум «Почему вес стоит на месте?», 2021).

Кроме того, отличить ДМ от полнозначных императивов помогают инициальная позиция в реплике, часто в сочетании с другими ДМ начала высказывания (*ну*, *вот*).

Влияние вида на употребление ДМ-императивов

Как уже было сказано выше, при переходе рассматриваемых императивов в разряд ДМ происходит полная или частичная утрата лексического значения, но грамматические признаки (такие как вид, число) сохраняются. Рассмотрим, как влияет категория вида на употребление императивов в роли ДМ. Считается, что употребление совершенного вида (СВ) в обычном полнозначном императиве более нейтрально, а употребление несовершенного вида (НСВ) нагружено дополнительными семантическими и прагматическими оттенками [Воейкова 2015]. Например, с точки зрения соотнесенности с моментом речи, императивы в форме НСВ обозначают немедленное побуждение к действию, в то время как формы СВ оставляют возможность на раздумье [Шмелев 2002]. С точки зрения вежливости, императивы СВ считаются более нейтральными или маркирующими дистантную вежливость, тогда как формы НСВ демонстрируют либо вежливость при контактном, неформальном общении, либо невежливость [Бенаккьо 2002]. В большинстве контекстов эти нюансы не важны для ДМ-императивов. Однако же в ходе подбора примеров для данного исследования становится совершенно очевидно, что разница в употреблении форм СВ и НСВ все же есть, но другого порядка: в частности, императивы НСВ *слушай*, *смотри* (примеры (8) и (9)) значительно чаще выступают в качестве ДМ, чем формы СВ *послушай*, *посмотри* (примеры (10) и (11)).

(8) *Ты очень бурно отреагировал в прошлом году// Вот в этом году/ ну **слушай**/ ну ты уже/ можно сказать/ с медалью/ ну/ ну будь ты как-то/ знаешь...* (Беседа с учителем в школе, 2012);

(9) *Понимаешь/ **смотри**/ я не спорю с тобой/ мне интересно твое мнение//* (Телеканал «Дождь», 10.03.2018).

	Полнозначный императив	**ДМ**
послушай (СВ)	**37**	63
слушай (НСВ)	6	**94**
посмотри (СВ)	**90**	10
смотри (НСВ)	41	**59**
постой (СВ)	77	**23**
стой (НСВ)	**93**	7

В таблице показано количество полнозначных императивов и ДМ в случайно отсортированной выборке из 100 употреблений для каждой формы. Выборки сделаны на базе устного подкорпуса НКРЯ.

Для форм СВ более естественно употребление в роли полнозначных императивов, то есть они чаще сохраняют свое прямое лексическое значение, апеллируя к чувственной сфере, а не к ментальной, как в (8) и (9).

(10) *Вот* ***послушай****/ что я тебе скажу//* (К/ф «Не бойся, я с тобой!», 1981);
(11) ***Посмотри****/ у тебя/ по-моему/ пуговицы натянулись/ нет*? (Разговор двух девушек о выборе одежды, 2008).

Таким образом, можно заключить, что в случае с императивами СВ у глаголов (*по*)*слушать* и (*по*)*смотреть* прагматикализация имеет менее выраженный характер.

Интересно, что с императивами *постой* / *стой* ситуация как раз обратная: в ряде контекстов императив СВ *постой* более нагружен прагматически, чем НСВ *стой*, то есть в качестве ДМ *постой* употребляется чаще, чем *стой* (см. примеры (12) и (13)).

(12) ***Постой****/ ты откуда знаешь счет в банке/ а?* (К/ф «Операция С Новым Годом», 1996);
(13) *Ну давай… А/ пап/* ***стой****! Когда ты домой придешь?* (Телефонный разговор отца и дочери, 2005) [в данном случай *стой* может восприниматься как просьба не отключать телефон, не прерывать телефонный звонок, то есть можно подумать, что императив употреблен в своем прямом значении].

Возможно, что такое распределение естественным образом отражает аспектуальные характеристики соответствующих императивов. В случае с ДМ-императивами *слушай* / *послушай*, *смотри* / *посмотри* говорящий призывает задуматься над тем, что он дальше скажет, то есть побуждает собеседника к участию в некотором процессе, а процесс обычно описывается формами НСВ, поэтому в роли ДМ чаще выступают императивы НСВ *слушай* и *смотри*. Что же касается пары *стой* / *постой*, говорящий

побуждает себя или собеседника к паузе в речи, рассуждении, размышлении, а это моментальное действие, для описания которого адекватно использовать формы СВ, поэтому императив СВ *постой* чаще бывает дискурсивным маркером.

Позиция ДМ-императивов в высказывании

Одним из факторов, определяющих функцию ДМ, является его позиция относительно других компонентов высказывания, а также внутри последовательности высказываний одного говорящего или нескольких участников коммуникации. Безусловно самой распространенной для всех рассматриваемых ДМ является инициальная позиция в реплике. В этой позиции (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* выполняют прежде всего функцию захвата очередности говорения [Блинова 2016], которая совмещается с функцией привлечения внимания собеседника, а также нередко смены темы или сценария диалога — см. примеры (14), (15) и (16):

(14) ***Слушай****/ а чего нам по истории задали?* (Из коллекции НКРЯ, 2006);
(15) ***Стой****/ а что если мы все же откажемся?* (Запись устной речи, 2019);
(16) ***Смотрите****/ вы правильно говорите// Вот есть Дума/ есть президент/ то что они солидарны/ это хорошо или это плохо?* (Беседа с социологом на общественно-политические темы, Москва, 2004).

При этом ДМ *слушай* и *стой* могут вводить любое высказывание, а *смотри*, как правило, предваряет объяснение или рассуждение (см. пример (16)). Эта особенность *смотри* объясняет его способность повторяться внутри реплики одного говорящего. В таком случае *смотри* используется как средство контроля внимания собеседника, как способ запроса обратной связи, подтверждения того, что собеседник следит за рассуждением, как в (17). Возможно, это связано с тем, что *смотри* маркирует зрение, а для зрения естественна наглядность, все рассуждение как бы разворачивается во всех подробностях перед собеседником:

(17) ***Смотрите****/ какая есть проблема// Вы упустили один опять момент/ чтобы его пригласить в офис/ надо ему сделать финансовое предложение/ да// То есть* ***смотрите****/ получается/ мы забронировали билеты/ точные цены билетов известны/ правильно? Нам пришло/ то что отель available/ да? Хорошо/ тогда* ***смотрите****/ усложним/ что называется / ситуацию//* (Тренинг туристической фирмы, 2007).

Повторяющиеся внутри одной реплики ДМ-императивы выполняют еще и ритмообразующую функцию. Эта функция естественна для ДМ *смотри* (пример (17)) и *слушай* (пример (18)), но никогда не реализуется

маркером *стой*. Возможно, это объясняется тем, что *стой* обычно предполагает прерывание реплики, а несколько раз прервать нельзя.

(18) *И вот на каком-нибудь уроке, физики или химии <…> грузинские педагоги говорили: «**Слушай**, дорогой, понимаешь, тебя даже как-то неудобно спрашивать, ведь все твои номера, **слушай**, они ж построены на этих законах физических, химических явлениях, а мы, понимаешь, сухие теоретики, а ты ведь настоящий практик»* (И. Кио. Иллюзии без иллюзий).

Интересно, что ДМ *слушай* может появляться в абсолютном начале диалога, с него может начинаться самая первая реплика диалога, в том числе при обращении к незнакомому человеку, то есть выступать как своеобразное средство установления контакта. И это, как мы видим в примере (19), подчеркнуто фамильярная стратегия ведения диалога, нацеленная на сокращение дистанции между собеседниками. Когда собеседники незнакомы друг с другом, такое начало диалога граничит с невежливостью или даже грубостью; говорящий, инициирующий разговор таким образом, воспринимает свой статус в коммуникации как более высокий, чем статус того, к кому данная реплика обращена, или недооценивает коммуникативную дистанцию между собой и собеседником:

(19) *Грузовик покатил к эстакаде, а я затормозил у будки вохровца, заполошно выскочившего навстречу с резиновой дубинкой в руке. — **Слушай**, мужик, где тут лекарства продают, а? — спросил я, протягивая купюру* (А. Волос. Недвижимость, 2000).

Появление ДМ *смотри* в подобной ситуации невозможно (*****Смотри***, *мужик*…), а ДМ *стой* — сомнительно (?***Стой***, *мужик*…). В нейтральной ситуации вежливее было бы начать реплику с императива *извините*.

Рассматриваемые императивы обнаруживают также разную степень свободы перемещения внутри одного высказывания, в частности различную способность к положению в конце реплики. Самым автономным в этом аспекте является ДМ (*по*)*слушай* (см. примеры (20) и (21)). Вероятно, это связано с тем, что данный ДМ в силу своей большей частотности десемантизировался сильнее остальных и стал более полифункциональным в прагматическом плане:

(20) *Ну ладно/ **слушай** (****смотри***, ****стой***)/ я так рад тебя слышать// Полиночка/ молодец/ что позвонила/ вот/ Ну/ рассказывай/ как у тебя дела…* (Телефонные разговоры, 2004);

(21) *Как там Шурка-то/ **слушай** (****смотри***, ****стой***)?* (Телефонные разговоры московских студентов, 2008).

В примере (21) особенно интересно, что ДМ *слушай* употреблен в конце вопросительного высказывания.

Основные тенденции, связанные с позицией, занимаемой рассматриваемыми ДМ в высказывании, отображены в таблице:

ДМ	(*по*)*слушай*	(*по*)*смотри*	(*по*)*стой*
Способность занимать инициальную позицию в любой реплике	+	+	+
Способность занимать инициальную позицию в реплике-объяснении, реплике-рассуждении	–/+	+	–/+
Способность повторяться внутри одной реплики	+	+	–
Способность появляться в абсолютном начале диалога	+	–	–
Способность свободно перемещаться внутри одной реплики	+	–	–

Использование ДМ для обозначения смены иллокутивного намерения

Помимо безусловной для всех рассматриваемых императивов функции привлечения внимания адресата, интересно посмотреть, могут ли все они маркировать спонтанную смену иллокутивного намерения, например, в ситуации, когда говорящий неожиданно вспомнил что-то в ходе коммуникации, что-то, что может даже не иметь отношения к теме разговора:

(22) *Положи морковочку// **Слушай**/ газеты не было вчера?* (Домашние разговоры, Москва, 1971–1977);

(23) *— Здравствуйте!*
— А-а-а, привет, кареглазая! Как жизнь молодая?
— Хорошо!
*— Вот, молодец! Так держать! **Стой**! А ты что здесь делаешь?* (К/ф «Афоня», 1975).

(*По*)*смотри* в подобном контексте употребляться не может.

Еще одной функцией рассматриваемых ДМ, близкой к смене иллокуции, может быть маркирование этапов мыслительного процесса говорящего, момента, когда он понял / начинает понимать что-то, что было сказано его собеседником, момента, когда у него самого возникает какая-то идея. Такие моменты могли бы быть описаны более эксплицитными высказываниями, такими как: ‘Меня осенило! Кажется, я понял, что ты

имеешь в виду / что ты прав'. В этом значении могут выступать только ДМ *слушай* и *стой*, причем *слушай* гораздо чаще, см. (24) и (25):

(24) А: *Запарила дверь, стучащая по башке в морозы. Летом все работает. Не выдержала душа и все-таки купил газлифты новые, брал Lesjofors 8195023. Честно говоря, двоякое ощущение* <…>.
Б: *Как раз недавно писал о них www.drive2.ru/l/491486646491939093/*
А: ***Слушааай**, а вариант :) попробую :)* (Форум автолюбителей, 2018 год);

(25) ***Стой**, кажется я придумал/ кажется я наконец понял//* (Запись устной речи, 2019).

Хотя пример (24) взят и не из устной речи, мы видим, что ДМ *слушай* оформлен здесь просодически нестандартно. Трехкратное повторение буквы «а», показывает, что соответствующий гласный растянут. Часто бывает, что растянут и первый гласный *у* и оба сразу, как в примерах (26) и (27):

(26) *Тут Гошу осенило:*
— ***Слууушай**, а ведь есть и третий вариант!* (И. Ширяев. Посредник. С той стороны. Дилогия);

(27) — ***Слуушаай**!.. Я, кажется, понял, зачем она к тебе приходила! Соль тут вообще ни при чем — она хотела… — и он шепчет на ухо товарищу свою догадку о причине ночного визита* (В. Рубцов. Соль для соседа).

Такое удлинение гласных можно считать маркером хезитации, и оно довольно регулярно встречается у различных ДМ [Подслесская, Кибрик 2009]. В случае с ДМ (*по*)*стой* в функции маркера этапов мыслительного процесса удлинение гласных менее естественно. Значительно чаще данная функция реализуется за счет редупликации или многократного (контактного) повторения самого ДМ, что, как и удлинение гласных, маркирует хезитацию, раздумье говорящего, как в примере (28):

(28) — *Ты/ между прочим/ прекрасно устроился// Так вот/ Димка не идиот/ а твой сын// А ты его отец//*
— ***Постой**/ **постой**/ **постой**/ **постой**//Что ты сказала?*
— *А что я сказала? Димка твой сын//* (К/ф «Без свидетелей», 1983).

Нужно отметить, что для ДМ (*по*)*стой* такое употребление с многократной редупликацией является самым частотным.

Использование ДМ в качестве ксенопоказателей

Ксенопоказателями называют языковые единицы, которые используются для маркирования чужой речи, то есть для оформления цитирования. В русском языке в ряду ксенопоказателей обычно рассматривают

частицы *мол*, *дескать*, *де*, *якобы* и т. п. [Левонтина 2020]. Интересно проверить, насколько рассматриваемые нами ДМ (*по*)*слушай,* (*по*)*смотри*, (*по*)*стой* могут выполнять данную функцию — вводить чужую речь. Понятно, что рассматриваемые императивы не могут быть названы ксенопоказателями «в чистом виде» хотя бы потому, что, в отличие от *мол* или *якобы*, мы не можем наверняка сказать, что их не было в исходной речи, которую цитирует говорящий. Но основание для подобной гипотезы все же было: анализ примеров из устного корпуса НКРЯ показал, что ДМ (*по*)*слушай* (особенно в форме НСВ *слушай* — пример (29)) очень часто выступает в составе оборота прямой речи при глаголах типа *говорить*, а маркеры (*по*)*стой* и (*по*)*смотри* в таких комбинациях почти никогда не встречаются.

(29) *А потом/ когда пришли домой/ пришли домой/ пошли ко мне/ у меня потому что родители были на работе/ а Тамаркины родители были дома и/ это самое/ Тамарка г(ово)рит/ «**Слушай**/ — говорит/ — это самое...» Я г(ово)рю/ «Ну пошли/ — говорю/ — ко мне/ хоть/ это самое/ и поедим и/ это/ дома никого нет»//* (Воспоминания о школьных годах, 2019).

Обратимся к понятийному аппарату, разработанному в [Подлесская 2017], чтобы описать специфику цитирования с участием ДМ *слушай*. Прототипически ДМ *слушай* в качестве показателя цитирования используется при реализации стратегии «прямого дейксиса», то есть при передаче чужих слов в формате прямой речи[3]. Данная стратегия предполагает, что «цитация формирует самостоятельную иллокуцию. Вследствие этого все дейктические элементы цитации ориентированы на внутреннюю коммуникативную ситуацию, а не на внешнюю ситуацию нарратива, в который интегрирована чужая речь» [Подлесская 2017]. При таком типе цитации отсутствуют ограничения на тип иллокутивного высказывания, то есть передаваемое высказывание может быть и вопросом, и восклицанием, и обращением, и побуждением. И действительно, мы находим примеры цитирования, где *слушай* вводит самые разные коммуникативные типы высказываний: директивное высказывание (30), вопрос (31), (32), восклицание (33), обращение (34):

(30) *Так что возможно/ если б кто-нибудь сказал/ «**Слушай**/ иди работать... даже в ЦРУ»/ я не знаю/ может быть/ я бы сказал/ ээ/ ну/ поговорим//* (Беседа К. Прошутинской с А. Мельтевым в программе «Мужчина и женщина // Т/к «РТР», 2001);

[3] Ксенопоказатели *мол*, *якобы* и подобные им, напротив, задают режим «косвенного дейксиса», то есть режим, при котором чужая речь передается в формате косвенной, не образуя отдельной иллокуции («авторская ремарка и собственно цитация образуют единую иллокуцию»). При помощи этих показателей говорящий как бы дистанцируется от позиции другого человека, речь которого он передает.

(31) *А налоговая проходит мимо и не задает вопрос/ «**Слушай**/ откуда у тебя это?»* (Выборы в Государственную думу. Дебаты // Т/к «Первый канал» 31.08.2016);
(32) *Подрезает Жигули-четверка/ ну и я как обычно уже/ привыкший к некоторой славе/ думаю/ «Ну/ человек хочет пообщаться»// Человек выходит из машины и говорит/ «**Слушай**/ не продадите рога от бензопилы? Все равно ж чермет везете»//* (Д/ф «Город-мост (Псков). Из цикла «Письма из провинции» // Т/к «Культура», 2014);
(33) *Я говорю/ «**Слушай**/ мы с тобой/ по-моему/ самые трусы тут и есть!»* (Беседа двух приятельниц, 2016);
(34) *И мой старший сын говорит — **слушай**, пап, я просто в шоке, я никогда в жизни не задумывался об этом, а ведь это так интересно!* (Интервью Р. А. Рыбало журналу «Охраняется государством» // culture.gov.ru,14.02.2018).

Употребление ДМ *слушай* в цитационных конструкциях создает ощущение живой речи, передает экспрессию, характерную для диалога, создает у слушающего впечатление, что он тоже присутствует при пересказываемой коммуникации. Такие конструкции близки к гипердиалогическому типу конструкций с прямым дейксисом, когда говорящий намеренно наделяет цитируемый фрагмент повышенной экспрессией, например с помощью интонации.

Интересно рассмотреть пример (35), в котором последовательно реализуется сначала стратегия косвенного, а затем и прямого дейксиса:

(35) *Я совершенно не понимал эту вещь… вещь и говорю/ **что**/ «**слушай**/ я как-то к твоей… к твоей поэзии не привык прямо/ я воспитывался на… на… на Пушкине…»* (Беседа В. Д. Дувакина с И. Н. Бажановым, 1968).

Сначала показатель *что* готовит нас к тому, что говорящий будет пересказывать чужую речь, не стремясь к дословному ее цитированию, но потом возникает ДМ *слушай* и преобразует передаваемый фрагмент в формат прямой речи. Отметим, что подобные примеры скорее редкость. Обычно конструкции с ДМ *слушай* в роли ксенопоказателя безоговорочно относятся к типу конструкций с прямым дейксисом.

Выводы

Сравнение ДМ (*по*)*слушай*, (*по*)*смотри* и (*по*)*стой* показало, что, несмотря на обманчивое сходство, они достаточно сильно различаются, а значит, лаконичные, как правило схожие между собой, толкования данных слов, имеющиеся в словарях, не могут дать достаточное представление

о нюансах их функционирования. Мы увидели, что эти различия обнаруживаются на самых различных уровнях: грамматическом, логическом, фонетическом, синтагматическом и др. Они касаются выбора видовой формы глагола, выступающей в роли ДМ; типа иллокуции, с которой сочетаются рассматриваемые ДМ; способности к удлинению звуков и редупликации; линейного расположения ДМ в высказывании и т. д. Таким образом, данное исследование позволяет сделать шаг в направлении качественной дифференциации средств регуляции речевого взаимодействия.

Словари

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 3: П — Р / Авторы-составители: М. Я. Гловинская, Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина. М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. 824 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С — Т / Авторы-составители: Е. И. Голанова, О. П. Ермакова, А. В. Занадворова, Е. В. Какорина, Л. П. Крысин, Е. А. Никишина, А. Р. Пестова, Н. Н. Розанова, Р. И. Розина, О. А. Шарыкина. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. 680 с.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка: А–Я / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. СПб.: Норинт, 2004. 1534 с.

Шведова Н. Ю. (ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2008. 1175 с.

Литература

Бенаккьо Р. Конкуренция видов, вежливость и этикет в русском императиве // Russian Linguistics. 2002. №26. С. 149–178.

Блинова О. В. Слушай, смотри, подожди, скажи, извини: частотные императивы как «коммуникативные девайсы» // XLV Международная филологическая конференция 14–21 марта 2016 года. Тезисы докладов.

Богданова-Бегларян Н. В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Структурная организация языка и процессы языкового функционирования. М.: УРСС, 2019. С. 436–446.

Богданова-Бегларян Н. В., Блинова О. В., Шерстинова Т. Ю., Мартыненко Г. Я., Зайдес К. Д., Попова Т. И. Аннотирование прагматических маркеров в русском речевом корпусе: проблемы, поиски, решения, результаты // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам международной конференции «Диалог 2019». М., 2019. Вып. 18 (25). С. 72–85.

Воейкова М. Д. Варьирование форм СВ / НСВ в императиве: анализ факторов // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований, 2015. Т. 11. № 1. С. 539–564.

Какорина Е. В. Словарные статьи СЛУШАЙ(ТЕ), СМОТРИ(ТЕ) // Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С — Т; отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 180, 213.

Левонтина И. Б. Об арсенале ксенопоказателей в русском языке // Вопросы языкознания, 2020. Вып. 3. С. 52–77.

Никишина Е. А. Словарная статья СТОЙ(ТЕ) // Толковый словарь русской разговорной речи. Вып. 4: С — Т; отв. ред. Л. П. Крысин. М.: Издательский Дом ЯСК, 2021. С. 314–315.

Подлесская В. И. «Я скажу тебе с последней прямотой»: прямая и косвенная речь по данным корпуса с просодической разметкой // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2017». М., 2017. Вып. 16 (23). В 2 т. Т. 2.: С. 355–371.

Подлесская В. И., Кибрик А. А. Дискурсивные маркеры в структуре устного рассказа: опыт корпусного исследования // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по материалам ежегодной международной конференции «Диалог 2009». М., 2009. Вып. 8 (15). С. 390–395.

Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская, Д. Н. Шмелев. М.: «Наука», 1973, 486 с.

Шмелев Д. Н. О значении вида в повелительном наклонении // Д. Н. Шмелев. Избранные труды по русскому языку. М.: Языкиславянскойкультуры, 2002. С. 271–279.

References

Benacchio R. [Aspectual competition, politeness and etiquette in the Russian imperative]. *Russian Linguistics*. 26. 2002, pp. 149–178. (In Russ.)

Blinova O. V. [Slušai, smotri, podoždi, skaži, izvini: Frequent imperative forms as “communicative devices”]. *XLV Mezhdunarodnaya filologicheskaya konferentsiya 14–21 marta 2016 goda. Tezisy dokladov* [XLV International Philological Conference, March 14–21, 2016. Abstracts]. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V. [Grammatical “atavisms” of pragmatic markers of Russian oral speech]. *Strukturnaya organizatsiya yazyka i protsessy yazykovogo funktsionirovaniya* [The structuralorganisation of language and language functioning processes]. Moscow. URSS Publ., 2019, pp. 436–446. (In Russ.)

Bogdanova-Beglaryan N. V., Blinova O. V., Sherstinova T. Yu., Martynenko G. Ya., Zaides K. D., Popova T. I. [Annotating pragmatic markers in Russian speech corpus: problems, studies, solutions, results]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2019»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue 2019"]. Moscow, 2019. Issue 18 (25), pp. 72–85. (In Russ.)

Kakorina E. V. [The dictionary entries SLUŠAI(TE), SMOTRI(TE)]. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Dictionary of Russian colloquial speech]. Vol. 4: S–T; ed. by L. P. Krysin. Moscow: YASK Publishing House, 2021, pp. 180, 213. (In Russ.)

Levontina I. B. [The repertory of xenomarkers in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2020, 3, pp. 52–77. (In Russ.)

Nikishina E. A. [The dictionary entry STOI(TE)]. *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Dictionary of Russian colloquial speech]. Vol. 4: S–T; ed. by L. P. Krysin. Moscow: YASK Publishing House, 2021, pp. 314–315. (In Russ.)

Podlesskaya V. I. [«Yaskažutebe s poslednei pryamotoi»: Direct and indirect speech in a prosodically annotated corpus]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2017»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue 2017"]. Moscow, 2017. Issue 16 (23). In 2 vols. Vol. 2, pp. 355–371. (In Russ.)

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. [Discourse markers in the structure of a spoken story: A corpus-based study]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: po materialam mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2009»* [Computational Linguistics and Intellectual Technologies: Proceedings of the Annual International Conference "Dialogue 2009"]. Moscow, 2009. Issue 8 (15), pp. 390–395. (In Russ.)

Russkaya razgovornaya rech' (pod. red. E. A. Zemskoi, A. D. Shmeleva) [Russian colloquial speech (ed. by E. A. Zemskaya, D. N. Shmelev)]. Moscow, Nauka Publ. 1970, 486 p.

Shmelev D. N. [On the meaning of aspect in the imperative]. Shmelev D. N. *Izbrannye trudy po russkomu yazyku* [Selected works on the Russian language]. Moscow. Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2002, pp. 271–279. (In Russ.)

Voeikova M. D. [Variation ofperfect/imperfect forms in the imperative: Analysis of factors]. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanii*. 2015. Issue 11. № 1, pp. 539–564. (In Russ.)

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 64–78

Проблемы современного русского языка

«*Эту… как ее… переписку Энгельса с этим… как его, дьявола… с Каутским*» — об одном маркере речевого затруднения в русском языке

Вера Исааковна Подлесская[1], Николай Алексеевич Коротаев[2],
Российский государственный гуманитарный университет (Россия, Москва), [1]vi_podlesskaya@il-rggu.ru, [2]n_korotaev@hotmail.com

DOI: 10.31857/S013161170022855-9

АННОТАЦИЯ: В работе предлагается качественный и предварительный количественный анализ конструкций с составным дискурсивным маркером *этот… как его* в современной русской неформальной устной речи. Маркер относится к классу препаративных подстановок, или плейсхолдеров, т. е. маркеров, основная функция которых — выступать в структурной и линейной позиции единицы, порождение которой отложено или отменено: говорящий либо испытывает временные трудности с порождением этой единицы, либо вообще отказывается от ее реализации, сочтя эту единицу неуместной по грамматическим или прагматическим причинам. Исследуются грамматические и просодические стратегии, которые используют говорящие в конструкциях с данным маркером. Показано, что маркер может полностью или частично копировать не только грамматическую оболочку отложенной единицы, но и ее просодическое оформление. Эмпирической базой послужили данные основного корпуса НКРЯ — для заключений о грамматике — и мультимедийного подкорпуса (МУРКО) — для заключений о просодии. Полученные результаты позволяют предположить, что

в точке речевого сбоя, когда говорящий сталкивается с трудностями извлечения единицы из ментального лексикона, решение о грамматической оболочке и о просодическом оформлении отложенной единицы может быть принято говорящим раньше, чем эта единица будет артикулирована. Дальнейшее корпусное и экспериментальное изучение этого феномена позволит продвинуть наше понимание механизмов речепорождения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: устная речь, речевые сбои, дискурсивные маркеры, просодия

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Подлесская В. И., Коротаев Н. А. «*Эту... как ее... переписку Энгельса с этим... как его, дьявола... с Каутским*» — об одном маркере речевого затруднения в русском языке // Русская речь. 2022. № 5. С. 64–78. DOI: 10.31857/S013161170022855-9.

БЛАГОДАРНОСТИ: Исследование поддержано грантом РНФ № 22-28-00540.

Issues of Modern Russian Language

"*Étu... kak ejo... perepisku Éngelsa s etim... kak ego, djavola... s Kautskim*" — A Case Study of a Placeholder in Russian

Vera I. Podlesskaya[1], Nikolay A. Korotaev[2], Russian State University for the Humanities (Russia, Moscow), [1]vi_podlesskaya@il-rggu.ru, [2]n_korotaev@hotmail.com

ABSTRACT: Basing on data from the Russian National Corpus (including its multimedia subcorpus) we provide a qualitative and a preliminary quantitative analysis of the discourse marker *etot kak ego* in Russian informal

spontaneous spoken discourse. The marker is a placeholder — a type of discourse marker that signals production difficulties. Markers of this type mainly have a pronominal origin and serve as a preparatory substitute for a delayed constituent. Placeholders allow the speaker to refer to objects and events for which the speaker fails to retrieve the exact name, or simply finds the exact name to be unnecessary or inappropriate. We explore grammatical and prosodic strategies employed in constructions with this marker demonstrating that it can fully or partially copy not only the syntactic role and grammatical form of the delayed constituent, but also its prosodic shaping. This allows us to suggest that the speaker might be able to project grammatical and prosodic features of the delayed unit well before the unit itself is articulated. Further experimental and corpus studies of the phenomenon will help to promote our understanding of speech production mechanisms.

KEYWORDS: spoken discourse, speech disfluencies, discourse markers, prosody

FOR CITATION: Podlesskaya V. I., Korotaev N. A. *“Étu… kak ejo… perepisku Éngelsa s etim… kak ego, djavola… s Kautskim”* — A Case Study of a Placeholder in Russian. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2022. No. 5. Pp. 64–78. DOI: 10.31857/S013161170022855-9.

ACKNOWLEDGEMENTS: The reported study was funded by Russian National Foundation (RNF), the projects no. 22-28-00540.

Предметом данного исследования является комплексный дискурсивный маркер *этот… как его* в современной русской неформальной устной речи. Этот маркер относится к классу препаративных подстановок [Подлесская, Кибрик 2009: 184–187], или плейсхолдеров: термин прямо заимствован из английского placeholder и постепенно укореняется и в исследованиях на русском языке. Функция маркеров этого класса — выступать в структурной и линейной позиции той единицы, порождение которой отложено или отменено: говорящий либо испытывает временные трудности с порождением этой единицы, либо вообще отказывается от порождения, сочтя эту единицу неуместной по грамматическим или прагматическим причинам. Компоненты данного составного маркера — *этот* и *как его* — могут выступать в качестве плейсхолдера и каждый в отдельности, но в данной работе будет предпринято качественное и количественное исследование их устойчивой комбинации.

Плейсхолдеры могут копировать грамматическую оболочку отложенной единицы. Таким свойством обладает и рассматриваемый нами маркер *этот... как его*, так происходит в цитате из М. А. Булгакова, вынесенной в заголовок статьи, где *эту...как её* копирует винительный падеж, единственное число, женский род словоформы *переписку*, а *(с) этим... как его* копирует творительный падеж, единственное число, мужской род словоформы *(с) Каутским*. С развитием технологий документирования спонтанной устной речи постепенно расширяются эмпирические исследования этого феномена в различных языках, в том числе английском, японском, китайском, армянском, ряде языков Кавказа, тунгусо-маньчжурских, малайско-полинезийских и др. [Подлесская, Хуршудян 2006, Amiridze et al. 2010, Cheung 2015, Tárnyiková 2019, Blake 2020, Klyachko 2020, Serakuetal 2021]. Систематических и, в особенности, корпусных исследований этого феномена на русском материале явно не хватает, и настоящее исследование — попытка частично восполнить этот пробел. Нас интересовала грамматика и просодия конструкций с этим плейсхолдером.

Эмпирической базой послужили данные основного корпуса НКРЯ — для заключений о грамматике — и мультимедийного подкорпуса (МУРКО) — для заключений о просодии. Выборка была получена по следующему запросу: местоимение *этот* в единственном или множественном числе мужского, женского или среднего рода; далее на расстоянии 1 — *как*; далее на расстоянии 1 — местоимение *он* или *она* в родительном или винительном падеже. В основном корпусе было обнаружено 615 вхождений, в МУРКО — 82 вхождения. Число вхождений, приведенное к объему соответствующего корпуса (число вхождений на один миллион слов, ipm), многократно выше для МУРКО: 15.05 против 1.82, что вполне ожидаемо для феномена, присущего неформальной устной речи. Нас будет интересовать прежде всего (а) как соотносятся форма и структурная позиция плейсхолдера (далее — ПХ) и его мишени, т. е. фрагмента, который отложен или (предположительно) отменен говорящим; и (б) какие просодические стратегии использует говорящий, чтобы встроить ПХ в интонационную структуру высказывания.

Начнем с грамматики. В прототипическом случае первый компонент исследуемого маркера — местоимение *этот* — копирует род, число и падеж именной мишени, а второй компонент — *как его* — копирует род и число, сохраняя фиксированный падеж. Этот падеж можно интерпретировать как родительный или как винительный: здесь падеж можно считать реликтом конструкции *как его называют* или *как его имя/название*. Как известно, во многих языках мира ПХ восходят к конструкциям именования,

состоящим из вопросительного слова, глагола именования, а также содержащим слот для местоименной переменной [Podlesskaya 2010], ср. англ. *whatchamacallit*; в этом отношении маркер *этот… как его* следует распространенной типологической модели, но с опущенным глаголом именования. Маркер встраивается в ту структурную позицию, в которой была бы мишень, не будь она отложена. Так, в (1) ПХ дублирует прямое дополнение, в (2) ПХ дублирует косвенное дополнение:

(1) Уезжаю. На курорт. В бар там схожу. Этот… как его… **коктейль** попробую. (В. Меньшов, В. Гуркин. Любовь и голуби, к/ф. 1984)
(2) В общем, я удрапать хотел. Совсем из этой лавочки. — Какой лавочки? — Ну, из этого, как его, **социализма**! Уже у меня изжога от него, не могу! (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 26–51. 1968)

Мы видим, что в обоих примерах род, число и падеж мишени скопированы в ПХ, в (1) — мужской род, единственное число, винительный падеж словоформы *коктейль*, в (2) — мужской род, единственное число, родительный падеж словоформы *социализма*.

Копирование структурных параметров мишени не является обязательным — маркер может выступать и в неизменяемой «дефолтной» форме среднего рода *это… как его*:

(3) Хм, у вас же есть это, как его, моральный кодекс… (А. Вайнер, Г. Вайнер. Я, следователь… 1968)
(4) «Конечно, мы не бедные… Моя мама сама зарабатывает деньги. Но мы не господа, мы просто это… как его… — Динка вспомнила новенькую железнодорожную форму, в которой был снят отец. — Железнодорожники — вот кто мы! Элеваторские!» (Осеева. Динка. 1959)

Особый интерес представляют случаи «ошибочного» копирования структурных параметров мишени:

(5) Ну ладно/ получишь государственную… это… как её… **вознаграждение**/ а щас или посмертно/ решай сам. (М. Захаров, Г. Горин, Е. Шварц. Убить дракона, к/ф. 1988)

Здесь говорящий, предположительно, пытался породить слово женского рода *премия*, но не справился с задачей и использовал синоним среднего рода *вознаграждение*. Случаи такого рода позволяют предположить, что при извлечении из ментального лексикона некоторого слова доступ

к грамматическим и лексическим сведениям может осуществляться раздельно, с разной степенью успешности.

Мишень как таковая может отсутствовать, но в предтексте может иметься фрагмент, который является грамматическим триггером для ПХ:

(6) А если случится идти мимо театра/ когда там идёт какая-нить слезливая мелодрама/ ну знаете/ например/ вот эта/ как её/ «Болотные туманы»/ сырость так впивается в плечо/ что его начинает дёргать/ как зуб. (Л. Гайдай. Деловые люди, к/ф. 1963)

Так, в примере (6) женский род ПХ скопирован из словоформы *мелодрама*, которая следует в тексте раньше, чем ПХ. Ясно, что говорящий испытывает трудности не с самим словом *мелодрама*, а с названием пьесы, т. е. полную форму мишени можно было бы реконструировать как *мелодрама «Болотные туманы»*, но она оказывается избыточной и остается только название пьесы.

В диалоге, если говорящий не справляется или не полностью справляется с трудностями порождения, то ему на помощь может прийти другой собеседник, и тогда мишень реализуется в его реплике. Для такого построения может понадобиться несколько дискурсивных шагов:

(7) [Фрося] Потом этот/ как его? Карневильский… вроде парикмахера…
[Александр Александрович] Севильский цирюльник.
[Фрося] Верно/ он самый.
(Е. Ташков. Приходите завтра…, к/ф. 1963)

(8) [Главбух] Учёные куры или/ скажем/ петух-математик. Знает/ подлец/ таблицу умножения. А слоны! Играют на барабанах/ танцуют эту/ как её… польку-то… ну?
[Ермолаев] Бабочку.
[Главбух] Бабочку! Благородное/ умнейшее… умнейшее животное.
(Н. Кошеверова, А. Ивановский, К. Минц, Е. Помещиков. Укротительница тигров, к/ф. 1954)

Более того, собеседник может реконструировать не артикулированную говорящим мишень, но не произносить этот фрагмент, а развивать дискурс дальше, как если бы значение этого фрагмента уже им освоено и интегрировано в общий контекст:

(9) [Ковров] Ну/ я его… я его… всё/ в прах превращу! В землю/ в слякоть/ в грязь/ в это/ как его…
[Фома] Всплывёт!
(К. Бромберг, А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Чародеи, к/ф. 1982)

(10) [Лаврик] Ты давно дружишь с этой/ как её?
[Туся] Ладно/ Лавр. После сегодняшнего вечера ты её имя во сне повторять будешь.
(Н. Лебедев, Э. Ясан, М. Львовский. В моей смерти прошу винить Клаву К., к/ф. 1979)

Если извлечение из ментального лексикона затруднено, то после ПХ может следовать не собственно мишень, а развернутая дескрипция:

(11) Вы читали этого… как его…? ну, папироса в зубах, метр курим, два бросаем… сам лопатой не ворочает, других призывает… ну: Моя милиция — Меня стережёт! (А. Солженицын. В круге первом, т. 1, гл. 1–25. 1968)

Так, в примере (11) говорящий пытается извлечь из памяти имя собственное — *Маяковский*, но не справляется с этой задачей, поэтому прибегает к описанию внешности и манер поэта и даже к цитате (искаженное «Моя милиция меня бережет»).

Наконец, говорящий может вовсе не справиться с задачей извлечения нужной единицы, и тогда он отказывается от дальнейшего поиска и после ПХ происходит обрыв. Слушающему остается лишь самому, опираясь на контекст и знания о мире, реконструировать нереализованное дискурсивное намерение говорящего:

(12) [Комбат] Немедленно нужно выучить… ну… хорошую строевую песню… ну эту/ как её/ ну… Будешь отстаивать честь батальона.
[Ротный] Понял?
[Суслин] Понял.
(Л. Быков, Б. Васильев, К. Рапопорт. Аты-баты, шли солдаты, к/ф. 1976)

(13) Гонял как бешеный на «Новокузнецкую» к этой, как её… будь она трижды неладна… Перерывал кучи рекламы в поисках подходящего варианта для Кеттлеров.(А. Волос. Недвижимость. 2000)

С ПХ совместно могут выступать другие дискурсивные маркеры. Для *этот… как его* характерно совместное употребление с маркерами эмоциональной реакции говорящего на испытываемое речевое затруднение, ср. *ой* и *тьфу (ты)*:

(14) О/ ты не знаешь/ что я князь. И что… некоторое время ты тоже являешься этой… как её… ой/ этой… княжухой… нет/ ну… в общем/ женой князя. (Д. Месхиев, В. Тодоровский. Над темной водой, к/ф. 1993)

(15) [Директор турбазы] Ага! Ну что известно/ об этом/ как его... Тьфу ты!
[Алла Дмитриевна] Голубев Михал Николаич позавчера ушёл в поход с группой по маршруту номер семь.
(Л. Гайдай, В. Бахнов. Спортлото-82, к/ф. 1982)

ПХ может сопровождаться и довербальным сигналом эмоциональной реакции на затруднение. Эти довербальные сигналы часто не отражены в транскрипте МУРКО. Так, в следующем примере сразу после *это как его* отчетливо слышен имплозивный, т. е. произносимый на вдохе, свист — типичный сигнал реакции на незначительное, но неприятное ощущение (ср. то, что можно услышать от человека, которому мажут йодом царапину):

(16) У нас там доска была — мы домашнее задание делаем. Он нарисовал своё... себя/ моряк в кокарде... э это как его... {ИМПЛОЗИВНЫЙ СВИСТ — *добавлено нами, ВИП-НАК*} И вот/ мы долго-долго не стирали это. [Смех] ...
(Перешагни пропасть, переплыви море (Кемь). Д/ф из цикла «Письма из провинции» // ТК «Культура», 2016)

Таковы, в вынужденно кратком изложении, основные структурные свойства конструкций с *этот как его*. Рассмотрим теперь просодические стратегии, которые использует говорящий в конструкциях с этим ПХ.

Прежде всего обращает на себя внимание, что мишень в таких конструкциях всегда акцентирована. Если мишень неоднословна, то акцент в ней выбирается по общим для русского языка правилам выбора акцентоносителя в составляющей [Янко 2008]:

(17) Сорок процентов игрушек всего Союза... делает наш комбинат. Ха! А... а эта/ как её... Нюренбергская фабрика... э... птенец против нас. (И. Савченко. Случайная встреча, к/ф. 1936)

Так, в примере (17) мишенью ПХ является именная группа *нюренбергская фабрика*, выполняющая в клаузе функцию темы. По правилам, при отсутствии контраста фразовый акцент в именной группе с препозитивным согласованным определением размещается на вершинном существительном, здесь это — *фабрика*. Оно реализуется с восходящим движением тона на ударном слоге по типу ИК3 в терминологии интонационных конструкций [Брызгунова 1982], типичным для тематической составляющей. Примеры ниже приводятся сначала в полной графической форме, как она дана в МУРКО, а далее приводится просодическая транскрипция

части примера с разметкой движения тонов и локализацией фразовых акцентов[1] и интонограмма в формате анализатора PRAAT:

А ==
А \<u>э</u>та,
\к<u>а</u>к её,
(0.28)
нюренбергская /фабрика (0.47) ээ(0.37)(0.63) ↑**птене<u>е</u>ц** против нас!

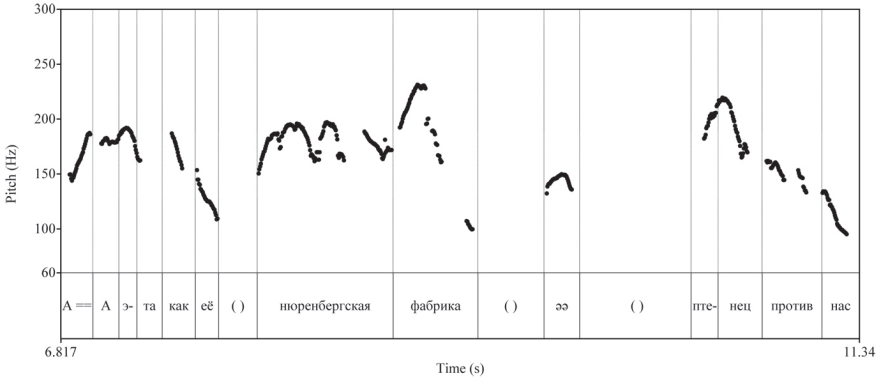

Рис. 1. Интонограмма к примеру (17) | **Fig. 1.** Pitchcontourfor (17)

Похожую картину мы имеем в примере (18):

(18) Ну в этот… как его… Альфред Второй/ что ли? (Г. Юнгвальд-Хилькевич, М. Мелкумов. Опасные гастроли, к/ф. 1969).

Ну а \<u>э</u>тот,
(0.29)
\к<u>а</u>к его,
(1.11)
Альфред /Втор<u>о</u>й что ли?

Здесь в группе *Альфред Второй* с постпозитивным, так называемым «сортовым» согласованным определением (ср. *чай байховый*, *огурцы мало-*

[1] Для указания на направление движения тона в ударном слоге иконически используются знаки «/», «\» и «–»; для указания на направление движения тона в предударных и заударных слогах — знаки «↓», «↑» и «→». Ударный слог слова — носителя рематического акцента подчеркивается. О других деталях используемой системы просодической транскрипции см. [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009; Kibrik et al. 2020]. Напомним, что в той версии примера, которая дается по МУРКО, знак «/» имеет другую интерпретацию — там он используется для примерного указания на членениеречевого потока. В сегментное наполнение в просодической транскрипции вносятся при необходимости уточнения по сравнению с графическим вариантом МУРКО.

сольные и т. п.) акцент стандартным образом располагается на определении. В данном случае. на акцентоносителе восходящий тон, типичный для вопроса.

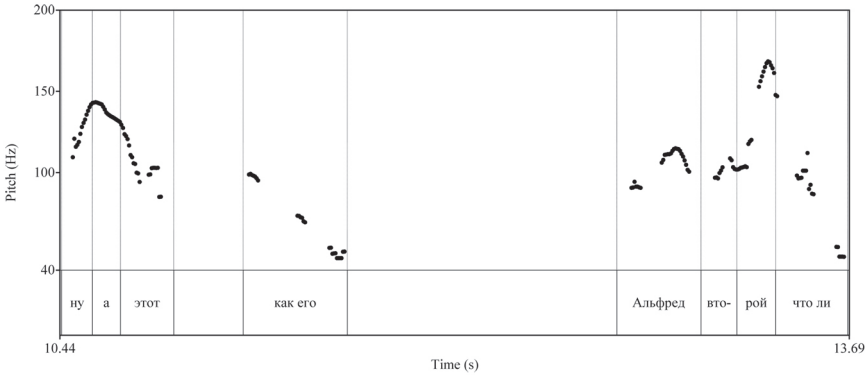

Рис. 2. Интонограмма к примеру (18) | **Fig. 2.** Pitchcontourfor (18)

На приведенных выше примерах можно видеть и типичное просодическое поведение самого маркера, а именно: акцентируются оба компонента — *этот* и *как его*, и оба компонента реализуются с падающим (или — реже — с ровным) тоном. Такую стратегию можно квалифицировать как парентетическую — маркер фактически выпадает из текущей просодической конфигурации. Как и в других случаях парентезы — особенно в интерпозиции — маркер может реализоваться в ускоренном темпе, в сниженном регистре, в суженном диапазоне. Таков пример (5), повторенный ниже как (19); знак «—» (длинное тире) в конце первой и в начале четвертой строки транскрипта указывает на то, что имеет место так называемый «сплит», т. е. вставкой разорвана синтаксическая группа [Кибрик, Подлесская (ред.) 2009, Kibrik et al. 2020]:

(19) Ну ладно/ получишь государственную... это... как её... вознаграждение/ а щас или посмертно/ решай сам. (М. Захаров, Г. Горин, Е. Шварц. Убить дракона, к/ф. 1988)

/\получишь государственную —

–э-это,

–как её-о,
(0.12)
— /вознаграждение,
а \щас или /посмертно,
решай \сам.

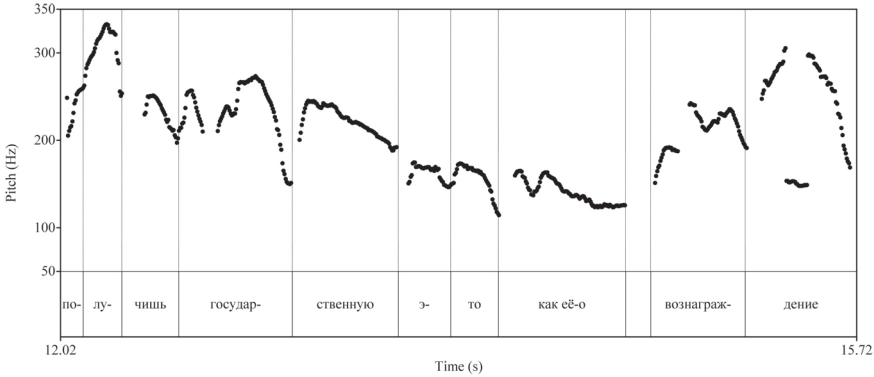

Рис. 3. Интонограмма к примеру (19) | **Fig. 3.** Pitchcontourfor (19)

Особый интерес представляют случаи, когда парентетический статус имеет только второй компонент составного маркера — *как его*, а первый компонент — *этот* — копирует движение тона в мишени. Чтобы увидеть эту стратегию, нужно рассматривать ситуации, где мишень реализуется с подъемом тона, поскольку в противном случае — если мишень реализуется с нисходящим тоном — мы не сможем с уверенностью сказать, является ли падение на ПХ копией падения на мишени или «самостоятельным» парентетическим падением. Рассмотрим пример (20):

(20) [Хоттабыч] Ты забыл/ что деньги дают самую верную и прочную власть над людьми.
[Женя] А зачем нам власть? Что мы/ какие-нибудь цари или капиталисты?
[Хоттабыч] Значит/ отдать этому/ как его/ твоему Роно?
[Волька] Нет/ Роно здесь ни при чём. Такие товары правильнее всего отдать гастроному.
(Г. Казанский, Л. Лагин. Старик Хоттабыч, к/ф. 1956)

Здесь мишень, словоформа *РОНО*, реализуется с восходящим тоном, маркирующим вопрос, и первый компонент ПХ тоже реализуется с интонацией вопроса, с восходящим тоном:

Значит отдать/**этому** —
{шум базара 0.65}
\к<u>а</u>к его,
{шум базара 0.57}
— твоему /**РОН<u>О</u>**?!

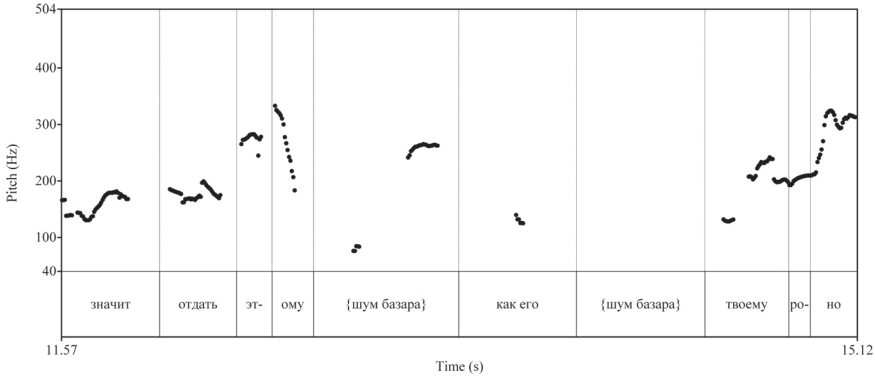

Рис. 4. Интонограмма к примеру (20) | **Fig. 4.** Pitchcontourfor (20)

В случаях типа (20) части составного ПХ наследуют индивидуальные свойства, которыми они обладают при употреблении в качестве одиночного ПХ. Одиночный ПХ *этот* перед мишенью, которая реализуется с подъемом тона (e.g. маркирующим вопрос или незавершенность), может реализоваться как с падением тона, ср. (20а), так и с подъемом, ср. (20б). В отличие от него, одиночный ПХ *как его* может реализоваться только с нисходящим тоном, ср. допустимое (20в), тогда как реализация с восходящим тоном, ср. (20г), представляется невозможной:

(20а)
Значит отдать —
\<u>э</u>тому,
— твоему /РОН<u>О</u>?

(20б)
Значит отдать —
/<u>э</u>тому,
— твоему /РОН<u>О</u>?

(20в)
Значит отдать —
\к<u>а</u>к его,
— твоему /РОН<u>О</u>?

(20г)
*Значит отдать —
/к<u>а</u>к его,
— твоему /РОН<u>О</u>?

Таким образом, нам удалось показать, что ПХ может копировать не только грамматическую оболочку, но и просодическое оформление мишени. Этот результат представляется весьма поучительным с точки зрения нашего понимания процессов речепорождения. Он позволяет предположить, что в точке речевого сбоя — когда говорящий сталкивается с трудностями извлечения единицы из ментального лексикона — решение не только о грамматической оболочке, но и о просодическом оформлении мишени может быть принято говорящим раньше, чем мишень будет артикулирована. Разумеется, нужны дальнейшие — как корпусные, так и экспериментальные — исследования этого феномена, но предпринятые нами первые шаги в этом направлении открывают, как нам кажется, весьма заманчивые перспективы.

Литература

Брызгунова Е. А. Интонация, Русская грамматика, том 1, М.: Наука, 1982. С. 103–118.

Кибрик А. А., Подлесская В. И. (ред.). Рассказы о сновидениях: Корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур, 2009. 735 с.

Подлесская В. И., Кибрик А. А. Речевые сбои и затруднения // А. А. Кибрик, В. И. Подлесская (ред.). Рассказы о сновидениях: корпусное исследование устного русского дискурса. М.: Языки славянских культур. 2009. С. 177–216.

Подлесская В. И., Хуршудян В. Г. О лексических маркерах хезитации в спонтанной речи: уроки армянского // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог-2006. М.: Наука, 2006. С. 429–439.

Янко Т. Е. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М: Языки славянских культур, 2008. 312 с.

AmiridzeN., DavisB., MaclaganM. (eds.). Fillers, pauses and placeholders [Typological Studies in Language 93]. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2010.

Blake A. L. Delays without fillers: the example of western Subanon. Working papers in Linguistics. Department of linguistics, University of Hawai'i at Mānoa, Honolulu. Volume 5, 2020.

Cheung, Lawrence. Uttering the unutterable with *wh*-placeholders // Journal of East Asian Linguistics, 24 (3), 2015, pp. 271–308.

Kibrik A. A., Korotaev N. A., Podlesskaya V. I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody // Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi, Tommaso Raso (eds.). In Search of basic units of spoken language: A corpus-driven approach [Studies in Corpus Linguistics Vol. 94]. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2020, pp. 36–76.

Klyachko E. Placeholders in Tungusic languages // Paper presented at the Seventeenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, 19–21 November 2020. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

Podlesskaya V. Parameters for typological variation of placeholders // N. Amiridze & Boid H. Davis and Margaret Maclagan (eds.). Fillers, pauses and placeholders [Typological Studies in language (TSL), vol. 93]. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2010, 11–32.

Seraku T., Park, Min-Young; Sakaguchi, Sayaka. A grammatical description of the placeholder *are* in spontaneous Japanese // Cahiers de Linguistique Asie Orientale [East Asian Languages and Linguistics], 50, 2021, pp. 65–93.

Tárnyiková Ja. English placeholders as manifestationsof vague language: Their role in social interaction // Brno Studies in English. Volume 45, no. 2, 2019, pp. 201–216.

References

Amiridze, Nino; Davis, Boyd; Maclagan, Margaret. (Eds.) Fillers, Pauses and Placeholders. Typological Studies in Language 93. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2010.

Blake A. L. Delays without fillers: the example of western Subanon. Working papers in Linguistics. Department of linguistics, University of Hawai'i at Mānoa, Honolulu. Volume 5, 2020.

Bryzgunova E. A. *Intonatsiya* [Intonation], *Russkaya grammatika* [Russian Grammar]. Vol. 1, Moscow, Nauka Publ., 1982, pp. 103–118. (In Russ.)

Cheung, Lawrence. Uttering the unutterable with *wh*-placeholders. Journal of East Asian Linguistics 24 (3), 2015, pp. 271–308.

Janko T. E. *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v spostavitel'nom aspekte* [Intonational strategie sin spoken Russian from a comparative perspective]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008. 312 p.

Kibrik A. A., Korotaev N. A., Podlesskaya V. I. Russian spoken discourse: Local structure and prosody. Shlomo Izre'el, Heliana Mello, Alessandro Panunzi, Tommaso Raso (eds.). In Search of Basic Units of Spoken Language: A corpus-driven approach. Studies in Corpus Linguistics. Vol. 94. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins, 2020, pp. 36–76.

Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie usntogo russkogo diskursa* [Night dream stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2009. 735 p.

Klyachko E. Placeholders in Tungusic languages. Paper presented at the Seventeenth Conference on Typology and Grammar for Young Scholars, 19–21 November 2020. Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences.

Podlesskaya V. Parameters for typological variation of placeholders. N. Amiridze, Boid H. Davis and Margaret Maclagan (eds.). Fillers, pauses and placeholders. Typological Studies in language (TSL), vol. 93. Amsterdam/Philadelphia, John Benjamins, 2010, 11–32.

Podlesskaya V. I., Kibrik A. A. [Speech dysfluencies]. Kibrik A. A., Podlesskaya V. I. (eds.). *Rasskazy o snovideniyakh: korpusnoe issledovanie usntogo russkogo diskursa* [Night Dream

Stories: A corpus study of spoken Russian discourse]. Moscow, Yazyki Slavyanskih Kul'tur Publ., 2009, pp. 177–216. (In Russ.)

PodlesskayaV. I., Xurshudjan V.G. [Lexical markers of hesitation in Armenian spontaneous discourse]. Computational Linguistics and Intellectual Technologies Papers from the Annual International Conference "Dialogue"-2006. Moscow, RSUH, 2006, pp. 429–439. (In Russ.)

Seraku, Tohru; Park, Min-Young; Sakaguchi, Sayaka. A grammatical description of the placeholder *are* in spontaneous Japanese. Cahiers de Linguistique Asie Orientale [East Asian Languages and Linguistics], 50, 2021, pp. 65–93.

Tárnyiková Ja. English placeholders as manifestations of vague language: Their role in social interaction. Brno Studies in English. Volume 45, no. 2, 2019, pp. 201–216.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 79–87

Проблемы современного русского языка

Лакуна необходимого регистра буквы-пиктограммы

Дмитрий Марьянович Судник, независимый исследователь (Республика Беларусь, Минск),
sudnik.mitia@yandex.ru

DOI: 10.31857/S013161170022856-0

АННОТАЦИЯ: В кратком сообщении изложены положения лакуны необходимого регистра буквы-пиктограммы и механизмы ее компенсации. **Предмет исследования** составляет поведение слов типа «а-образный», «А-образный» в позиции начала предложения, имени собственного, фрагментов прямой речи; поведение словосочетаний типа «в виде буквы А/а», «в форме буквы А/а» и подобных в словесных комплексах. (К примеру, ошибочно написание «компания “а-образные детали”», хотя семантическая реализация выражения «компания “А-образные детали”» отлична от первой.) Актуальные **задачи** исследования — совершенствование орфографических правил, лексикографических методик, механизмов перевода; нормализация устной речи — подчинены **цели** компенсации лакуны на уровнях языка и в науке о нем. Приводятся семь механизмов **решения** проблемы, основной из которых — корректировка правил написания заглавной и строчной букв. Сама проблема возводится к противлению орфографического строя иконичности знака. Даются рекомендации по работе с электронно-вычислительными машинами в аспекте набора текста и машинного перевода указанных слов и словосочетаний. В представлении автора профильные вопросы исследования, за исключением в основном иконичности и особенностей письменного перевода, ранее не ставились в научных трудах. В работе обращается внимание на частные труды лингвистов, о которых заведомо известно, что они никогда не будут индексированы в научных базах данных.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: лакуна, регистр, перевод, пиктограмма, омонимия, дифференцирующий принцип орфографии

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Судник Д. М.* Лакуна необходимого регистра буквы-пиктограммы // Русская речь. 2022. № 5. С. 79–87. DOI: 10.31857/S013161170022856-0.

Issues of Modern Russian Language

Lacuna of the Pictogram Letter Register

Dzmitry M. Sudnik, independent researcher (Republic of Belarus, Minsk), sudnik.mitia@yandex.ru

ABSTRACT: The abstract sets forth the provisions of the necessary register gap of the pictogram letter and the mechanisms for its compensation. **The subject of the research** is the behaviour of words like “a-shaped”, “A-shaped” at the beginning of a sentence, as a proper name, fragments of direct speech; the behaviour of phrases such as “in the shape of the letter A/a” and similar in word complexes. (For example, the spelling “a-shaped pieces company” is erroneous, although the semantic implementation of the expression “A-shaped pieces company” is different from the first one.) The aim of the research is the improvement of orthographic rules, lexicographic techniques, translation mechanisms, as well as the normalization of oral speech comply with the objectives of compensating the gap at the levels of the language and the language studies. The paper provides seven mechanisms for problem **solving**, the main of which is the correction of the rules for writing capital and lowercase letters. The problem itself traces back to the resistance of the orthographic system to the sign iconicity. The article provides recommendations for working with computers in terms of typing and machine translation of these words and phrases. In the author’s opinion, the specific research questions, except for the iconicity and peculiarities of written translation, have not been previously defined in scientific papers. The paper focuses on the private works of linguistics that are known to be never indexed in scientific databases.

KEYWORDS: lacuna, register, translation, pictogram, homonymy, differentiating principle of spelling
FOR CITATION: Sudnik D. M. Lacuna of the Pictogram Letter Register. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 5. Pp. 79–87. DOI: 10.31857/S013161170022856-0.

В русской орфографии и пунктуации еще обнаружимы некоторые коллизии. Одна из них затрагивает такую важную норму правописания, как правило «первое слово предложения пишется с прописной буквы», а также некоторые иные постулаты, известные со школьной скамьи. Виной этому представляется лакуна необходимого регистра буквы-пиктограммы, то есть отсутствие не противоречащей существующим правилам возможности написания строчной либо заглавной буквы в том контексте, который требует определенного регистра знака в соответствии с обозначаемой данной буквой, или элементом слова, реалией. Проблема затрагивает также лексемный уровень языка, культуру речи, основы перевода.

Словоформы «N-обра́зный» и «n-образный», где символами N и n здесь и далее обозначена буква в заглавном и строчном регистрах соответственно, принадлежат разным лексемам, если N и n различны по размеру и написанию, и одной, если различны лишь по размеру. Так, отличные денотаты (обозначаемые предметы) имеют, к примеру, «Е-образная деталь» и «е-образная деталь». Первая упомянутая деталь имеет форму перевернутой буквы «ш», второй не находим лучшего описания, нежели чем «ватрушка с откушенным ушком». В позиции абсолютного начала предложения нормально реализуется словосочетание «Е-образная деталь», не «е-образная деталь». (Е-образная деталь стоит пять рублей. Ошибочно следующее написание после знака конца предложения**. е**-образная [sic!] деталь стоит пять рублей.)

Масштаб проблемы кажется незначительным. Однако, к примеру, одним лишь малоупотребительным словом «А-образный» только в русском языке описывают: силуэт, дом, фиксатор, фасон, дизайн, крой, боб, жилой блок, логотип, городской кластер, пилон, сарафан, рычаг, мост, фронт, жилет, воздухозаборник, свитер (по материалам СМИ) [А-образный]. При трансформации регистра на письме и неразличении в устной речи описанные предметы в представлении реципиента примут форму строчной

буквы «а». Особые опасения вызывают слова и словосочетания в профессиональной речи, ведь элемент N/n может выступать в роли своеобразного чертежа для производства изделий. К примеру, упомянутая [jэлбра́знъjь д’иᵊта́л’] может быть ошибочно изготовлена не в том виде, в каком проектировалась изначально.

Лакуна касается многих знаков алфавита в позиции начала предложения, имени собственного и фрагментов прямой речи (магазин «е-образная [sic!] деталь»; продавец сказал: «е-образные [sic!] детали стоят пять рублей!»). Решениями настоящей проблемы представляются:

а) игнорирование правил пунктуации (и это пунктуационная ошибка);
б) написание контекста капсом при лакуне заглавного регистра (отсутствие достаточной мотивации для таковой трансформации текста);
в) использование увеличенного варианта строчной буквы или уменьшенного заглавной (графический недочет; возможен технический барьер);
в) изменение положения словоформы в предложении (возможно нарушение коммуникативного замысла);
г) замена словоформы на синонимичные аллолексы и словосочетания (см. выше описание е-образной детали; возможна лексическая лакуна или отличная коннотация);
д) замена буквы на дублет (к примеру, «ш-образный» вместо «Е-образный» в начале фрагмента прямой речи, пишущегося со строчной буквы; преграда ограниченного количества дублетов). По сути дела, этот способ заключается, по выражению В. А. Успенского, в «слишком буквальном понимании» «инварианта, сохраняемого при транслитерации»: «Если иметь в виду чисто внешнее сходство, то эквивалентом русского слова “рыба” в каком-либо языке с латинской графикой следовало бы признать слово “pbiba”; разумеется, говоря в данном контексте о слове в каком-либо языке, мы не имеем в виду ничего большего, как только цепочку букв соответствующего алфавита. Аналогично, английское “cur” передавалось бы русским “cur”, а в написании от руки английскому “rumour” отвечало бы русское “читоич”» [Успенский 1996: 627].

Приведенные решения не абсолютны, поэтому видим необходимым внесение изменений в существующие правила орфографии, а именно узуальное нормирование и кодификацию любого регистра в изложенных и гипотетических случаях.

Нерешенным остается вопрос написания словосочетаний типа «в форме буквы N/n», «в виде буквы N/n» и подобных, а также — в постпозиции к началу предложения — словоформ «N-образный» и «n-образный».

(Следует обратить внимание, что к группе подобных словосочетаний «N-образный» и «n-образный» относим те, что начинаются с элемента N/n (например, T-shirt), а к подобным «в форме буквы N/n», «в виде буквы N/n» — остальные.) «Т-образный перекресток. Т — заглавная или строчная, когда в середине предложения?»; «Как корректно писать: расположена Г-образно или расположена г-образно?»; «Объясните, пожалуйста, разве слова “Г-образный” и “Т-образный” — не одного поля ягоды и подчиняются не одним и тем же правилам?.. (Вопрос возник после просмотра ваших ответов на [два предыдущих. — *Прим. авт.*].) И самое главное: скажите, пожалуйста, а как же таки правильно и почему?..» [Грамота.ру] — такие и иные вопросы по настоящей теме поступают редакторам справочно-информационного портала «Грамота.ру».

Едва ли проясняют правописание статьи «г-образный», «н-образный», «п-образный», «с-образный», «т-образный» [Научно-информационный...] орфографического академического словаря (указан лишь строчной вариант); иллюстративный материал «Т-образный» [Валгина 2007: 112] п. 3 § 111 орфографического раздела Правил русской орфографии и пунктуации 2007 года (приведен заглавный вариант). Считаем, что целесообразно буквы, отличающиеся в регистрах только размером, писать в строчном либо заглавном варианте по усмотрению автора; иные — исключительно в виде, адекватном обозначаемой реалии.

Проблема заключения элемента N/n словосочетаний типа «в форме буквы N/n», «в виде буквы N/n» в кавычки верно решена автором ответа «Возможны варианты: _буквы «с»_ и _буквы С_» на вопрос «Вырез в форме буквы «С» — нужны ли кавычки?» [Грамота.ру] на портале «Грамота.ру». Действительно, выделительную функцию в первом случае выполняют кавычки, во втором заглавный регистр. (Кроме того, здесь снимается омонимия строчного элемента N/n с предлогом «с».)

В устной речи словосочетания типа «в форме буквы N/n», «в виде буквы N/n» при необходимости следует снабдить пометой: «заглавной», «строчной» — [д’иᵊта́л’ в̯в’ѝд’иᵊ зʌгла́внъј бу́квыᵊ јэ́]. Словоформы «N-образный» и «n-образный», содержащие омофоничные элементы N/n, не рекомендуется использовать в не фиксированной на письме устной речи. Во избежание межъязыковой фонетической омонимии в устной речи также следует дифференцировать элементы N/n по письменностям: [д’иᵊта́л’ в̯в’ѝд’иᵊ лʌт’и́нскъј бу́квыᵊ э́с].

При переводе следует заменять элементы N/n дублетами алфавита иностранного языка либо символами, которые традиционны для последнего (в кириллических славяноязычных текстах этими символами являются буквы кириллического алфавита, буквы базового латинского алфавита, арабские цифры). (Например, «конь ходит буквой Г» — конь ходит

«буквой L» [Волошко 2010].) Демократичным будет не ограничивать строго множество знаков, могущих быть избранными в качестве перевода элементов N/n, а лишь установить вышеуказанную диспозитивную норму. В свою очередь, практикой письма будет избран оптимальный вариант. В работе М. Ю. Волошко рекомендуется выделять в глифах — конкретных представлениях графемы — сущностные для перевода внешние черты: «…в случае с шахматным конем форма букв идентична, Г и L отличаются лишь ориентацией, что в шахматах не важно. Но с буквами U и П нужно быть осторожнее. Их форма не совсем идентична. Иногда важны и острые уголки и ориентация формы: П-образная волна — rectangular wave» [Волошко 2010]. Названное положение следует учитывать также при подборе дублетов символов в рамках одного языка.

При поиске различий в написании букв (тождества глифов), а также нахождении дублетов необходимо оперировать категориями:

1) «сходства знаков до степени смешивания» («K» напоминает «k», но не настолько, как «Д» подобно «д»; степень сходства может быть определена с помощью программ электронно-вычислительных машин). В. А. Успенский упоминал, что «сходство [элементов различных языков. — *Прим. авт.*] иногда ошибочно принимается за тождество. Так, русская буква у и латинская буква игрек действительно совпадают в большинстве своих вариантов, но не во всех» [Успенский 1996: 627];
2) «нормативного графического облика буквы» (важно руководствоваться единым общепринятым начертанием знака, определенным, например, в Unicode).

Соответствующих дополнений требуют и механизмы машинного перевода текстов. В результате дополнений должна быть составлена градуальная шкала сходства и подобия знаков с дифференциацией по языкам, которая ляжет в основу реализации упомянутых механизмов.

Нельзя допускать замену регистра элемента N/n при наборе текстов, в том числе автоматическую замену, что касается также составного элемента N/n: vWv-образная деталь.

Так, забавная история произошла с уже упомянутой ранее буквой «A/a» по вине типографской ошибки в интервью замечательного лингвиста Y известному интернет-порталу. «Следующий вопрос вызвал очень много споров на форуме. Чем буквы, образующие русское слово “вес”, отличаются от букв, образующих слово “штамп”»? — «Возможно, есть и другие правильные ответы, но я имел в виду то, что каждая буква, образующая слово “вес”, симметрична относительно горизонтальной оси, а каждая буква, образующая слово “штамп”, симметрична относительно вертикальной

оси». — «Объясните, что это за оси?» — «Через каждую букву посредине можно провести ось, делящую ее пополам. Это и есть ось симметрии. Например, буква “а” симметрична вертикальной оси, а буква “в” относительно горизонтальной оси» [Профессор…]. Очевидно, интервьюер записывал ответ лингвиста Y под диктовку и не учел, что буква «A/a» симметрична не в строчном, а в заглавном написании.

Полные списки глифов, их дублетов, случаев лакун и механизмов неполной компенсации последних следует определять для конкретного прецедентного языка. Необходимо помнить, что элемент N/n не всегда является показателем формы описываемого предмета, сравните: «V-ball» [Волошко 2010], D-орбиталь и d-орбиталь (diffuse-орбиталь); ы-образный звук. Нам кажется неверным словарное определение лексемы «t-образный» синонимичной слову «т-образный» и подобное (приводится по [Тришин 2013]).

Очевидно, что смыслоразличительный элемент N/n словоформ и словосочетаний является пиктограммой, вроде ☼ (☼-образная деталь, то есть деталь в виде шестеренки); принципом его написания должен быть дифференцирующий. Суть проблемы лакуны заключается в отторжении функционирующих в языке пиктограмм существующей орфографией языка. Проблема лакуны регистра интегрируется в более широкое поле каноничности пиктограммы как следствия иконичности (отношений подобия) знаков.

В романе-трилогии «Дети Арбата» А. Н. Рыбакова написано: «В последнем письме Софьи Александровны она [Варя. — *Прим. авт.*] приписала фразу: “Дорогой Саша, мы ждем тебя”. Потом зачеркнула “мы ждем” и подписала: “Я жду”» [Рыбаков 2014: 548]. Усматриваем в строчном «мы» и последующем «почему-то» заглавном «я» расхождение формальной и семантической сторон речи, ведь «я» в данном контексте мог выступить как знак-копия регистра Вариной правки, не должного отличаться от первоначального варианта. Здесь уместно вспомнить выдвигаемую В. А. Успенским «концепцию, согласно которой у языкового знака имеются не две, а три стороны: означаемое и два означающих: фоническое и графическое» [Успенский 1996: 630]. В последнем примере графическое означающее (строчное «я») не совпадает по объему с фоническим (просто [ja], не имеющим, как любой другой звук, строчного/заглавного регистра). Конкретизация, предполагаемая графическим означающим, не была и по формальным причинам не могла быть учтена, почему и был выбран «худший» вариант — заглавное «я».

Положения же настоящей статьи в некоторой степени касаются того или иного частного проблемы каноничности пиктограммы какого бы то ни было языка, в том числе не дифференцирующего буквы по размеру.

Так, например, в белорусском языке следует допустить написание «ў» (у краткого) не после гласного звука в случае пиктограммы: «я бачыў Ў-абразную клумбу» (рус. ‘я видел Ў-образную клумбу’) — ввиду ошибочности такового написания в настоящем. Главным выходом из трудного орфографического положения есть необходимость корректировки правил правописания прецедентных языков. На наш взгляд, в силу локальности проблемы механизмы реализации последней сравнительно легко войдут в практику письма.

Источники

А-образный [Электронный ресурс] // Яндекс.Новости. URL: https://yandex.com/news (дата обращения: 14.01.2021).

Волошко М. Ю. Перевод букв [Электронный ресурс] // Wordhord: Translation of Content to Your Heart’s Content. 2010. URL: http://www.test.wordhord.com/2010/10/perevod-bukv/ (дата обращения: 30.12.2020).

Грамота.ру: справочно-информационный портал. URL: http://new.gramota.ru (дата обращения: 13.06.2018).

Профессор Норман: Способность к языковой игре — важный фактор в жизни общества [Электронный ресурс] // TUT.BY. 2010. URL: https://news.tut.by/society/200065.html (дата обращения: 10.11.2018).

Рыбаков А. Н. Дети Арбата; Страх; Прах и пепел: трилогия / Вступ. сл. Ю. Кириленко; коммент. С. Валова. Харьков: Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга»; Белгород: ООО «Книжный клуб “Клуб семейного досуга”», 2014. 1344 с.

Тришин В. Н. Т-образный [Электронный ресурс] // Русский язык. [2001–]. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/synonyms-trishin/fc/slovar-210-22.htm#zag-313715 (дата обращения: 30.12.2020).

Литература

Валгина Н. С., Еськова Н. А., Иванова О. Е. (и др.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / Под ред. В. В. Лопатина. М.: Эксмо, 2007. 480 с.

Научно-информационный «Орфографический академический ресурс АКАДЕМОС» Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН [Электронный ресурс]. URL: http://orfo.ruslang.ru/ (дата обращения: 30.12.2020).

Успенский В. А. Невто́н–Ньюто́н–Ньютон, или Сколько сторон имеет языковой знак? // Русистика. Славистика. Индоевропеистика. М., 1996. С. 598–659.

References

Nauchno-informatsionnyi "Orfograficheskii akademicheskii resurs AKADEMOS" Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova RAN [Scientific and informational "Spelling academic resource ACADEMOS" of V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences]. Available at: http://orfo.ruslang.ru/ (accessed 30.12.2020).

Uspenskii V. A. [Nevtón–N'yutón–N'yúton, or How many sides does a linguistic sign have?]. Rusistika. Slavistika. Indoevropeistika [Russian Studies. Slavistics. Indo-European Studies]. 1996, pp. 598–659. (In Russ.)

Valgina N. S., Es'kova N. A., Ivanova O. E., Kuz'mina S. M., Lopatin V. V. *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Russian spelling and punctuation rules. Complete Academic Handbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2007. 480 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 88–103

Из истории русского языка

Еще раз об этимологии рус. *малахольный*

Елена Львовна Березович[1], Татьяна Аркадьевна Макшакова[2],
Уральский федеральный университет (Россия, Екатеринбург), berezovich@yandex.ru[1], tatiana.makshakova@yandex.ru[2]

DOI: 10.31857/S013161170022857-1

АННОТАЦИЯ: В центре внимания авторов статьи русское просторечное слово *малахольный* ‘имеющий странности, причуды в поведении; свойственный такому человеку’, которое анализируется с позиций исторической лексикологии и этимологии. Слово отмечается источниками с начала XX в. Оно отмечено также в русских диалектах и жаргонах в значениях ‘сумасшедший, психически неуравновешенный’, ‘беззащитный, робкий, забитый’,‘изможденный, болезненный, худой’ и др. За пределами русского языка слово фиксируется только в других восточнославянских языках — белорусском и украинском. Авторы отвергают различные версии о происхождении данного слова, предложенные этимологами ранее, и выдвигают новую версию, согласно которой здесь представлено сложение *мало* и *хольный*: второе слово продолжает праслав. **xol’nъjь* — прилагательное, образованное с суф. *-ьnъ-* от глагола **xoliti*. В плане словообразования данная версия не встречает препятствий. Что касается смысловой стороны, то возможны следующие варианты, которые не отрицают, а дополняют друг друга: 1) *мало* ‘немного’ + *хольный* ‘опрятный’ = *малохольный* ‘неряшливый, бесхозяйственный’ с дальнейшим развитием негативной экспрессивной семантики в сторону когнитивных аномалий; 2) в смысловом наполнении слова *хольный* могли отразиться рефлексы семантики буйства, сумасбродства, слабоумия, представленной в гнездах **xal-//*šal-//*xol-*, при этом *мало* усиливает значение *хольного*, а слово целиком аналогично смол. *халохóльный* ‘глупый, сумасбродный’ (в котором следует усматривать

редупликацию **xol-*); 3) высока вероятность того, что слово *малахольный* испытало смысловой сдвиг вследствие притяжения к лексеме *меланхолия*.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: этимология, русская диалектология, историческая лексикология, восточнославянские языки, просторечная лексика

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Березович Е. Л., Макшакова Т. А. Еще раз об этимологии рус. *малахольный* // Русская речь. 2022. № 5. С. 88–103. DOI: 10.31857/S013161170022857-1.

БЛАГОДАРНОСТИ: Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики».

From the History of the Russian Language

Once Again on the Etymology of Russ. *Malakhol'nyi*

Elena L. Berezovich[1], Tat'yana A. Makshakova[2], Ural Federal University (Russia, Ekaterinburg), berezovich@yandex.ru[1], tatiana.makshakova@yandex.ru[2]

ABSTRACT: The article stadiesa Russian colloquialism *малахольный* (*malakhol'nyi*) 'having oddities, eccentricities in one's behaviour; characteristic of such a person'. The authors analyse this word from the perspective of historical lexicology and etymology. Written sources record the word *малахольный* beginning from early 20th century. It is also recorded in Russian dialects and jargons.Its meanings include: 'crazy, mentally unstable', 'helpless, timid, downtrodden', 'exhausted, sickly, thin', etc. Outside Russian, the word exists only in other East Slavic languages — Belarusian and Ukrainian. The authors disprove different versions of the word's etymology offered so far and suggest a new version. They claim that *малахольный* is a compound from *мало* and *хольный*: the second element is a descendant of proto-Slavic **xol'nъjь* — an adjective deriving from the verb **xoliti* with the suffix *-ьnъ-*. This version has no obstacles as far as the word-formation goes. As for the meaning, the authors list several variants (they complement, not contradict,

each other): 1. *мало* ‘a little’ + *хольный*‘neat and tidy’ = *малахольный* ‘slovenly, thriftless’; this negative expressive meaning further developed towards cognitive anomalies; 2. the word *хольный* could imply frenzy, extravagance, imbecility — these meanings could be traces left from the family **xal-//*šal-//*xol-*. Notably, the element *мало* intensifies the meaning of *хольный*, and the whole word is parallel to Smolensk dialectal *халохóльный* ‘stupid, extravagant’ (where **xol*-reduplicates); 3. there is a high chance that the meaning of *малахольный* shifted owing to its attraction to the word *меланхолия*.

KEYWORDS: etymology, Russian dialectology, historical lexicology, East Slavic languages, colloquial vocabulary.

FOR CITATION: Berezovich E. L., Makshakova T. A.Once Again on the Etymology of russ. *Malakhol’nyi*. Russian Speech = Russkaya Rech’. 2022. No. 5. Pp. 88–103. DOI: 10.31857/S013161170022857-1.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 20-18-00223 “Etymological Studies and Semantic Reconstruction of Russian Dialect Vocabulary”).

***Малахольный* в русском языке: семантика и функционирование**. По данным БАСа (словаря, имеющего для современного русского литературного языка «законотворческую» силу), слово *малахóльный* принадлежит общерусскому просторечию и означает ‘имеющий странности, причуды в поведении; свойственный такому человеку’: «Он малахольный какой-то, — пренебрежительно отозвался Виктор, — не живет, а мечтает» (Ф. Гладков); оно квалифицируется как прилагательное, но может употребляться и в значении существительного [Балахонова (ред.) 2007: 436]. Первая лексикографическая фиксация слова, как указывают составители БАСа, — 1982 г. (оно отмечено в [Евгеньева (ред.) 1982: 218]). Действительно, более ранние толковые словари XX в. не включают эту лексему в свой словник; что касается орфографических словарей, то оно в них приводится, кажется, с 1974 г. [Бархударов, Ожегов, Шапиро (ред.) 1974] — с рекомендацией написания *малахольный*, сохраняющейся по сей день (в других источниках, о которых речь пойдет далее, иногда встречалось колебание: *малохольный* // *малахольный*).

Наиболее свежую лексикографическую интерпретацию слова дает «Толковый словарь русской разговорной речи» (2017): *малахóльный*

‘о человеке со странностями в поведении, медлительный, вялый’: «(Подруги-коллеги обсуждают библиотеку) Да там не узнаешь ничего/ там у них сидит девица какая-то малахольная / она только формуляры заполнять умеет //» (Запись устной речи, 2011); «Жалко стало бедную тетку — там фото ее свадьбы: жених — бухарик малахольный какой-то, типаж “советский сантехник”»; «Звоню диспетчеру, попалась малахольная, “да я не знаю куда звонить, я тут недавно”, говорит, электрик трубку не берет (Блоги, 2013); «— Если на паспортном контроле поинтересуются, что ты за птица, не вздумай отрекомендоваться “поэтом”, — очень вовремя предостерег меня русский попутчик, — могут завернуть: здесь и своих малахольных хватает» (С. Гандлевский) [Крысин (ред.) 2017: 225–226]; авторы дают помету «пренебр.» (ср. помету «груб.» в [Евгеньева (ред.) 1986: 218]) — и эта стилистическая окраска присутствует также в приводимых ими аналогах слова *малахольный*: *больной на голову*, *повёрнутый, придурковатый, с приветом, сдвинутый, тронутый, чокнутый, шизанутый* [Евгеньева (ред.) 1986: 226]. Заметим, что акцент на медлительности и вялости, сделанный в дефиниции, не поддерживается аналогами слова и не является очевидным в контекстах; словарная статья скорее указывает на «придурковатость» и «недотепистость» *малахольного*[1].

Из других словарей, отмечающих факты просторечия, следует, что словом малахóльный характеризуют глупого [Кузнецов (ред.) 1998: 515], странного [Кузнецов (ред.) 1998: 515; Морозова 2013: 98] или сумасшедшего [Котов-Померанченко: 74; Мокиенко, Никитина (ред.) 2008: 370; Евгеньева (ред.) 1986: 218] человека.

Материалы Национального корпуса русского языка показывают, что слово отмечалось в литературе **раньше**, чем попало в словари. Первые фиксации встречаются в 1912 г. у А. Грина: «Он твердил, что отец от меня отказался, что я “малахольный” (то есть “меланхолик” — ненормальный), “псих”, что я “лодырь” и т. п.»; «— Матрос с погоревшего корабля! — Малахольный! — Тебе гальюны (сортиры) чистить, а не борщ жрать!». Говоря о функционировании слова в текстах, следует акцентировать внимание на таком показательном обстоятельстве: пик частотности *малахольного*, по данным НКРЯ, приходится на 70-е годы XX в., а эти годы, как известно,

[1] Это проявляется в многочисленных контекстах из [НКРЯ], ср.: «В конце строя двигался как иноходец малахольный Вася Куницын, гениальный лингвист, который знал штук двадцать языков и среди них хинди, литовский и суахили и был абсолютно неприспособлен к жизни» (А. Варламов), «Откуда он взялся такой, малахольный ли, умом тронутый, толком никто не помнит» (Б. Екимов), «А Лоренц так и просился в ряды малахольных, потому что был равнодушен к ученой карьере, вообще к карьере, к деньгам, к благам жизни, не трепыхался, не хитрил, не умолял, не требовал, не пил, стеснялся девушек. Малахольный! Но не раскусил его Шалыков, не так прост был этот студент со слабым мочевым пузырем» (С. Липкин).

связаны с расцветом «деревенской прозы». Интересующее нас слово активно употребляется писателями-«деревенщиками» (хотя, разумеется, не только ими): «На-ко, весь колхоз человек обстроил, все дворы скотные, постройки все — всё он… И не пьет, не курит… — А все равно малахольный! — стояла на своем Маня» (Ф. Абрамов. 1971), «Надоел ты мне, хозяин малахольный и непутевый!» (С. Залыгин. 1976), «Тот малахольный, который под собой сук рубил, тоже много чего об себе думал» (В. Распутин. 1976); «Чего рот разинул? От малахольный-то…» (В. Шукшин. 1970–1974) и др.

Указанное обстоятельство служит дополнительным аргументом в пользу того, чтоб проверить эту лексему по диалектным словарям. Спектр отмеченных в них значений сводим к нескольким семемам, повторяющим просторечные:

- рост., перм., краснодар., курск., брян., ср.-урал. ‘глупый, умственно неполноценный’ [Филин (гл. ред.) 1981: 319; Дмитровский (ред.) 2010: 16; Востриков, Липина 2009]: «Надо быть малохольным, чтоб босиком по снегу бегать» (краснодар.); «Малохольный как есть глупый. Как-то разговариват по-малохольному» (ср.-урал.);
- волгоград., костром., урал., перм. ‘странный, чудаковатый’ [Ганцовская 2015: 203; Ремчуков (ред.) 2007: 81; Борисова, Прокошева (ред.) 1999: 504; Матвеев (ред.) 1971: 114; Востриков, Липина 2009]: «Никто его не поймет, малахольный какой-то» (костр.); «Доживешь до ее лет, тожить будешь малахольный» (волгоград.).; «Малохольный придет, заорет» (ср.-урал.); «Ненастоящий как-от парень, малохольный: больше разговаривает да бормочет, а толку нет у его ни на чё» (перм.);
- перм., урал., рус. башк., орл.‘сумасшедший, психически неуравновешенный’ [Борисова, Прокошева (ред.) 1999: 504; Здобнова (ред.) 2008: 181; Бахвалова (ред.) 1994: 106; Востриков, Липина 2009]: «Был тут у нас один малохольный Егор. Засунет метлу промеж ног и катается по деревне» (перм.); «Чё с йей? Как мълахол’на носитца» (башк.); «Намучались тада с этим мълахольным» (орл.).

Диалектные словари отмечают также более редкие значения: новг., ср.-урал. ‘изможденный, болезненный, худой’ [Левичкин, Мызников 2010: 542; Востриков, Липина 2009]: «Давай жидельку подолью, а то совсем малохольная» (новг.); рус. башк. ‘о человеке с некоторыми отклонениями от нормы, ворчливом, недовольном’: «Дет, дет, старый дет, детка мълахол’ный, ръскажы мне, старый дет, чем ты нидовол’ный» [Здобнова (ред.) 2008: 181]; арх. ‘слабовольный, со странностями в поведении’: «Малахольный какой, вот и дома-то с ним не считаются» [Осипова (ред.) 2019:

129]. Интересующее нас наименование встречается также в составе устойчивого сочетания, обозначающего невезучего человека, неудачника: сиб. *Афóня малахóльный*: «Не везет Афоне малахольному, ничего не выходит у него» [Филин (гл. ред.) 1981: 319; Филин (ред.) 1972: 17]. Выбор имени *Афоня* далеко не случаен: оно созвучно эпитету *малахольный*, поскольку в богатом коннотативном спектре, разворачивающемся за этим именем, есть такие смысловые компоненты, как глупость, ротозейство, эмоциональная возбудимость, задиристость, медлительность, дурной запах, неудачливость и пр. [Березович 2007: 543].

Интересующее нас слово приводится также некоторыми жаргонными словарями, повторяющими значения литературных и диалектных источников: *малахóльный* и *малохóльный* ‘странный, чудной, убогий, слабый, беззащитный, робкий, забитый, немужественный, суетливый, бестолковый’ [Елистратов 2000: 238], *малахóльный* ‘глуповатый’ [Скляров, Малаховский 1993: 26], *малохóльный* ‘глупый, недалекий человек’, ‘умственно отсталый человек’ [Балдаев, Белко, Исупов (ред.) 1992: 134]. Из этого ряда выбивается специализированное значение, относящееся к сфере финансов: *малахóльный* ‘характеристика рынка, на котором цена слабо колеблется в весьма узком диапазоне’ [Царихин (ред.)]: очевидно, перенос здесь осуществлен на основе признака «невразумительности».

Обзор версий о происхождении слова *малахольный*. Позднее появление слова в лексикографических источниках объясняет отсутствие его в основных авторитетных этимологических словарях XX–XXI вв. Однако лексема все же попадала в поле внимания этимологов. Первый шаг — определение круга родственных языков, где отмечено изучаемое слово, — показывает, что он ограничен восточнославянскими данными, ср., к примеру, укр. *малахольний* ‘глуповатый’ [Мельничук (ред.) 1989: 370], блр. *малахол* ‘чудак, глуповатый человек’, малахольны ‘несдержанный’, ‘нервный, неуравновешенный’, ‘легкомысленный’, *малахолля* ‘умственная неполноценность’ [Цыхун (ред.) 1990: 187]. Второй шаг — формулировка этимологических решений. Приведем их в хронологическом порядке.

Наиболее известной[2] является версия Л. В. Куркиной, которая предполагает возведение лексемы к праслав. **mlax- / *mlak-* с суффиксом *-ol-*, что поддерживается южнославянскими данными, ср. ц.-слав. *млохавьство* ‘слабость, немочь’, с.-хорв. *mlahav*, *mloxav* ‘слабый’, *mlahiv* ‘то же’, *mlahaviti* ‘делать слабым’, словен. *mláhav* ‘слабый, вялый’, *mlačen* ‘тепловатый’

[2] Эта версия принимается и комментируется в таких источниках, как [Павлова 1994: 109–110; Orel 2007: 654; Мельничук 3 1989: 370–371].

и др.; для слов с корнем **mlak-* этимологически родственной формой признается праслав. **mьlčati* (ср. русск. *молчать*), где значение ‘молчать, не говорить’ рассматривается как развитие семантики слабости, вялости, неподвижности [Куркина 1978: 23–25]. При этом важно учесть, что для **mьlčati* в качестве этимона реконструируется ***mьlkъ* ‘слабый’, производное от **mel-* ‘молоть’ [Трубачев (ред.) 1994: 102–104]. Если принять эту версию, то надо заключить, что *малахольный* — более ранний вариант, чем *малохольный*, а последний был перестроен по аналогии со словами, начинающимися с компонента *мал- (малый)*, ср. *малоумный, малопутный* и др. [Куркина 1978: 25]. Это интересная версия, но смущают два момента: во-первых, в семантике *малахольного* компонент слабости все же не является ведущим; во-вторых, удивляет, почему слово со столь древними связями сохранилось в восточнославянских языках, по сути, в единственной и поздно появившейся форме.

Следующая версия, приведенная в «Словаре русского арго» В. С. Елистратова [Елистратов 2000: 238], не ыдерживает критики ни со смысловой, ни с формальной стороны: *малахольный* интерпретируется как продолжение древнееврейского *maloch* ‘ангел’ (в иврите — ‘добряк’).

Заимствование в рассматриваемой лексической единице видят и авторы «Этымалагічна слоўніка беларускай мовы», связывающие прилагательное *малахольный* с новогреч. μελαγχολικός ‘меланхоличный’, μελαγχολία ‘меланхолия, тоска’; пути проникновения слова в восточнославянские языки при этом представляются неясными [Цыхун (ред.) 1990: 187]. Семантически и фонетически эта версия тоже «недотягивает».

Этимологическая версия авторов статьи. Думается, вопрос о происхождении слова *малахольный* можно решить проще, чем это виделось авторам приведенных выше версий. Предлагается видеть в нем **сложение *мало и хольный*** (как говорилось выше, до кодификации слова в 1974 г. оно встречалось как в варианте *малахольный*, так и *малохольный*). Компонент *мало-* в функции *недо-* часто используется в сложных словах (ср. *малоумный, малоразвитый* и пр.), а вот прилагательное *хольный* в литературном языке отсутствует. Но мы уже видели, что слово *малахольный* представлено именно в народной речи, в том числе диалектной: логично в ней и искать слово *хольный*. Действительно, оно легко обнаруживается в русских говорах: *хо́льный* новг., моск., смол., пск. ‘аккуратный, опрятный, чистоплотный’: «Она хольная девушка, посуду вымоет» (новг.), «Аккуратный, чистый человек, иначе хольным зовем. С ними дом и часу хольный не побудет, так и ходи прибирай за каждым. Какой хольный пъринёк!» (моск.) [Левичкин, Мызников 2010: 1253; Иванова (ред.) 1969: 530; Бояринова, Иванова (ред.) 2005: 67; Мызников (гл. ред.) 2019: 243], моск., яросл.

'ухоженный, холеный': «В брачный поезд запрягали хольных лошадей» (яросл.), «Хольные дети» (моск.) [Мызников (гл. ред.) 2019: 243; Мельниченко (ред.) 1991: 38], брян. 'хороший, чистый, здоровый' (см. данные картотеки Словаря брянских говоров в [Трубачев (ред.) 1981: 66]). Очевидно, слово *хольный* имело ранее (в XVIII–XIX вв.) не только диалектное «хождение», но принадлежало общенародному языку: оно приводится в [САР 4: 571] (*хо́льный* 'опрятный': «Хольный человек. Хольное дитя») и в словаре В. И. Даля без помет [Даль 4: 574]. Фиксируется лексема и в белорусских диалектах: витеб. *хольны* 'холеный, красивый' [Касьпяровіч 1927: 331]. На основании подобных данных в [Трубачев (ред.) 1981: 66] реконструируется праслав. **xol'nъjь* — прилагательное, образованное с суф. *-ьnъ-* от глагола **xoliti*.

Далее будут изложены аргументы в пользу этой реконструкции.

С точки зрения **словообразования** важно, во-первых, то, что от прилагательного *хольный* образуются другие диалектизмы, в том числе с негативными значениями: дон., смол. *чистохо́льный* 'любящий чистоту, аккуратный, чистоплотный': «Теща чистохольная и нас приучила» (дон.), «Баба ина хошошыя, чистохольныя, у ей усё апрятна» (смол.) [Дегтярев (ред.) 2003: 581; Бояринова, Иванова (ред.)2005: 112]; *нехо́льный* смол., ряз. 'неряшливый, неопрятный, нечистоплотный': «Ну и нехольныя баба» (смол.), «Н'ахол'най вот йес' <человек>, в γр'ас'с'ол'ёз'ит', дъ и в дом'ис'он'ахол'нъ» (ряз.) [Бояринова, Иванова (ред.) 1996: 94; Оссовецкий (ред.) 1969: 342], костр. 'несуразный, с причудами': «Нехольный какой-то, одет незнамо как, не как люди. Ну нехольный, не знашь, чего ждать от него, чего вычудит» [ЛКТЭ]. Последняя (костромская) фиксация интересна тем, что семантика отрывается от сферы бытовой аккуратности — и переходит отчасти в ментальную и поведенческую плоскость.

Во-вторых, компонент *мало-* часто используется в качестве первого члена в составных словах с качественной семантикой, в том числе в редупликативных (разг. *мало-мальски*, диал. *мало-мало*, *мало-малку* и пр.). Этот компонент может функционировать в качественных прилагательных фактически в функции *не-*, при этом слова с *мало-* нередко экспрессивны и в ряде случаев несут на себе печать эвфемистичности, ср. *малоумный*, *малосильный* и пр. Таким образом, приведенное выше слово *нехольный* является точным словообразовательным аналогом *малохольного*.

Развивая **семантическую** аргументацию выдвинутой версии, следует отметить, что в значении слов *хольный*,*хольно* может актуализироваться «счетный», «количественный» компонент (ср. тамб. «Сколь тут хольно?», новг. «Не гораз у нас хольно» [Мызников (гл. ред.) 2019: 243]), что говорит об органичности возможного сочетания с *мало-*; эта же «счетность», степень проявления признака иногда эксплицируется в контекстах к *малахольному*,

ср. перм. «Настоящий ты зеленя, какой-то малахольненький, маленько не совсем» [Филин (гл. ред.) 1981: 319].

С другой стороны, компонент *мало-* часто встречается в составе характеристик интеллекта: влг. *маловня́тный*, пск., смол. *малоду́мный*, ср.-урал. *малоду́шный*, том. *малопу́тный*, перм. *малоу́мок* и др. [Филин (гл. ред.) 1981: 332–338]. Есть случаи, когда слово с *мало-* имеет в качестве первого значения «неинтеллектуальное», но затем, в результате смыслового развития, приходит к характеристике интеллекта, которая (в своем негативном варианте) является фактически универсальным семантическим реципиентом[3], ср. *малоду́шный* пск., том. ‘тщедушный, слабый здоровьем’ → ср.-урал. ‘бестолковый’, *малома́льный* вят., перм., ср.-урал., урал., краснояр., том., тобол. ‘плохого качества, непригодный для употребления, плохонький’ → перм., том., тобол. ‘неспособный, бездарный, глуповатый’ [Филин (гл. ред.) 1981: 333].

Высказанные соображения приводят нас к заключению о том, что сложение *мало-* + *хольный*‘аккуратный, любящий порядок’ этимологически релевантно и в плане словообразования, и в плане семантики; это слово вполне может испытать смысловой сдвиг, приводящий к появлению значения «малоумия», особенно если учесть, что в народной картине мира неряшливость означает бесхозяйственность, неумелость и воспринимается как очень серьезный порок, который, разумеется, не может не сочетаться с бестолковостью[4].

Но при всей убедительности этой картины остается вопрос, почему же *малохольный* не фиксируется в значении неряшливости (это «прямой» смысл сложения *мало* и *хольный*, если отталкиваться от семантики *хольного* в говорах) и в каких условиях произошел сдвиг значения *малохольного* в сторону бестолковости. Этот вопрос можно проигнорировать, но тогда итоговая реконструкция будет отдавать некоторой умозрительностью.

Решая этот вопрос, хочется обратить внимание на смол. *халохо́льный* ‘глупый, сумасбродный’ [Бояринова, Иванова (ред.) 2005: 44]. Это слово явно нельзя отделять от смол. *халахала́* ‘суетливый, неосновательный человек’ [Мызников 2016: 252], которое рассматривается в [Трубачев (ред.) 1981: 12–13] в гнезде слав. **xal-*, трактуемого как именное производное

[3] Известно, что многие слова, характеризующие неряшливость, неуклюжесть, медлительность, агрессивность и пр., могут развивать значения в сторону бестолковости и глупости, что происходит либо путем генерализации негативной семантики и последующей специализации, либо путем сдвига в указанном направлении. Многочисленные примеры можно увидеть, например, в [Леонтьева 2008].

[4] Ср. типичные дефиниции диалектных словарей, где сочетаются указанные характеристики: вят. *ло́кас* ‘неумелый, глупый человек’ [Филин (гл. ред.) 1981: 113], р. Урал *некулёмный* ‘неуклюжий, неловкий, неумелый; бестолковый, не совсем нормальный’ [Филин (гл. ред.) 1986: 68] и т. п.

с продлением корневого вокализма от гл. **xoliti*; в этом же гнезде с.-хорв. *hala* ‘нечистота, неопрятность (о немытом человеке или нестиранной одежде)’, рус. перм. *халу́дора* ‘шваль, оборванцы’, курск. *халоу́мный* ‘безумный’, брян. *халаве́й* ‘легкомысленный, непостоянный человек’ и пр. (из приставочных образований ср., в частности, *нахал*). Как видим, семантика продолжений **xal-* органично вписывается в тот смысловой комплекс, который представлен значениями *малохольного*; слово *халохо́льный* тоже, разумеется, в этом ряду — при том, что формально его стоит интерпретировать как образование от **xol-*с экспрессивной редупликацией корня. Эти выкладки лишний раз подтверждают, что гнезда **xol-* и **xal-*, являющиеся вариантами одного корня, имели существенную семантическую общность, хотя между ними просматриваются и различия, объясняемые главным образом явственной связью отглагольных образований на **xol-* с производящим **xoliti*с семантикой ‘чистить’, ‘скрести’ и др. Важно помнить и то, что **xal-* (= **xōl-*) связан отношениями вариантности с *šal-*, а в последнем гнезде семантика безумия, буйства и пр. является базовой, ср. рус. литер. *шальной*, диал. *шалеть* ‘беситься’, укр. *шаліти* ‘сходить с ума’, блр. *шаліць* ‘шалить’, болг. *шалав* ‘буйный, резвый’, польск. *szalić* ‘бесить’, чеш. *šíliti* ‘сходить с ума’ и др. [Фасмер 4: 399]. Таким образом, все рассматриваемые гнезда включали в свой состав слова, несущие негативную оценку когнитивных и поведенческих характеристик человека, но в гнезде **xol-* это выражено меньшим количеством фактов, чем в гнездах **xal-// *šal-*. Если *халохо́льный* ‘глупый, сумасбродный’ принадлежит **xol-* (а это можно утверждать с высокой степенью уверенности), то возникает соблазн трактовать *малахо́льный* как аналогичное образование, в котором *мало-* не отрицает семантику второй основы, а усиливает ее (что вполне свойственно словам с негативными значениями).

Наконец, слово *малахольный* могло испытать семантический сдвиг из-за сближения с *меланхолия, меланхоличный*. Очевидно, «меланхоличные» слова были знакомы носителям говоров, хоть и «издалека»; такие лексемы испытывали в диалектной среде закономерные формальные и смысловые изменения, ср. волог. *мереко́лия* ‘задумчивость, меланхолия; помешательство’: «На него какая-то мереколия нападает, тогда уж с ним никто и не говорит» [Филин (гл. ред.) 1982: 115]. Вообще, связь со словом *меланхолия* легко приходит в голову носителю языка, что подтверждается контекстами из художественной литературы, где проявлена подобная аттракция: «Царь застыл — смурной, малахольный, царь взглянул с такой меланхолией, что присел заграничный гость, будто вбитый по шляпку гвоздь» (А. Вознесенский); ср. также приводившийся выше текст А. Грина: «Он твердил, <…> что я “малахольный” (то есть “меланхолик” — ненормальный), “псих”, что я “лодырь” и т. п.». Более того, эта аттракция иногда

отражается в словарных дефинициях слова *малахольный*: ‘меланхоличный, глуповатый или плохо соображающий, со странностями в поведении’ [Кузнецов (ред.) 1998: 515], ‘меланхоличный, плохо соображающий’: «Ты малахольна ле цё, не можошь робёнка успокоить» (арх.) [Удина 2021: 144]; ср. даже в англоязычном этимологическом словаре В. Э. Орла: ‘melancholy and not very intelligent’ [Orel 2007: 654][5].

Стоит напомнить, что авторы [Цыхун (ред.) 1990] (см. выше) находят связь *малахольного* и *меланхолии* этимологической; мы с ними не соглашаемся, полагая, что есть смысл говорить только о вторичном взаимодействии. Здесь может быть приведен дополнительный аргумент: слово *меланхолия* выглядит непростым для адаптации в диалектах; если б оно активно осваивалось говорами, то появилось бы, вероятно, несколько вторичных заимствований с варьирующей в широком диапазоне фонетикой: такой вывод можно сделать хотя бы на основании того, как выглядит приведенное выше волог. *мерекóлия* (отчего мы и предположили, что *меланхолия* была известна говорам «издалека»). О том, что *меланхолия* могла бы варьировать в народной речевой стихии, говорит и тот факт, что шутливое слово *мерехлюндия*, которое считается «придумкой» Чехова, опирается именно на *меланхолию* (+ *хлюпать* и др.). В то же время *малахольный*, будучи «народным» словом, практически не варьирует, что заставляет лишний раз усомниться в его этимологической связи с *меланхолией*.

* * *

Итак, слово *малахольный* ‘имеющий странности, причуды в поведении; свойственный такому человеку’ и родственные ему лексемы (дающие незначительное словообразовательное и семантическое колебание) отмечаются в русском и других восточнославянских языках в народной традиции (в просторечии и диалектах). Кажется, оно является относительно новым (по крайней мере, не фиксировалось раньше XX в.). По поводу происхождения этого слова выдвигались различные этимологические версии, каждая из которых оставляет вопросы. В статье изложена новая версия, согласно которой перед нами сложение *мало* и *хольный*, при этом второе слово является устаревшим для литературного языка, но сохранилось в диалектах (русских и белорусских), оно продолжает праслав. **xol’nъjь* — прилагательное, образованное с суф. *-ьnъ-* от глагола **xoliti*. В плане словообразования версия не встречает никаких препятствий. Что касается

[5] В то же время автор не использовал связи, подчеркнутые им в дефиниции, для этимологизации слова и присоединился к версии Л. В. Куркиной.

значения, то возможны следующие варианты, которые дополняют друг друга: 1) *мало* 'немного' + *хольный* 'опрятный' = *малохольный* 'неряшливый, бесхозяйственный' с дальнейшим развитием негативной экспрессивной семантики в сторону когнитивных аномалий; 2) в смысловом наполнении слова *хольный* могли отразиться рефлексы семантики буйства, сумасбродства, слабоумия, представленной в гнездах **xal-//*šal-//*xol-* (в двух первых в большей степени, в третьем в меньшей), тогда *мало* усиливает значение *хольного*, а слово целиком аналогично смол. *халохóльный* 'глупый, сумасбродный' (очевидно, редупликация **xol-*); 3) высока вероятность того, что слово *малахольный* испытало смысловой сдвиг вследствие притяжения к *меланхолия*.

Источники

ЛКТЭ — лексическая картотека топонимической экспедиции Уральского университета (Екатеринбург, кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ)

Литература

Балахонова Л. И. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 9. М., СПб.: Наука, 2007. 706 с.

Балдаев Д. С., Белко В. К., Исупов И. М. (ред.). Словарь тюремно-лагерно-блатного жаргона (речевой и графический портрет советской тюрьмы). М.: Края Москвы, 1992. 526 с.

Бархударов С. Г., Ожегов С. И., Шапиро А. Б. (ред.). Орфографический словарь русского языка / АН СССР. Ин-т рус. яз. 13-е изд., испр. и доп. М.: Рус. яз., 1974. 480 с.

Бахвалова Т. В. (ред.). Словарь орловских говоров. Ярославль, Орел, 1994. 166 с.

Борисова А. Н., Прокошева К. Н. (ред.). Словарь пермских говоров: в 2 вып. Пермь: Книжный мир, 1999–2002. Т. 1. 1999. 605 с.

Бояринова Л. З., Иванова А. И. (ред.). Словарь смоленских говоров: в 11 вып. Смоленск: СГПИ/СГПУ, 1974–2005. Т. 7. 1996. 215 с.; Т. 11. 2005. 272 с.

Востриков О. В., Липина В. В. Традиционная культура Урала: Диалектный этноидеографический словарь русских говоров Среднего Урала [Электронный ресурс] / Свердл. обл. Дом фольклора; каф. рус. яз. и общ. яз-ния УрГУ. Екатеринбург, 2009. 1 CD-ROM.

Ганцовская Н. С. Словарь говоров Костромского Заволжья: междуречье Костромы и Унжи. Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2015. 512 с.

Дегтярев В. И. (ред.). Большой толковый словарь донского казачества / Ростов. гос. ун-т; Ф-т филологии и журналистики; Каф. общ. и сравнительн. языкознания. М.: Астрель, АСТ, 2003. 608 с.

Дмитровский А. З. (ред.). Малый словарь почепского говора. Калининград: Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта, 2010. 46 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка: в 4 т. М.: Русский язык. Т. 2. 1982. 736 с.

Елистратов В. С. (ред.) Словарь русского арго: Материалы 1980–1990 гг. М.: Русские словари, 2000. 694 с.

Здобнова З. П. (ред.). Словарь русских говоров Башкирии: А–Я. Уфа: Гилем, 2008. 406 с.

Иванова А. Ф. (ред.). Словарь говоров Подмосковья. М.: [б. и.], 1969. 598 с.

Касьпяровіч М. І. Віцебскі краёвы слоўнік (Матар'ялы) / Пад рэд. М. Я. Байковай праф. Б. І. Эпімах-Шыпілы. Віцебск: Выданьне Віцебскага Акругова гата варыяцкра язнаўства й выдавецтва «Заря Запада», 1927. 371 с.

Котов-Померанченко В. Язык Одессы. Слова и фразы. Словарь. Одесса: Optimum, 2005. 167 с.

Крысин Л. П. (ред.). Толковый словарь русской разговорной речи / Российская акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. Вып. 2: К–О [авт.-сост.: М. Я. Гловинская и др.]. М.: Языки славянской культуры, 2017. 864 с.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: НОРИНТ, 1998. 1535 с.

Куркина Л. В. Этимология русских диалектных слов // Этимологические исследования. Вып. 1: Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978. С. 23–27.

Левичкин А. Н., Мызников С. А. Новгородский областной словарь. СПб.: Наука, 2010. 1435 с.

Леонтьева Т. В. Интеллект человека в русской языковой картине мира / Под ред. Е. Л. Березович. Екатеринбург: Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-т», 2008. 279 с.

Матвеев А. К. (ред.). Словарь русских говоров Среднего Урала: в 7 т. Свердловск: Средне-уральское книжное изд-во; Изд-во Урал. ун-та, 1971. 214 с.

Мельниченко Г. Г. (ред.). Ярославский областной словарь: в 10 вып. Ярославль: ЯГПИ им. К. Д. Ушинского, 1981–1991. Т. 10. 1991. 108 с.

Мельничук О. С. (ред.). Етимологічний словник української мови. Киев: Наукова думка, 1989. 549 с.

Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. (ред.). Большой словарь русских народных сравнений. М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2008. 800 с.

Морозова О. Е. Словарь народно-разговорной речи города Архангельска: в 3 т. Архангельск: ИПЦ САФУ, 2013. Т. 1: Городское просторечие. 204 с.

Мызников С.А. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 51. СПб.: Наука, 2019. 359 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: http://ruscorpora.ru/ (дата обращения:25.04.2022).

Осипова Э. Н. (ред.). Словарь как жизнь родной деревни. Архангельск: КИРА, 2019. 270 с.

Оссовецкий И. А. (ред.). Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М.: Наука, 1969. 612 с.

Павлова Е. С. Имена существительные с суффиксом *-ol-* в истории русского языка // Этимология 1991–1993. М.: Наука, 1994. С. 102–125.

Ремчуков В. Н. (ред.). Толковый казачий словарь. Волгоград: Станица-2, 2007. 192 с.

САР — Словарь Академии Российской: в 6 т. / Рос. акад. наук, Отд-ние ист.-филол. наук, Моск. гуманит. ин-т им. Е. Р. Дашковой. М.: МГИ им. Е. Р. Дашковой, 1789–1794. Т. 1–6.

Скляров Э. Л., Малаховский А. С. Словарь современного жаргона преступного мира. Архангельск: ТОО Солти, 1993. 97 с.

Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. М.: Наука, 1974–. Т. 8. 1981. 252 с.; Т. 21. 1994. 236 с.

Удина С. А. Говоря лешуконьска, как водиця из родника… Архангельск: Лоция, 2021. 367 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. М., Л.: Наука, 1965–. Т. 7. 1972. 355 с.; Т. 17. 1981. 383 с. Т. 18. 1982. 367 с.; Т. 21. 1986. 360 с.

Филин Ф. П. (ред.). Словарь фразеологизмов и иных устойчивых словосочетаний русских говоров Сибири. Новосибирск: Наука, 1972. 207 с.

Царихин К. С. (ред.). Русский биржевой жаргон. [Электронный ресурс]. URL: http://www.fintraining.ru/index.php?module=subjects&func=listpages&subid=34 (дата обращения: 25.04.2022).

Цыхун Г. А. (ред.). Этымалагічныслоўнік беларускаймовы. Минск: Навука і тэхніка, 1990. 287 с.

*Orel V. E.*Russian Etymological Dictionary: in 3 vols. Calgary; Alberta: Octavia, 2007. 815 p.

References

Bakhvalova T. V. (ed.). *Slovar' orlovskikh govorov* [Dictionary of Oryol dialects]. Yaroslavl', Orel, 1994. 166 p.

Balakhonova L. I. (ch. ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Big academic dictionary of the Russian language]. Vol. 9. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 706 p.

Baldaev D. S., Belko V. K., Isupov I. M. (ed.). *Slovar' tyuremno-lagerno-blatnogo zhargona (rechevoi I graficheskii portret sovetskoi tyur'my)* [Dictionary of prison-camp-thieves jargon (speech and graphic portrait of a Soviet prison)]. Moscow, Kraya Moskvy Publ., 1992. 526 p.

Barkhudarov S. G., Ozhegov S. I., Shapiro A. B. (ed.). *Orfograficheskii slovar' russkogo yazyka* [Spelling dictionary of the Russian language]. 13rd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1974. 480 p.

Borisova A. N., Prokosheva K. N. (ed.). *Slovar' permskikh govorov: v 2 vyp.* [Dictionary of Perm dialects: in 2 issues]. Perm', Knizhnyi Mir Publ., 1999–2002. Vol. 1. 1999. 605 p.

Boyarinova L. Z., Ivanova A. I. (ed.). *Slovar' smolenskikh govorov: v 11 vyp.* [Dictionary of Smolensk dialects: in 11 issues]. Smolensk, SSPI/SSPU Publ., 1974–2005. Vol. 7. 1996. 215 p.; Vol. 11. 2005. 272 p.

Degtyarev V. I. (ed.) *Bol'shoi tolkovyi slovar' donskogo kazachestva* [Big explanatory dictionary of the Don Cossacks]. Moscow, Astrel' Publ., AST Publ., 2003. 608 p.

Dmitrovskii A. Z. (ed.). *Malyi slovar' pochepskogo govora* [Small dictionary of the Pochep dialect]. Kaliningrad, Baltiiskii federal'nyi universitet im. Immanuila Kanta Publ., 2010. 46 p.

Elistratov V. S. (ed.). *Slovar' russkogo argo: Materialy 1980–1990 gg.* [Dictionary of Russian argo: Materials 1980–1990]. Moscow, Russkie Slovari Publ., 2000. 694 p.

Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Dictionary of the Russian language: in 4 vols.]. Vol. 2. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1982. 736 p.

Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–. Vol. 7. 1972. 355 p.; Vol. 17. 1981. 383 p. Vol. 18. 1982. 367 p.; Vol. 21. 1986. 360 p.

Filin F. P. (ed.). *Slovar' frazeologizmov i inykh ustoichivykh slovosochetanii russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of phraseological units and other stable phrases of Russian dialects of Siberia]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1972. 207 p.

Gantsovskaya N. S. *Slovar' govorov Kostromskogo Zavolzh'ya: mezhdurech'e Kostromy i Unzhi* [Dictionary of dialects of the Kostroma Trans-Volga region: the interfluve of Kostroma and Unzha]. Kostroma, N A. Nekrasov KSU Publ., 2015. 512 p.

Ivanova A. F. (ed.). *Slovar' govorov Podmoskov'ya* [Dictionary of dialects of the Moscow region]. Moscow, 1969. 588 p.

Kotov-Pomeranchenko V. *Yazyk Odessy. Slova i frazy. Slovar'* [Language of Odessa. Words and phrases. Dictionary]. Odessa, Optimum Publ., 2005. 167 p.

Krysin L. P. (ed.). *Tolkovyi slovar' russkoi razgovornoi rechi* [Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech]. Iss. 2: K–O [aut.-comp.: M. Ya. Glovinskaya and others.]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2017. 864 p.

Kurkina L. V. [Etymology of Russian dialect words]. *Etimologicheskie issledovaniya. Iss. 1: Etimologiya russkikh dialektnykh slov* [Etymological research. Issue. 1: Etymology of Russian dialect words]. Sverdlovsk, 1978, pp. 23–27. (In Russ.)

Kuznetsov S. A. (ed.). Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Big Dictionary of Russian language]. St. Petersburg, NORINT Publ., 1998. 1535 p.

Leont'eva T. V. *Intellekt cheloveka v russkoi yazykovoi kartine mira* [Human intelligence in the Russian language picture of the world]. Ed. by E. L. Berezovich. Ekaterinburg, Russian St. Prof.-Ped. Univ. Publ., 2008. 279 p.

Levichkin A. N., Myznikov S. A. *Novgorodskii oblastnoi slovar'* [Novgorod Regional Dictionary]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2010. 1435 p.

Matveev A. K. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala: v 7 t.* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals: in 7 vols]. Sverdlovsk, Middle Ural Book Publ. House; Ural. Univ. Publ., 1971. 214 p.

Mel'nichenko G. G. (ed.). *Yaroslavskii oblastnoi slovar': v 10 vyp.* [Yaroslavl Regional Dictionary: in 10 issues]. Yaroslavl', K. D. Ushinskii YaSPI Publ., 1981–1991. Vol. 10. 1991. 108 p.

Mel'nichuk O. S.(ed.). *Etimologichnii slovnik ukraïns'koï movi* [Etymological dictionary of Ukrainian language]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1989. 549 p.

Mokienko V. M., Nikitina T. G. (ed.). *Bol'shoi slovar' russkikh narodnykh sravnenii* [Big dictionary of Russian folk comparisons]. Moscow, «OLMA Media Grupp» Publ., 2008. 800 p.

Morozova O. E. *Slovar' narodno-razgovornoi rechi goroda Arkhangel'ska: v 3 t. Vol. 1: Gorodskoe prostorechie* [Dictionary of popular colloquial speech of the city of Arkhangelsk: in 3 vols. Vol. 1: Urban vernacular]. Arkhangel'sk, IPTs SAFU Publ., 2013. 204 p.

Myznikov S. A. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 51. St. Petersburg, Nauka Publ., 2019. 359 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: http://ruscorpora.ru/ (accessed 25.04.2022).

Orel V. E. *Russian Etymological Dictionary: in 3 vols.* Calgary; Alberta, OctaviaPubl., 2007. 815 p.

Osipova E. N. (ed.). *Slovar' kak zhizn' rodnoi derevni* [Dictionary as the life of a native village]. Arkhangel'sk, KIRA Publ., 2019. 270 p.

Ossovetskii I. A. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo raiona Ryazanskoi oblasti)* [Dictionary of modern Russian folk dialect (village Deulino, Ryazan district, Ryazan region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 612 p.

Pavlova E. S. [Nouns with the suffix -ol- in the history of the Russian language]. *Etimologiya 1991–1993* [Etymology 1991–1993]. Moscow, Nauka Publ., 1994, pp. 102–125.

Remchukov V. N. (ed.). *Tolkovyi kazachii slovar'* [Explanatory Cossack dictionary]. Volgograd, Stanitsa-2 Publ., 2007. 192 p.

Sklyarov E. L., Malakhovskii A. S. *Slovar' sovremennogo zhargona prestupnogo mira* [Dictionary of modern jargon of the underworld]. Arkhangel'sk, TOO Solti Publ., 1993. 97 p.

Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Moscow, Nauka Publ., 1974–. Vol. 8. 1981. 252 p.; Vol. 21. 1994. 236 p.

Tsarikhin K. S. (ed.). *Russkii birzhevoi zhargon* [Russian exchange jargon]. Available at: http://www.fintraining.ru/index.php?module=subjects&func=listpages&subid=34 (accessed 25.04.2022).

Tsykhun G. A. (ed.). *Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of Belarussian spesch]. Minsk, Navuka i Tekhnika Publ., 1990. 287 p.

Udina S. A. Govorya leshukon'ska, kak voditsya iz rodnika… [Saying Leshukonska, like water from a spring]. Arkhangel'sk, Lotsiya Publ., 2021. 367 p.

Vostrikov O. V., Lipina V. V. *Traditsionnaya kul'tura Urala: Dialektnyi etnoideograficheskii slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Traditional culture of the Urals: Dialect ethno-ideographic dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Sverdl. Reg. House of Folklore Publ.; Department of Russian Language and General Linguistics of UrSU. Ekaterinburg, 2009. 1 CD-ROM.

Zdobnova Z. P. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Bashkirii* [Dictionary of Russian dialects of Bashkiria]. Ufa, Gilem Publ., 2008. 406 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 104–114

Язык художественной литературы

Речевой портрет маленького человека (на материале повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна»)

Ольга Сергеевна Шурупова, Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского (Россия, Липецк), shurupova2011@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170022858-2

АННОТАЦИЯ: Целью данной статьи стало создание речевого портрета главной героини повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна», которая, типичная жительница Ленинграда 30-х гг., горячо любящая своего единственного сына, теряет его во время репрессий. Пройдя через многочасовое стояние в тюремных очередях, увольнение, оскорбления со стороны соседей, несчастная мать сходит с ума. В повести представлена интериоризованная речь героини, благодаря которой становится возможным погружение во внутренний мир Софьи Петровны. Актуальность исследования обусловлена необходимостью исследования языковой личности персонажа, продолжающего собой вереницу «маленьких людей» петербургского текста русской литературы. В статье подвергнут анализу дискурс персонажа, обращается внимание на лексику, употребляемую героиней. В речи Софьи Петровны наблюдается обилие газетных штампов, причудливо смешивающихся в ее речи с заимствованными словами, использование которых выдает дворянское происхождение и воспитание. Возможность судить о мягком, материнском характере героини дают используемые ей слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Исследованию подвергаются определения, подбираемые Софьей Петровной к большинству существительных и отражающие

свойственное ей восприятие предметов и явлений по чисто внешним признакам и нежелание героини задуматься о сути наблюдаемых ею процессов. Результаты исследования позволяют утверждать, что с помощью интериоризованной речи персонажа Л. К. Чуковская раскрывает внутренний мир Софьи Петровны и демонстрирует неотвратимость того, что с ней происходит. В заключение делается вывод о значимости речевого портрета героини для понимания смысла произведения. Результаты исследования могут быть применены в исследованиях, посвященных изучению художественного образа как языковой личности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Л. К. Чуковская, «Софья Петровна», речевой портрет, интериоризованная речь, газетные штампы, заимствования

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Шурупова О. С.* Речевой портрет маленького человека (на материале повести Л. К. Чуковской «Софья Петровна») // Русская речь. 2022. № 5. С. 104–114. DOI: 10.31857/S013161170022858-2.

The Language of Fiction

Speech Portrait of a Small Person (on the Material of the Story "Sofya Petrovna" by L. K. Chukovskaya)

Olga S. Shurupova, Lipetsk State Pedagogical University named after P. P. Semenov-Tyan-Shan (Russia, Lipetsk), shurupova2011@mail.ru

ABSTRACT: The purpose of this article was creating a speech portrait of the main character of the story "Sofya Petrovna" by L. K. Chukovskaya. Its main character is a woman who, being a typical resident of Leningrad in the 30s, passionately loves her only son and loses him during the repressions. After going through many hours of standing in prison lines, dismissal, and insults from the neighbors, the unfortunate mother goes crazy. The story presents the character's interiorized speech, which makes possible the immersion

into Sofia Petrovna's inner world. The relevance of the article is due to the need to study the linguistic personality of the character, who belongs to the group of "small people" of the "St. Petersburg texts" of Russian literature. The article analyzes the discourse of the character, and draws attention to the vocabulary used by the character. In Sofya Petrovna's speech, there is an abundance of newspaper stamps, which are whimsically mixed in her speech with borrowed words, the use of which betrays her noble origin and upbringing. The words with diminutive suffixes that Sofya Petrovna uses reveal her soft, maternal character. The article also studies the definitions selected by Sofya Petrovna for most nouns and reflecting her perception of objects and phenomena by purely external signs and the character's unwillingness to think about the essence of the processes she observes. The results of the study allow us to state that with the help of the interiorized speech of the character L. K. Chukovskaya reveals the inner world of Sofia Petrovna and demonstrates the inevitability of the events that are happening to her. The study draws the about the significance of the character's speech portrait for understanding the meaning of the story. The results of the study can be applied in articles devoted to the study of the artistic image as a linguistic personality.

KEYWORDS: L. K. Chukovskaya, "Sofya Petrovna", speech portrait, interiorized speech, newspaper stamps, borrowing

FOR CITATION: Shurupova O. S. Speech Portrait of a Small Person (on the Material of the Story "Sofya Petrovna" by L. K. Chukovskaya). Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 5. Pp. 104–114. DOI: 10.31857/S013161170022858-2.

В 2022 г. исполняется 115 лет со дня рождения Л. К. Чуковской, автора знаменитых «Записок об Анне Ахматовой» и человека, которого друзья называли Немезидой за бескомпромиссность и совестливость. Наиболее значимым своим произведением сама Л. К. Чуковская считала повесть «Софья Петровна», которая была создана, когда был арестован по ложному обвинению и расстрелян муж писательницы, гениальный ученый Матвей Петрович Бронштейн, и когда она сама напряженно ждала ареста. Художественное произведение является одновременно документальным свидетельством страшных 30-х гг., поскольку в повести во многом получают отражение события, происходившие с Л. К. Чуковской и окружавшими ее людьми. Главная героиня повести — одна из многих ленинградских женщин, потерявших родственника во время репрессий.

Однако писательницу не раз упрекали за недостатки произведения. Так, героиня не понравилась А. Т. Твардовскому, который обвинил Софью Петровну в том, что «ей нет дела до того, что к чему и отчего, ее точка зрения наивна» [Чуковская 2014: 221]. Думается, эти обвинения не совсем справедливы, ведь со страниц произведения звучит голос не автора, а персонажа, маленького человека. Повесть продолжает традиции русской классической литературы, поскольку Л. К. Чуковская, вслед за А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским, М. М. Зощенко, открывает читателям жизнь маленького человека, ничтожного, способного даже вызвать презрение более удачливых и в то же время пробуждающего в душе читателя сострадание и скорбь. Важно, что маленькие люди петербургского текста русской литературы: Акакий Акакиевич Башмачкин («Шинель» Н. В. Гоголя), Макар Девушкин («Бедные люди» Ф. М. Достоевского) — были мужчинами, мелкими чиновниками, а в повести «Софья Петровна» перед нами предстает женщина.

В то же время Софья Петровна явно напоминает тех маленьких людей, которые появляются в целом ряде входящих в петербургский текст произведений. Практически во всех текстах, составляющих это культурно-системное единство, звучит тема противостояния между обычным, незаметным человеком, мечтающим о скромном личном счастье, и грозным городом, где невозможна безмятежная жизнь. Как правило, маленький человек — это занимающий незначительную должность чиновник, часто очень одинокий и обреченный на утрату того, что ему особенно дорого: Акакий Акакиевич вынужден расстаться с единственной шинелью, Макар Девушкин теряет Вареньку, к которой относится как к родной дочери, а Забежкин («Коза» М. М. Зощенко) лишается возможности видеться с единственным существом, к кому он привязался. Весь смысл жизни Софьи Петровны сосредоточен в ее сыне, которым она гордится и которого ей суждено потерять.

Впрочем, как и другие маленькие люди, Софья Петровна тоже вынуждена служить, причем, как и они, она дорожит своим местом и гордится тем, что в ней нуждаются. Ее отношение к работе в издательстве напоминает чувство Макара Девушкина, заявляющего: «Я ведь и сам знаю, что я немного делаю, что переписываю; да все-таки я этим горжусь» [Достоевский 1972: 47]. Она с удовольствием выполняет обязанности старшей машинистки. Как и Акакий Акакиевич, она не создает тексты сама, а лишь воспроизводит те бумаги, что ей предлагают. «Распределять работу, подсчитывать страницы и строчки, скалывать листы — все это нравилось Софье Петровне гораздо больше, чем самой писать на машинке» [Чуковская 2012: 10]. Акакию Акакиевичу нравилось выводить буквы — Софье Петровне нравится разлиновывать листы бумаги и отмечать, кто

заплатил профсоюзные взносы, при этом она «мало задумывалась над тем, для чего, собственно, существует профсоюз» [Чуковская 2012: 15]. Но главное место в жизни Софьи Петровны занимают заботы о любимом сыне. И когда с Колей случится беда, мать не сразу поверит в то, что ее сына, полностью преданного советской власти, могли арестовать.

Однако до этого героиня повести совсем не задумывается о происходящих в стране событиях и засыпает над газетой. Она долгое время с готовностью принимает все изменения, которые происходят с обществом. Софья Петровна во всем соглашается с сыном, который толкует ей о полезности труда для женщин и о международном положении, и, будучи избрана квартуполномоченной, уже не жалеет о потере квартиры, когда-то целиком принадлежавшей ее покойному мужу, а удовлетворенно высчитывает, «сколько с кого причитается платы за электроэнергию» [Чуковская 2012: 21]. Ей нравится слушать радио и ходить в кино, где фильмы о мужественных летчиках и пограничниках вызывают у нее такое же волнение, как в молодости вызывали мелодрамы с участием популярной тогда актрисы.

Интересным будет обратиться к анализу языковых способов создания образа героини. Создание речевого портрета Софьи Петровны поможет выявить особенности ее характера, понять, как видит мир этот маленький человек, присмотреться к жизни которого приглашает читателей Л. К. Чуковская. Исследование речи Софьи Петровны дает возможность не только постичь особенности ее внутреннего мира, но и глубже осмыслить причины и следствия событий, изображаемых в повести. По мнению Ю. Н. Караулова, важным для речевого портретирования является анализ внутренних монологов, интериоризованной речи, когда «само изображение действительности (явлений, событий, картин) дается как бы сквозь призму восприятия героя» [Караулов 2019: 34].

Важно отметить, что А. И. Солженицыну был, по воспоминаниям Л. К. Чуковской, неприятен язык повести: «“кооптировали”, “пленум”» [Чуковская 2012: 274]. Однако, по мысли писательницы, «этот язык, мышление принадлежат не автору, а героине, мещанке-чиновнице. Ведь почти вся повесть — внутренний монолог героини» [Чуковская 2012: 274]. Монолог этот, действительно, изобилует штампами, которыми сама героиня-чиновница, возможно, даже гордится, ведь их умелое использование — признак того, что Софья Петровна «гораздо грамотнее, чем эти современные барышни» [Чуковская 2012: 9]. Женщина, которая постоянно погружена в чтение и перепечатывание счетов, планов, отчетов, приказов и прочих официальных бумаг, даже размышляя наедине с самой собой, постоянно прибегает к усвоенным ею канцеляризмам и газетным штампам: «Служебная жизнь всецело захватила Софью Петровну»

[Чуковская 2012: 9]; «высокие производственные показатели» [Чуковская 2012: 14]; «сознательность редакторов и авторов» [Чуковская 2012: 14]; «заседания месткома, куда вскоре кооптировали Софью Петровну» [Чуковская 2012: 15]; «беспартийные работники» [Чуковская 2012: 18]; «…единогласно выбрали ее квартуполномоченной» [Чуковская 2012: 21]; «Весь редакционный сектор собрался…» [Чуковская 2012: 20]; «революционный смысл уплотнения буржуазных квартир» [Чуковская 2012: 20]; «заседала… по вопросам укрепления трудовой дисциплины» [Чуковская 2012: 23]. Употребляя эти слова и выражения, героиня ощущает собственную значимость.

В своей книге «Живой как жизнь» отец писательницы, знаменитый критик К. И. Чуковский с возмущением пишет: «…каким же нужно быть рабом канцелярской эстетики, чтобы услаждать себя ими… Человек поучает других хорошему литературному стилю и не видит, что его собственный стиль анекдотически плох» [Чуковский 1990: 594]. Эти слова можно с полной справедливостью адресовать и Софье Петровне: она негодует, когда видит ошибки в работе полуграмотных машинисток, но при этом ей доставляет удовольствие использовать канцелярские шаблоны и она с готовностью выслушивает речи сына, полные газетными штампами. Так, когда Софья Петровна удивляется тому, что после убийства Кирова выслали из города ее старинную приятельницу, Николай убеждает ее, что «Ленинград необходимо очистить от ненадежного элемента» [Чуковская 2012: 38].

Обилие шаблонов наблюдается даже в описании новогодней елки, которую по поручению месткома устраивает Софья Петровна. Описание радостных хлопот (женщина узнает имена детей, которые придут на елку, бегает по магазинам, выбирает шары и хлопушки) пересыпано канцеляризмами. Софья Петровна, ответственный сотрудник издательства, уже не может обойтись без них, и за фразой «Приближался новый, тысяча девятьсот тридцать седьмой год» [Чуковская 2012: 35], которая звучит устрашающе для любого, кто знаком с отечественной историей, следует торжественный внутренний монолог героини, ответственной за елку для детей сотрудников и еще не подозревающей, что готовит ей и ее сыну этот год. Смешно, что Софья Петровна не может просто назначить себе помощницу — она ее «кооптирует» [Чуковская 2012: 35], и это «важное» слово соседствует в ее речи с носящими разговорный характер фразеологизмами «работа у них закипела» и «с ног сбились» [Чуковская 2012: 35]. Самым сложным для Софьи Петровны оказывается не просто выбор подарков, которые понравятся детям, — «самое трудное было решить, какой подарок сделать кому из ребят так, чтобы не выйти из лимита» [Чуковская 2012: 35]. Ученое, по мнению героини, слово «лимит» вновь

соседствует с, казалось бы, неожиданным в лексиконе строгой старшей машинистки разговорным «ребята», которое в XX в., по свидетельству К. И. Чуковского, вытеснило слово «дети»: «Прежде ребятами назывались только крестьянские дети… Было бы поучительно проследить тот процесс, благодаря которому в нынешней речи возобладала деревенская форма» [Чуковский 1990: 477]. Речь героини повести, таким образом, полностью отражает, с одной стороны, эпоху 30-х гг. XX в., а с другой — позволяет проявиться сущности маленького человека. Как замечает К. И. Чуковский, «каждый словесный шаблон — и здесь его главная суть — прикрывает собой равнодушие. Шаблонами люди чаще всего говорят по инерции, совершенно не переживая тех чувств, о которых они говорят» [Чуковская 2012: 585]. «Маленькая» Софья Петровна, гордая своей грамотностью и порицающая других за ошибки, совершенно не замечает, как газетные штампы заслоняют от нее действительность.

В то же время Софья Петровна — женщина «из бывших», учившаяся когда-то в гимназии, и петербургское прошлое часто отзывается в речи этой ленинградки. Знакомых женщин она мысленно называет «m-me Неженцева», «m-me Кипарисова». Ей не нравятся грубоватые слова, которые она слышит от сына и от соседской дочки: «балбес», «а я ей как дам!», «а мне наплевать!». Когда соседка называет дочь «кобылой», сконфуженная Софья Петровна «поспешно скрывается в ванную комнату» [Чуковская 2012: 22]. Она восхищается описаниями «первой чистой любви» [Чуковская 2012: 20], разбирается в «старых настоящих кружевах» [Чуковская 2012: 11] и, давая обещание от имени беспартийных активистов, складывает руки, «как ее учили в детстве, когда она декламировала французские поздравительные стихи» [Чуковская 2012: 18]. Казалось бы, эта женщина, выросшая в совсем иную эпоху, должна разительно отличаться от окружающих ее людей. Действительно, она не все понимает в выступлении председательницы месткома и ей кажутся скучными советские романы и повести, в которых говорится не о любви, а «о боях, о тракторах, о заводских цехах» [Чуковская 2012: 10]. Этой добродушной, аккуратной женщине гораздо интереснее обсуждать с собеседницей не Тельмана и МОПР* (данная аббревиатура непонятна героине), а свой роман с покойным Федором Ивановичем и белую пелеринку, в которую она когда-то одевала маленького сына. Подаренные ей цветы она решает засушить и спрятать в книгу на память, как, возможно, когда-то делала в юности, и мечтает о невестке, которую звали бы нежным именем Милочка и которая напоминала бы английскую открытку, одну из тех, которыми Софья Петровна, несомненно, любовалась в детстве.

* Международная организация помощи борцам революции.

В речи Софьи Петровны часто звучат заимствованные слова, которые выдают ее «старорежимное» воспитание и мировоззрение: «У нее были умелые руки и бездна вкуса: Деда Мороза укрепила она удивительно *эффектно*» [Чуковская 2012: 36]; «Красные строки получались у нее удивительно *элегантно*» [Чуковская 2012: 11]; «Она была в зеленом шелковом платье и даже *декольте*» [Чуковская 2012: 37]; «Она… *флиртовала* с Федором Ивановичем» [Чуковская 2012: 11]; «…в те дни, когда Федор Иванович надолго уходил с *визитами*» [Чуковская 2012: 10]; «…у нее начиналась *мигрень*» [Чуковская 2012: 37]; «…явились все, даже работники редакционного сектора, которые обыкновенно *манкировали*» [Чуковская 2012: 41] и т. д. Встречаются в ее речи и те слова, которые не слишком сочетаются с действительностью 30-х гг. и, конечно, воспринимаются советскими людьми как устаревшие: Эрну Семеновну, которой суждено впоследствии занять место Софьи Петровны, она мысленно называет барышней, завхоз кажется ей похожим на офицерского денщика. Она, не задумываясь, пытается совместить реалии ушедшей в прошлое жизни и суровую действительность 30-х гг. Так, свою внучку Софья Петровна хотела бы назвать Нинель: «…имя изящное, французское, и в то же время, если читать с конца, получается Ленин» [Чуковская 2012: 37].

И Софье Петровне удается привыкнуть к новым порядкам: «Все, что писали в газетах, казалось ей теперь вполне естественным, будто так и писали и говорили всегда» [Чуковская 2012: 20]. Коля, по ее мнению, совмещает качества, ценившиеся в ее юности, с теми, которые нужны в новое время: он почтительный сын и честный комсомолец. Ей жаль, что Наташу, дочь полковника и домовладельца, не принимают в комсомол, ведь «бедная девушка так нуждалась в обществе» [Чуковская 2012: 30]. Мысль о том, что Наташу из-за этого могут выгнать с работы, даже не приходит в голову доброй и заботливой Софье Петровне. Героиня оскорблена словами соседки, поверившей в виновность Коли, но при этом «со снисходительной жалостью» [Чуковская 2012: 83] размышляет об арестованном директоре: «Хороши мужья, нечего сказать. Натворят бед, а жены мучайся из-за них» [Чуковская 2012: 83]. Постичь, что директор оказался в тюрьме так же безвинно, как и Николай, Софья Петровна не в силах.

Бывшая гимназистка, она, словно в тех школьных сочинениях, которые писала когда-то, сопровождает большинство существительных определениями: «миловидные девушки», «наглая горничная», «в большой светлой комнате», «ровные вставные зубы», «хмурый парторг», «пожилая секретарша», «симпатичный писатель», «представительный бухгалтер»; «долговязый, неприятный мальчик», «воспитанный молодой человек» и т. д. Софья Петровна, однако, не отличается особой зоркостью, и качества, которые она замечает у окружающих ее людей, как правило, связаны

с их внешностью. Так, например, в ближайшем друге своего сына Алике она видит прежде всего смешные черты: коротконогий, большеголовый. У Наташи Фроленко, самой умелой и скромной девушки в издательстве, к которой Софья Петровна искренне привязана, она с огорчением отмечает зеленовато-серое лицо и большие красные руки, делающие ее недостойной Николая, ведь его мать мечтает о «высокой, свежей, розовой» [Чуковская 2012: 35] невестке. Даже в тюремных очередях Софья Петровна зорко замечает, что старушка, говорящая с ней, опрятная, что у плачущего ребенка кривые ножки, что у женщины плохонькие туфельки, а старуха Кипарисова зачем-то обулась в уродливые валенки. У директора, как размышляет героиня, «руки, кажется, грубые» [Чуковская 2012: 13], однако ей приятно, что он «оказался молодым человеком…, *хорошего* роста, *хорошо* выбритым, в *хорошем* сером костюме» [Чуковская 2012: 13]. Трижды повторенное слово «хороший» позволяет подчеркнуть, что именно важно для этой женщины. Для нее первостепенное значение имеет, как выглядит человек, она обращает внимание скорее на внешнее: пушистый ковер и «целых три телефона» в парадном кабинете [Чуковская 2012: 13]. Когда в издательство приезжают «какие-то ответственные московские товарищи» [Чуковская 2012: 15], Софья Петровна даже не задумывается, кто они и зачем прибыли. Она видит «двух полных людей в *заграничных* костюмах, в *заграничных* галстуках и с *заграничными* вечными перьями в верхних карманах» [Чуковская 2012: 17], и повторяющееся слово «заграничный» вновь демонстрирует уровень осмысления и понимания действительности, доступного Софье Петровне. Она замечает лишь внешнее, бросающееся в глаза, связанное с одеждой, манерами. Поэтому она так легко верит газетам и, даже когда ее сын оказывается в тюрьме, продолжает с интересом читать статью «про убийства, про отравления, про взрывы» [Чуковская 2012: 66]. Софья Петровна заступается за изгнанную с работы Наташу, жалеет «усталых, с помятыми лицами» [Чуковская 2012: 57] женщин в тюремной очереди, но ей не приходит в голову, что их мужья, сыновья и братья — такие же невинные люди, как и ее Коля.

Мягкий характер Софьи Петровны помогают передать и довольно многочисленные слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами: «очаровательная крошка с белокурыми волосиками» [Чуковская 2012: 37]; «в черном простом халатике» [Чуковская 2012: 11]; «лихой паренек» [Чуковская 2012: 15]; «пакетики с конфетами» [Чуковская 2012: 36]; «…носил он… серенький костюмчик…, галстучек, воротничок» [Чуковская 2012: 60]. Софья Петровна призвана быть женой и матерью, и, с обожанием глядя на директора, похвалившего ее сына, она восхищается не его высокой должностью, а тем, как умело он закутал свою маленькую дочку платком. «Как он все умеет! Мать может спокойно отпускать с ним ребенка. Сразу

видно — прекрасный семьянин» [Чуковская 2012: 39]. Все ее ценности связаны с семьей, супружеской и материнской любовью, домашним уютом. Именно этим объясняются ее заботы о хозяйстве. Размышления Софьи Петровны об отпуске напоминают отчет: «…маляр за полчаса выкрасил дверь; могила Федора Ивановича была в полном порядке; пальто куплено сразу; носки зачинены в два вечера» [Чуковская 2012: 19]. Но Л. К. Чуковская показывает нам, что мягкости, нежности, материнской любви недостаточно, чтобы остаться человеком в жестоком XX столетии.

Следует обратить внимание на фразу, которую Софья Петровна адресует жене доктора Кипарисова: «Иван Игнатьевич Колю крестил… конечно, это теперь не считается» [Чуковская 2012: 43]. В своем горе несчастный маленький человек не может опереться ни на понимание того, что происходит вокруг, ни на веру в Бога. С готовностью приняв реалии наступившей эпохи, согласившись сначала с необходимостью уплотнения квартир, затем с необходимостью для женщин общественно полезного труда, потом с необходимостью ссылки «всяких там "фон-баронов"» [Чуковская 2012: 38], затем с необходимостью наказания вредителей, которые будто бы пускали поезда под откос, героиня повести не замечает, как отказывается от того, во что когда-то верила, как привычным и объяснимым становится то, что когда-то показалось бы недостоверным. Л. К. Чуковская показывает нам страшный финал такого помрачения: получив долгожданное письмо от сына, Софья Петровна сжигает его, ведь «с таким письмом в кармане нельзя жить на свете (каждое утро снова его читать?)» [Чуковская 2014: 270]. Следуя шаг за шагом за героиней, мы видим, как она постепенно погружается в безумие, пытаясь уверить себя, что в ее жизни снова все хорошо.

Софья Петровна продолжает собой вереницу героев петербургского текста, которые также пытались заслониться от жестокого, несправедливого мира своими мечтами. Достаточно вспомнить героя «Записок сумасшедшего» Н. В. Гоголя или господина Голядкина («Двойник» Ф. М. Достоевского), которые, как отмечает М. М. Дунаев, «создают для себя некую фантазию, которую пытаются навязать себе самому как реальность» [Дунаев 2002: 417]. Недовольство своим положением и мечты о несбыточном сводят маленького человека с ума. Это происходит и с Софьей Петровной, имя которой означает «премудрость Божья»: она теряет мудрость, подчиняясь страшной действительности, и ее безумие в конце повести — закономерный итог не только страшной беды с сыном, но всего, что происходило с маленьким человеком на протяжении текста.

О своей повести Л. К. Чуковская говорила как о «единственном способе снять со своего горла удавку совести» [Чуковская 2009: 452], и в этом произведении, продолжающем традиции русской классики, ей удалось

многое сказать не только об эпохе, но о человеке и его духовном состоянии. Речевой портрет героини повести показывает, насколько опасно увлечение штампами, за которыми может прятаться страшная действительность, и как постепенно, не задумываясь над этим, человек теряет сам себя.

Литература

Достоевский Ф. М. Бедные люди // Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения (тома I–XVII) / АН СССР, Ин-т русской литературы. Л.: Наука, 1972. Т. I. С. 3–108.

Дунаев М. М. Православие и русская литература. В 6 частях. Ч. III. М.: Храм Святой мученицы Татианы при МГУ, 2002. 768 с.

Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: ЛИБРОКОМ, 2019. 264 с.

Чуковская Л. К. Из дневника. Воспоминания. М.: Время, 2014. 736 с.

Чуковская Л. К. Прочерк. М.: Время, 2009. 560 с.

Чуковская Л. К. Софья Петровна // Софья Петровна: Повести, стихотворения. М.: Время, 2012. С. 9–114.

Чуковский К. И. Живой как жизнь // Сочинения в двух томах. Т. 1. М.: Правда, 1990. С. 467–651.

References

Chukovskaya L. K. *Iz dnevnika. Vospominaniya* [From the Diary. Memories]. Moscow: Vremya Publ., 2014. 736 p.

Chukovskaya L. K. *Procherk* [Dash]. Moscow, Vremya Publ., 2009. 560 p.

Chukovskaya L. K. [Sof'ya Petrovna]. *Sof'ya Petrovna: Povesti, stikhotvoreniya [Sof'ya Petrovna: Novels, Poems]*. Moscow, Vremya Publ., 2012, pp. 9–114. (In Russ.)

Chukovskii K. I. [Alive as Life]. *Sochineniya v dvukh tomakh*. Vol. 1, Moscow, Pravda Publ., 1990, pp. 467–651. (In Russ.)

Dostoevskii F. M. [Poor People]. *Polnoe sobranie sochinenii v tridtsati tomakh. Khudozhestvennye proizvedeniya (toma I–XVII).* Leningrad, Nauka Publ., 1972, Vol. I, pp. 3–108. (In Russ.)

Dunaev M. M. *Pravoslavie i russkaya literatura* [Orthodoxy and Russian Literature]. In 6 volumes. Vol. III. M.: Khram Svyatoi muchenitsy Tatiany pri MGU Publ., 2002. 768 p.

Karaulov Yu. N. *Russkii yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, LIBROKOM Publ., 2019. 264 p.

Русская речь
Russian Speech

№ 05 | 2022
С. / Pp. 115–127

Язык художественной литературы

О смысловых связях между элементами конструкций с присоединительными развернутыми сравнениями

Мстислав Исаакович Шутан, Нижегородский институт развития образования (Россия, Нижний Новгород), mshutan@mail.ru

DOI: 10.31857/S013161170022859-3

АННОТАЦИЯ: В статье автор концентрирует внимание на присоединительных распространенных (развернутых) сравнениях и на примере произведений русской поэзии 1-й пол. XIX в. раскрывает характер смысловых связей между такими элементами сравнительных конструкций, как предмет и образ. На основе текстов Пушкина, Лермонтова, Тютчева автор показывает различные варианты соотнесений человека и предметного мира, человека и природы, а также приводит пример соотнесения различных исторических эпох. В статье отмечается, что при помощи указанного приема в произведения вводится проблематика философская («Евгений Онегин», «Осень» и «Египетские ночи» Пушкина, «Графине Ростопчиной» Лермонтова, «Поток сгустился и тускнеет…» и «Фонтан» Тютчева), социально-историческая («Умирающий гладиатор» и «Поэт» Лермонтова), психологическая («Возрождение» Пушкина, «Нищий» Лермонтова, «Когда в кругу убийственных забот…» Тютчева) и нравственно-психологическая («Дума» Лермонтова). Причем конкретная жизненная ситуация (она обычно фиксируется в первой части произведения) вызывает в сознании автора (лирического героя) ассоциацию, связанную с другой сферой жизни (бытия), но содержащую в себе тот же смысл. Тем самым подчеркивается внутреннее родство того, что на первый взгляд ничего общего не имеет. Перед нами

средство речевой выразительности, раскрывающее сложность жизни, ее многообразие, подводящее читателя к обобщениям, а они неизбежны, если перед нами соотнесенные друг с другом два явления.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: присоединительное развернутое сравнение, предмет, признак, образ, параллелизм, полифункциональность

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Шутан М. И.* О смысловых связях между элементами конструкций с присоединительными развернутыми сравнениями // Русская речь. 2022. № 5. С. 115–127. DOI: 10.31857/S013161170022859-3.

The Language of Fiction

On Semantic Relations between Structural Elements with Connecting Detailed Comparisons

Mstislav I. Shutan, Nizhny Novgorod Institute of Education Development (Russia, Nizhny Novgorod), mshutan@mail.ru

ANNOTATION: In the article, the author focuses on the connecting extended (expanded) comparisons and using the example of works of Russian poetry of the first half of the nineteenth century reveals the nature of semantic connections between such elements of comparative constructions as an object and an image. Based on the texts of Pushkin, Lermontov and Tyutchev, the author shows different variants of the correlation of a man and the objective world, a man and nature, and also gives an example of the correlation of different historical epochs. The article notes that with the help of this technique, philosophical problems are introduced into the works ("Eugene Onegin", "Autumn" and "Egyptian nights" by Pushkin, "Countess Rostopchina" by Lermontov, "The Stream has Thickened and Dims..." and "Fountain" by Tyutchev), as well as socio-historical ("The Dying Gladiator", "Poet" by Lermontov), psychological ("Rebirth" by Pushkin, "Beggar" by Lermontov,

"When in the Circle of Murderous Worries..." by Tyutchev) and moral and psychological problems (Lermontov's "Duma"). Moreover, a specific life situation (it is usually fixed in the first part of the work) causes an association with another sphere of life (being) in the mind of the author (the lyrical hero). Although the associated sphere of life is different, it contains the same meaning. Thus, the inner kinship of what at first glance has nothing in common is emphasized. We have before us a means of speech expressiveness that reveals the complexity of life, its diversity, leading the reader to generalizations, and they are inevitable if we have two phenomena correlated with each other.

Keywords: connecting detailed comparison, subject, feature, image, parallelism, polyfunctionality

For citation: Shutan M. I. On Semantic Relations between Structural Elements with Connecting Detailed Comparisons. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2022. No. 5. Pp. 115–127. DOI: 10.31857/S013161170022859-3.

Б. В. Томашевский выделял следующие элементы сравнительной конструкции: 1) «предмет», то, что сравнивается; 2) «образ», то, с чем сравнивается; 3) «признак», то, на основании чего сравнивается одно с другим [Томашевский 1983: 204]. Иногда в сравнительных конструкциях «признак» опускается.

В конструкции подобного типа может входить сравнительный оборот, чаще всего в предложении выполняющий функцию обстоятельства образа действия: «И легкие месяцы будут над нами, // Как снежные звезды, лететь» (А. А. Ахматова); придаточное сравнительное или придаточное образа действия или степени с дополнительным значением сравнения: «И сладкий трепет, как струя, // По жилам пробежал природы, // Как бы горячих ног ея // Коснулись ключевые воды» (Ф. И. Тютчев); имя существительное в творительном падеже: «Смотри, как облаком живым // Фонтан сияющий клубится» (Ф. И. Тютчев); имя прилагательное *подобный*, *похожий*: «Что в имени тебе моем? <...> Оно на памятном листке // Оставит мертвый след, подобный // Узору надписи надгробной // На непонятном языке» (А. С. Пушкин); параллелизм или отрицательный параллелизм, предполагающий пропуск сравнительного средства: «Что не ястреб совыкался с перепелушкою, // Солюбился молодец с красной с девушкою».

Но сравнение может присоединяться и при помощи указательного наречия *так* или указательного местоимения *такой* или *таков*. Такое сравнение Б. В. Томашевский называл присоединительным. В этом случае

«образ присоединяется к уже замкнутому предложению, исчерпавшему тему своего предмета». Распространенное же сравнение (его нередко называют развернутым) «слагается в некий законченный образ и часто достигает большой степени самостоятельности» [Томашевский 1983: 208, 210].

Обычно в сравнительной конструкции за предметом следует образ. Но Б. В. Томашевский обращал внимание на ситуацию с так называемым обратным движением. Например, в стихотворении Е. А. Баратынского «Чудный град порой сольется…» (1829 г.) сначала встречается образ: «Чудный град порой сольется // Из летучих облаков; // Но лишь ветр его коснется, // Он исчезнет без следов!» — а далее сам предмет: «Так мгновенные созданья // Поэтической мечты // Исчезают от дыханья // Посторонней суеты». Ведь поэт «имел в виду вовсе не описывать облака, а имел в виду сообщить, что созданья поэтической мечты при столкновении с прозаическим миром исчезают. Суть обычной жизни прогоняет поэтические мечтанья. Эта мысль как бы поясняется изображением того, как из облаков создается чудная картина, напоминающая город с башнями и т. д., а подует ветер — и все эти облака расплываются и превращаются в хаотическую массу. Здесь образ настолько самоценен, что стихотворение строится на его развитии и на соответствующей интерпретации в прямом смысле» [Томашевский 1983: 214–215]. Причем поэтические строки, показывающие предмет, присоединяются к предыдущей части при помощи указательного наречия *так*.

В статье мы сконцентрируем внимание на конструкциях с присоединительными распространенными (развернутыми) сравнениями и на примере произведений русской поэзии 1-й пол. XIX в. раскроем сам характер смысловых отношений между предметом и образом.

I. Автор может соотносить **разные исторические эпохи**.

Это «Умирающий гладиатор» (2 февр. 1836 г.) М. Ю. Лермонтова, в котором картина «буйного Рима» соотносится с современным европейским миром, «бесславной головою» клонящимся к могиле, при этом обратившим взор на «юность светлую, исполненную сил» и жадно слушающим «рыцарских времен волшебные преданья».

II. А теперь обратимся к произведениям, в которых человек соотносится с теми или иными реалиями **предметного мира**.

Например, в стихотворении ***А. С. Пушкина*** «Возрождение» (1819 г.) спадающие ветхой чешуей краски с созданья гения, которое «пред нами выходит с прежней красотой», вызывают у лирического героя ассоциацию с жизнью собственной измученной души, освобождающейся от заблуждений и возрождающей «виденья первоначальных, чистых дней». Налицо обратное движение, так как именно последняя строфа, присоединяемая к первым двум строфам при помощи указательного наречия

так, наполняет содержание стихотворения психологическим смыслом. Причем принципиально важно, что в двух частях произведения употребляются глаголы в настоящем времени (*спадают*, *выходит — исчезают*, *возникают*), то есть сам процесс приобщения человека к подлинному как бы происходит на глазах читателя.

В «Осени» (1833 г.) возникает развернутое сравнение этапов творческого процесса и его результата с тем, что происходит на корабле. Соответствия явные, отчетливые, хотя и далеко не исчерпывающие: 1) «…и в сладкой тишине я усыплен моим воображеньем» — «Так дремлет недвижим корабль в недвижной влаге»; 2) «И мысли в голове волнуются в отваге, и рифмы легкие навстречу им бегут» — «…матросы вдруг кидаются, ползут вверх, вниз»; 3) «…минута — и стихи свободно потекут» — «…и паруса надулись, ветра полны; громада двинулась и рассекает волны».

По мнению В. А. Грехнёва, «отсутствие исчерпывающей аналогии в пушкинском развернутом сравнении вполне объясняется тем, что отношения между его компонентами — отношения неравноправных величин: богатое и диалектически многогранное содержание художественной мысли уже выражено в первом звене сравнения, и выражено, разумеется, языком образа. Теперь остается только наложить “закругляющий” штрих, погрузить мысль в стихию абсолютно пластического, придав ей тем самым особый блеск и словно между прочим создав “трамплин” для дальнейшего движения лирической темы (метафорическое переосмысление глагола “плывет” — “Плывет. Куда ж нам плыть?”)» [Грехнёв 1978: 160]. Причем содержание последней строфы стихотворения никак не связано с темой творческого процесса, ибо речь уже идет о судьбе мира, страны, отдельной человеческой личности.

В творчестве ***М. Ю. Лермонтова*** также обнаруживаются произведения с распространенными присоединительными сравнениями. Причем нередко они занимают отдельную строфу или несколько строф. Отметим, что во многих стихотворениях поэта представлена художественная логика обратного движения — движения от образа к предмету.

Это «Поэт» (1838 г.), в котором судьба кинжала, превратившегося из оружия в золотую игрушку, блещущую на стене, практически отождествляется с судьбой поэта, забывшего о своем высшем предназначении и идущего на поводу у публики, которую тешат «блестки и обманы».

III. Тем не менее явно преобладают поэтические произведения, в которых человек соотносится **с миром природы**.

Например, в романе ***А. С. Пушкина*** «Евгений Онегин» смерть Ленского на дуэли: «На грудь кладет тихонько руку // И падает. Туманный взор // Изображает смерть, не муку» — соотносится со спадающей по скату гор снеговой глыбой, блистающей на солнце искрами (строфа XXXI, глава шестая).

В «Египетских ночах» (публикация в 1837 г.) встречается поэтический фрагмент, в котором истинно свободный поэт уподобляется ветру, орлу и даже шекспировской Дездемоне: «Таков поэт, как Аквилон, // Что хочет, то и носит он — // Орлу подобно, он летает // И, не спросясь ни у кого, // Как Дездемона избирает // Кумир для сердца своего».

Отметим, что в развернутое сравнение А. С. Пушкин включает сравнительные обороты с образами, уже представленными в первой части поэтического текста наречием-анафорой *зачем*: 1) «*Зачем* [курсив здесь и далее — М. Ш.] крутится ветр в овраге, // Подъемлет лист и пыль несет, // Когда корабль в недвижной влаге // Его дыханья жадно ждет?»; 2) «*Зачем* от гор и мимо башен // Летит орел, тяжел и страшен, // На чахлый пень?»; 3) «*Зачем* арапа своего // Младая любит Дездемона, // Как месяц любит ночи мглу?» (в последнем случае сравнительное придаточное с олицетворением расширяет образный ряд, определяющий содержание пушкинского текста). И далее на вопрос дается ответ: «*Затем*, что ветру и орлу // И сердцу девы нет закона». Сама конструкция *зачем — затем* способствует логизации поэтического высказывания, подчеркивая его дидактическую направленность (в «Египетских ночах» это импровизация итальянца на заданную Чарским тему: «Поэт сам избирает предметы для своих песен; толпа не имеет права управлять его вдохновением»).

И наконец возникает образ поэта. Причем эта часть текста, являющаяся основной и содержащая вывод, который полностью соответствует заданной Чарским теме, присоединяется к первой части при помощи указательного местоимения *таков*.

В пятой и шестой строфах пушкинской «Осени» (1833 г.) предметом, заявленным вначале, следует назвать само время года: «Дни поздней осени бранят обыкновенно, // Но мне она мила, читатель дорогой, // Красою тихою, блистающей смиренно», а образом — человека, то есть мир природы соотносится с человеком, а в рамках такого соотнесения встречаются олицетворения. При этом в сознании лирического героя первоначально возникает образ нелюбимого дитяти «в семье родной», а позднее — образ чахоточной девы, осужденной на смерть: подчеркивается ее физическая слабость, безропотность («Бедняжка клонится без ропота, без гнева»), *увянувшая* улыбка на устах, *багровый* цвет, играющий на лице (а он характерен для больных чахоткой), то есть неизбежность смерти. Позднее, в седьмой строфе, отдельные образы, при помощи которых характеризуется «чахоточная дева», автор уже применяет к самой осенней природе: «Люблю я пышное природы *увяданье*, // В *багрец* и в золото одетые леса».

Отдельные строфы стихотворения ***М. Ю. Лермонтова*** «1831-го июня 11 дня» представляют собой относительно самостоятельные структуры с распространенным сравнением: например, в строфе 13 «пустое сердце»,

в глубине сердечных ран которого жила любовь, соотносится с «трещиной развалин», в которой выросла молодая зеленая береза, веселящая взор и украшающая сумрачный гранит.

Кроме того, иногда часть лирического стихотворения, пусть и не являющуюся отдельной строфой, определяет распространенное сравнение. Например, в «Думе» (1838 г.) современное Лермонтову поколение, равнодушное к добру и злу, в начале поприща вянущее без борьбы, позорно малодушное перед опасностью, проявляющее рабскую психологию перед властью, сравнивается с тощим плодом, до времени созрелым, висящим, «ни вкуса нашего не радуя, ни глаз».

В лермонтовских поэмах мы также встречаемся с указанным выше видом сравнения: в поэме «Мцыри» главный герой соотносит собственную судьбу с судьбой цветка, выросшего меж плит сырых, перенесенного в сад «в соседство роз» и погибшего от палящего солнечного луча (глава 21); в «Демоне» застывшая улыбка мертвой Тамары сравнивается с полуживым лучом во время заката, лучом, который «в пустыне отблеска не встретит» и «с своей вершины ледяной» не осветит ничей путь (часть II, глава XIV).

Отдельно остановимся на стихотворении «Графине Ростопчиной» (сер. апр. 1841 г.), которое М. Ю. Лермонтов вписал в альбом поэтессе графине Евдокии Петровне Ростопчиной, урожденной Сушковой (1811–1858), когда уезжал на Кавказ. Лермонтов познакомился с ней еще на детских балах, когда увлекался ее кузиной Е. А. Сушковой.

Что же бросается в глаза, когда читаешь это стихотворение?

По форме и содержанию оно напоминает знаменитые тютчевские «двойчатки», композицию которых определяет развернутое сравнение человека с миром природы, присоединяемое к первой части лирической миниатюры указательным наречием *так*. Отметим и симметрию: каждая строфа состоит из 12 стихов (три катрена с перекрестной рифмовкой).

Вторая строфа стихотворения как бы отражает первую, так как поэт подбирает аналогичные образы к образам из первой строфы: 1) герои стихотворения, рожденные под одной звездой, шедшие по одной дороге, обманутые снами, — две волны, несущиеся дружно «в пустыне моря голубой», подгоняемые южным ветром; 2) оторванность лирического героя «бурями страстей» «от цели благородной», «бесплодная борьба», отрывающая его от «преданий юности», — «утеса каменная грудь», разделившая две волны, теперь несущие «брегам различным, без сожаленья и любви, свой ропот сладостный и томный», «бурный шум», «блеск заемный», «ласки вечные свои». Обратим внимание на то, что сам ропот волн подается здесь в положительном ключе, о чем свидетельствует прежде всего подбор эпитетов. Но благостную картину тем не менее разрушает строка «без сожаленья и любви».

Необходимо указать и на существенное отличие: в первой строфе, в отличие от второй, отчетливо звучит тема предполагаемого будущего: «Предвидя вечную разлуку, // Боюсь я сердцу волю дать; // Боюсь предательскому звуку // Мечту напрасную вверять…» Волнение, психологическое напряжение, вызванное боязнью поддаться чувству, причем на синтаксическом уровне поддержанное анафорой (*боюсь*), а на лексическом — эпитетами *предательскому* и *напрасную*, никак не отражено во второй строфе.

Обнаруживается явное противоречие: если в первой строфе нынешнее психологическое состояние подается в отрицательной коннотации, то во второй — оно отличается сложностью, неоднозначностью

Иначе говоря, во второй строфе, как и в первой, реализуется следующая сюжетная схема: мы «родились под одной звездой» и поэтому шли одной дорогой, но далее, в силу разных причин, наши дороги разошлись. Но если идти вглубь, то в содержании каждой части стихотворения несложно обнаружить специфические черты.

К стихотворениям ***Ф. И. Тютчева***, в которых параллелизм человека и природы поэтически реализуется на основе развернутого сравнения, присоединяемого к первой части при помощи указательного слова (наречия или местоимения), следует отнести такие произведения, как «Поток сгустился и тускнеет…» (1-я пол. 1830-х гг.), «Когда в кругу убийственных забот…» (1849 г.), «Смотри, как на речном просторе…» (1851 г.). Причем в первых двух случаях лирические миниатюры построены по принципу симметрии: у строф, посвященных человеку и природе, одинаковое количество строчек.

Остановимся на стихотворении «Поток сгустился и тускнеет…».

Даже сама ритмическая организация поэтического текста в двух строфах тютчевского произведения сходная: перед нами четырехстопный ямб с перекрестной рифмовкой; мужские и женские рифмы расположены по одному и тому же принципу (в первых четырех стихах строфы женская рифма чередуется с мужской; в пятом-восьмом стихах обнаруживается противоположная тенденция).

Покажем, как на уровне образной структуры произведения вторая строфа, посвященная жизни человеческой души, отражает первую строфу, посвященную миру природы.

В первых четырех стихах каждой строфы обнаруживается атмосфера энтропии, безжизненности, о чем свидетельствует само словоупотребление (глаголы *сгустился*, *тускнеет*, *прячется*, *гаснет*, *немеет* — глаголы с отрицательной частицей *не льется*, *не блещет*, причастие *убитый*; имена существительные *лед*, *оцепененье* — существительное *хлад*, отрицаемые существительные *юность*, *струя*; прилагательные-эпитеты

твердый, *ледяной* — прилагательное-эпитет *осиротелый*, отрицаемые прилагательные-эпитеты *веселый*, *резвый*).

Тем не менее даже всесильный хлад не может сковать «жизнь бессмертную ключа» — и, соответственно, «хлад бытия» не в состоянии уничтожить человеческую душу, ее ропот — знак жизни. Именно об этом последние четыре стиха каждой строфы.

Отметим, что, характеризуя человеческую душу, поэт использует те же самые или похожие образы из строфы, посвященной миру природы: «*хлад* бытия» — «всесильный *хлад*»; «*льдистая* кора» — «оцепененье *ледяное*»; «*не льется* <…> резвая *струя*» — «*льется*»; «*ропот*», «*шепот*» — «молчанье мертвое *тревожит*»; «лишь *жизнь* бессмертную ключа» — «еще есть *жизнь*». Тем самым подчеркивается сходство двух миров, подчеркнутое при помощи пространственных и звуковых образов и фиксируемое указательным наречием *так*.

Сам лирический сюжет может быть охарактеризован следующим образом: лирический герой созерцает природу — и в его сознании возникает ассоциация с миром человеческой души. Причем эта ассоциация приобретает характер философско-психологического обобщения.

Как утверждает С. Г. Бочаров, в тютчевских параллелизмах-двойчатках природного и человеческого «можно видеть отражение поэтической философии тождества Шеллинга (усвоенной еще в юношеских московских беседах с будущими любомудрами, а затем и прямо из собственных уст философа), но они же читаются как фольклорные архетипы, “психологические параллелизмы”, исследованные впоследствии А. Н. Веселовским как основная фигура мысли народной поэзии» [Бочаров 2008: 17].

Прокомментируем цитату С. Г. Бочарова.

Немецкий философ Шеллинг ни мышление, ни бытие не рассматривал в качестве первоосновы сущего. «Ни то ни другое, вернее, и то и другое вместе — вот из чего нужно исходить. Тождество духа и природы. Абсолютное тождество он называет разумом» [Гулыга 1994: 107].

Как известно, в филологии термин «параллелизм» употреблял А. Н. Веселовский, связывая его с анимистическим миросозерцанием, отражающимся в поэтическом стиле. При этом имеется в виду не отождествление человеческой жизни с жизнью природы и не сравнение, предполагающее «сознание раздельности сравниваемых предметов», а сопоставление «по признаку действия, движения». В основе «определений, отразивших наивное, синкретическое представление природы, закрепощенных языком и верованием, лежит перенесение признака, свойственного одному члену параллели, в другой. Это — *метафоры языка*» [Веселовский 1989: 101–102].

Но вернемся к лирике Ф. И. Тютчева.

В тютчевской лирике встречается и обратная ситуация: в роли ассоциации может выступать мир природы, как в стихотворении «Когда в кругу убийственных забот…» (22 окт. 1849 г.).

Очень легко свести содержание этой лирической миниатюры к пантеистической шеллингианской идее тождества человека и природы. Ср.: «Нам на душу отрадное дохнет, // Минувшим нас обвеет и обнимет // *И* страшный груз минутно приподнимет» — «Вдруг ветр подует, теплый и сырой, // Опавший лист погонит пред собою // *И* душу нам обдаст как бы весною…» Мы видим общий смысл, переданный при помощи синтаксических конструкций с однородными сказуемыми с заключительным союзом *и*, присоединяющим группу слов, которую можно назвать кодой, если использовать музыковедческую терминологию. А кода весьма любопытна. И в той и в другой строфе она — о человеческой душе: минутно приподнявшийся страшный груз под воздействием приятного воспоминания и ощущение весны, появившееся после дуновения ветра, — нечто сходное.

Но глубокое постижение художественного мира поэта, внимательное отношение к поэтическому синтаксису усложняет жизненную картину, возникающую в нашем сознании под непосредственным воздействием словесного искусства. По мнению В. А. Грехнёва, при анализе строфы о жизни человеческой души: «Когда в кругу убийственных забот // *Нам все мерзит — и жизнь, как камней груда, // Лежит на нас,* — вдруг, знает Бог откуда <…>» — отмечается затрудненный синтаксис: вторжение в структуру вводной и сравнительной конструкций, перенос словесной группы из второй в третью строку, протяженная пауза, рассекающая третью строку, обусловливают ритмическое утяжеление стиха, способствуя созданию картины «тяжелого и трудного борения души» [Грехнёв 1978: 162–163].

Ничего подобного во второй строфе, посвященной состоянию природы, мы не видим: «Так иногда, осеннею порой, // Когда поля уж пусты, рощи голы, // Бледнее небо, пасмурнее долы <…>». Ни уточняющее обстоятельство времени, ни четыре однородных придаточных, связанных друг с другом только интонационно, ни пропуск союза со значением времени не утяжеляют стих, а делают его ритмически более организованным: перед нами по-своему гармоничная картина осенней природы. Если в первой строфе — психологическое напряжение, драматизм, то во второй — грусть, не более того: «Осенние сумерки природы не разрывают цепь ее гармонического круговорота, они отнюдь не остановка в ее ночном движении. <…> Сумерки человеческого духа в изображении Тютчева дисгармоничны» [Грехнёв 1978: 163–164].

По принципу параллелизма построен и «Фонтан» (не позднее апр. 1836 г.), в котором человеческая мысль, названная «водометом неистощимым»,

казалось бы, отождествлена с пламенеющей и дробящейся на солнце струей фонтана. В этом стихотворении, в отличие от предыдущего, Ф. И. Тютчев не использует указательное наречие при включении ассоциации в двучленную художественную структуру, то есть конструкция не является присоединительной, но смысловое родство двух строф легко выявляется читателем, чутко реагирующим на образную структуру поэтического текста. На него указывает и начало второй строфы, представляющее собой эмоциональное и одновременно возвышенное обращение к человеческой мысли: «О смертной мысли водомет, // О водомет неистощимый!». Такой поэтическую речь делает целый комплекс языковых средств: лексический повтор, выполняющий уточняющую функцию, две инверсии, восклицательная интонация.

Не удивляет, что в первой строфе автор, характеризующий струю, использует яркие визуальные образы, в связи с чем приведем еще один пример: «*Лучом* поднявшись к небу, он // Коснулся высоты заветной — // И снова *пылью огнецветной* // Ниспасть на землю осужден». В строфе о человеческой мысли поэт использует тот же образ — образ луча, стремящегося к «высоте заветной», то есть высшему, небесному, непознанному и непознаваемому, и свергаемого с высоты некоей силой, которой противостоять человек не в состоянии («длань незримо-роковая»).

Слово *водомет* (устройство, приводимое в движение силой выбрасываемой воды), близкое своей лексической семантикой к слову *фонтан*, автор употребляет в строфе о мысли. В связи с этим вспомним следующие суждения Н. Я. Берковского: «В первой строфе Тютчев применяет слово “фонтан” — слово чужеземное, технологическое. Во второй только строфе появляется слово “водомет” — слово свое, национальное, живописующее и характерное. Перед нами два словесных варианта того же образа: в одном варианте человеческая мысль — мертвая форма, в другом — непосредственная жизнь, движимая изнутри» [Берковский 1985: 179].

Возможно и включение тютчевского стихотворения в литературный контекст: «Встающая над “водометом” невидимая преграда заставляет вспомнить один из ключевых символов “Записок из подполья” — образ “каменной стены”, непреодолимой, но и не рождающей желания примириться с неодолимостью» [Альми 2009: 134].

Некий парадокс, отражающийся и в характере образов, и в композиции стихотворения, отмечает Ю. Н. Чумаков: «Все метафоры “Фонтана” (“облако”, “сияющий”, “пламенеет”, “дробится”, “дым”, “лучом”, “пылью огнецветной”) уводят от водной стихии к яркой изобразительности других стихий. (О воде напоминает лишь “метафора метафоры” — “влажный дым”.) <…> Созерцательности первой части противопоставлен во второй страстно-волевой порыв, внеизобразительный и по существу

музыкальный. Вторая часть, таким образом, драматически сосредоточена на себе в напрасном сопротивлении “длани незримо-роковой”, разрывает параллелизм “фонтана” и “водомета”. Лишь два последних стиха напряженно восстанавливают композиционно-смысловое единство стихотворения, сшивая обе строфы, как нитью, образом “луча”, прежде чем он рассыплется “пылью” и “брызгами”. Заодно последние два стиха возвращают “фонтану” и картинность, и мифологему воды. В результате мы наблюдаем как расколотость двух частей, так и стремление уравновесить их симметрией, повтором ситуации, диффузией образов» [Чумаков 1999: 397–406].

Анализ стихотворений «Поток сгустился и тускнеет…», «Когда в кругу убийственных забот…» и «Фонтан» позволяет выявить два типа параллелизма в тютчевских стихотворениях, в структуру которых может включаться или не включаться указательное слово, делающее сравнение присоединительным.

Сделаем **вывод**.

При помощи развернутого присоединительного сравнения в произведения вводится проблематика философская («Евгений Онегин», «Осень» и «Египетские ночи» Пушкина, «Графине Ростопчиной» Лермонтова, «Поток сгустился и тускнеет…» и «Фонтан» Тютчева), социально-историческая («Умирающий гладиатор» и «Поэт» Лермонтова), психологическая («Возрождение» Пушкина, «Нищий» Лермонтова, «Когда в кругу убийственных забот…» Тютчева) и нравственно-психологическая («Дума» Лермонтова). Причем конкретная жизненная ситуация (она обычно фиксируется в первой части произведения) вызывает в сознании автора (лирического героя) ассоциацию, связанную с другой сферой жизни (бытия), но содержащую в себе тот же смысл. Перед нами средство речевой выразительности, раскрывающее сложность жизни, ее многообразие, подводящее читателя к обобщениям, а они неизбежны, если перед нами соотнесенные друг с другом два явления.

Источники

Боратынский Е. А., Тютчев Ф. И. Поэзия. Проза. Публицистика. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 763 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 1. М.: Художественная литература, 1983. 446 с.

Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 томах. Т. 2. М.: Художественная литература, 1983. 542 с.

Пушкин А. С. Полное собрание сочинений в одном томе. М.: АЛЬФА-КНИГА, 2017. 1214 с.

Литература

Альми И. Л. Внутренний строй литературного произведения. СПб.: Скифия, 2009. 336 с.

Берковский Н. Я. Ф. И. Тютчев // Н. Я. Берковский. О русской литературе. Л.: Художественная литература, 1985. С. 155–199.

Бочаров С. Г. Два поэта мысли // Евгений Абрамович Боратынский. Фёдор Иванович Тютчев. Поэзия. Проза. Публицистика. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. С. 5–24.

Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989. 406 с.

Грехнёв В. А. Композиция и смысл тютчевских сопоставлений // Вопросы сюжета и композиции: Межвузовский сборник. Горький, 1978. С. 156–168.

Гулыга А. В. Шеллинг. 3-е изд., испр. М.: Соратник, 1994. 316 с.

Томашевский Б. В. Стилистика: Учебное пособие. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Издат-во Ленинградского университета, 1983. 288 с.

Чумаков Ю. Н. Стихотворная поэтика Пушкина. СПб.: Государственный Пушкинский театральный центр, 1999. С. 397–406.

References

Al'mi I. L. *Vnutrennii stroi literaturnogo proizvedeniya* [The Internal Structure of a Literary Work]. St. Petersburg: Scythia, 2009. 336 p.

Berkovskii N. Ya. [F. I. Tyutchev]. *N. Ya. Berkovskii. O russkoi literature* [N. Ya. Berkovskii. About Russian Literature]. Leningrad: Khudozhestvennaya literatura, 1985, pp. 155–199. (In Russ.)

Bocharov S. G. [Two Poets of Thought]. *Evgenii Abramovich Boratynskii. Fedor Ivanovich Tyutchev. Poeziya. Proza. Publitsistika* [Evgeniy Abramovich Boratynskiy. Fedor Ivanovich Tyutchev. Poetry. Prose. Journalism]. Moscow: AST: AST MOSKVA, 2008, pp. 5–24. (In Russ.)

Chumakov Yu. N. [Pushkin's Poetic Poetics]. *St. Petersburg: Gosudarstvennyi Pushkinskii teatral'nyi tsentr*, 1999, pp. 397–406. (In Russ.)

Grekhnev V. A. [Composition and Meaning of Tyutchev's Comparisons]. *Voprosy syuzheta i kompozitsii: Mezhvuzovskii sbornik* [Questions of Plot and Composition: Interuniversity Collection]. Gor'kii, 1978, pp. 156–168. (In Russ.)

Gulyga A. V. *Schelling*. 3rd ed. Moscow: Soratnik, 1994. 316 p.

Tomashevskii B. V. *Stilistika: Uchebnoe posobie* [Stylistics: a Textbook]. 2nd ed., rev. and additional. Leningrad: Publishing House of the Leningrad University, 1983. 288 p.

Veselovskii A. N. *Istoricheskaya poetika* [Historical Poetics]. Moscow: Higher School Publ., 1989. 406 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *О. В. Антонова*
Редакторы *А. В. Занадворова, М. А. Пузина*
Корректоры *Н. В. Никитин, В. Л. Цумарева*
Верстка *С. В. Родионовой*

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Подписано к печати 31.10.2022 г.
Дата выхода в свет 30.11.2022 г.
Формат 60×88 $^{1}/_{16}$
Уч.-изд. л. 10,4
Тираж 145 экз.
Зак. 17/5а
Цена свободная

УЧРЕДИТЕЛИ:
Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

ИЗДАТЕЛЬ:
Российская академия наук
20 экземпляров распространяются бесплатно
Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-134-21
ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 1314
Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»
Свидетельство о регистрации в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций ПИ № ФС 77-82889
от 14.03.2022 г.
Адрес типографии: 170021, Тверская область, г. Тверь, Дачная улица, дом 33, офис 1

16+